3.4
И-337

Известия об-ва археологии, истории и этнографии
Т XII вып 5
1895 г.

Областной краеведческий музей
3004
Б3.4
И.33
М. Гульевъ
том 8218/147

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Орденъ хуфіе. Н. Н. Пантусова. . . . . 387—408.
О свадебныхъ обрядахъ татаръ Восточнаго Туркестана. Н. Ѳ. Катанова. . . . . 409—434.
О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. . . . . 435—447.
Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. Н. Ѳ. Катанова. . . . . 448—454.
О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. А. А. Кочнева. . . . . 455—465.
Хроника. Къ вопросу о тамбовскихъ и казанскихъ татарахъ В. К. Магницкаго. . . . . 466—468.
Матеріалы. I. Историческіе. Особенности языка и правописанія грамотъ XVII вѣка. А. И. Соколова. — II. Этнографическіе. Тюркскія сказки о 3 братьяхъ. Предисловіе Н. Ѳ. Катанова. 1. Адербейджанская сказка. Т. А. Иваницкаго. 2. Турецкая сказка. Н. Ѳ. Катанова. 3. Сагайская сказка. Н. Ѳ. Катанова. 4. Логученская сказка. Н. Ѳ. Катанова . . . . . 469—524.
Библіографія. Отзывы. 1. О турецкой книгѣ О. С. Лебедевой «Русская словесность. Константинополь, 1893». 2. О книгѣ «Маріуполь и его окрестности. Маріуполь, 1892». 3. О журналѣ «Globus». 4. О журналѣ «L' Oriente. Roma, 1894». 5. О сборникѣ статей В. И. Вербицкаго «Алтайскіе инородцы. Москва, 1893». 6. О книгѣ «L' irrigation en Asie Centrale, H. Moser. Paris, 1894». 7. О книгѣ «Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области. Оренбургъ, 1894». 8. О книгѣ «Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ Сыръ-дарьинской области. Ташкентъ, 1894». Статьи Н. Ѳ. Катанова. . . . . 525—539.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1895.

Вышелъ 19 марта.

Отпечатано в Инвентарную книгу 14/III 1937 г.
Под № 769 записано
Горно-Алтайский Областной краеведческий музей
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1387. 1208

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

ОРДЕНЪ ХУФІЕ.

Предлагаемая вниманію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи статья дѣйствительнаго члена *Н. Н. Пантусова*, озаглавленная „орденъ хуфіе“, заключаетъ въ себѣ описаніе одной довольно распространенной мусульманской секты, послѣдователи которой живутъ преимущественно въ Русскомъ и Китайскомъ Туркестанѣ. Перечень иностранныхъ и русскихъ сочиненій, посвященныхъ описанію среднеазіятскихъ сектъ со времени Мухаммеда до нашихъ дней, можно найти между прочимъ въ интересномъ сочиненіи Петра Позднева „Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ, 1886“, гдѣ о сектѣ хуфіе говорится на стр. 65 и 234. Одни ученые говорятъ, что всѣхъ мусульманскихъ сектъ 35, другіе—60 и, наконецъ, третьи—100, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ несравненно больше. Первымъ хуфитомъ въ Самаркандѣ былъ Хазрети Джувананъ-Зинди, съ 676 года по Р. Х. Коранъ въ 110 стихѣ XVII главы, называемой „сыны Исраиля“ [1]), предписываетъ точно, какъ нужно произносить молитву: „не произноси *очень громко* [2]) свою молитву и не произноси ея *шепотомъ* [3]); но

---

[1]) بنو اسرائل

[2]) لا تَجْهَرْ

[3]) لا تُخَافِتْ

держись средняго произношенія". Строго исполняя это предписаніе корана, мусульмане произносятъ свои молитвы обыкновенно среднимъ голосомъ, но въ Средней Азіи есть 2 секты: одна—названная выше, это—секта „хуфіе" [1]), т. е. секта „тайнаго произношенія" и другая—секта „джагріе" [2]), т. е. секта „явнаго произношенія",—эти 2 секты другъ отъ друга отличаются тѣмъ, что послѣдователи секты хуфіе вопреки предписанію корана произносятъ молитвы *про себя*, *шепотомъ*, а послѣдователи джагріе—*громко*, *вслухъ*, отчего эти секты и получили свое названіе. Секта джагріе описана *Н. Н. Пантусовымъ* въ „Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества" (кн. 10), секта-же хуфіе въ весьма интересномъ и обстоятельномъ описаніи появляется на русскомъ языкѣ только теперь, если не считать разныхъ мелкихъ замѣтокъ, появлявшихся время отъ времени въ нѣкоторыхъ журналахъ и книгахъ.

---

[1]) خفيه

[2]) جهريه

Н. Катановъ.

Наиболѣе раціональною сектою, по способу изліянія Аллаху своихъ чувствъ, между множествомъ мусульманскихъ толковъ считается по понятіямъ мусульманъ секта *хуфіе* [1]). Этотъ орденъ, считающій свое ученіе болѣе офилософствованнымъ, чѣмъ другіе толки, привлекаетъ въ свои ряды наибольшій контингентъ муридовъ [2]) изъ людей, наиболѣе развитыхъ, достаточныхъ, однимъ словомъ,—классъ высшій въ средѣ мусульманскаго населенія [3]).

Ни въ общественной жизни, ни въ семейной и въ наружныхъ аттрибутахъ ея (какъ напримѣръ: пищѣ, одеждѣ и т. п.) не замѣчается никакихъ отличій у прозелитовъ разныхъ мусульманскихъ орденовъ; въ толпѣ и семьѣ все стушевывается. Вкусы и принадлежность мусульманъ къ тому или другому толку выражаются только во время молитвенныхъ собраній. Здѣсь исключительно проявляется отличіе одной секты отъ другой, здѣсь только сортируются во всей наготѣ степени дикости понятій многихъ послѣдователей пророка . . . . . Эта наружная, такъ сказать, сторона культа лишь и доступна болѣе или менѣе близкому наблюденію изслѣдователя.

Опишу сперва генеральный, какъ наиболѣе характеристичный, молитвенный сеансъ прозелитовъ ордена *хуфіе*, который происходитъ въ *Ташкентѣ* еженедѣльно въ пятницу,

---

[1]) مذهب خفيه

[2]) مريد—послѣдователь.

[3]) Секта *хуфіе*—секта чисто пантеистическаго характера, въ основѣ своей противная духу ислама. Она вылилась не изъ ислама, а образовалась извнѣ. Слова зикра «ху́а» (онъ) и др. явились изъ ученія о непостижимости божества; а потому и имя Божіе замѣняется разными частными эпитетами. Эта секта по отношенію къ исламу то же, что и хлыстовщина по отношенію къ христіанству. [*М. Машановъ*].

въ полдень, послѣ намаза *джума* [1]), и на который собирается около двухсотъ—трехсотъ прозелитовъ (*муридъ*) и зѣвакъ (*нâзыръ*) [2]).

Вслѣдъ за окончаніемъ пятничнаго полуденнаго намаза, хуфиты усаживаются въ мечети такимъ образомъ, что часть ихъ образуетъ въ сторонѣ *кыбле* [3]) большой, овальный кругъ, въ цѣпи котораго у кыбле садится глава ордена—старшій ишанъ [4]) (*пиръ*), имѣющій по обѣ руки младшихъ ишановъ.

Сеансъ открывается чтеніемъ однимъ изъ ишановъ молитвы, которая соотвѣтствуетъ содержаніемъ своимъ нашей эктеніи и заканчивается приблизительно словами: „О Боже, прибѣгаемъ къ Тебѣ, Господу міровъ: пощади насъ, и родителей нашихъ, и наставниковъ, и всѣхъ мусульманъ мужчинъ и женщинъ, освободи насъ отъ различныхъ прегрѣшеній и ниспошли намъ благословленіе, по Твоей милости. Ты судья всѣхъ нашихъ нуждъ, о Всемилостивый и Всемилосердый!“

Во время чтенія этой молитвы одни изъ муридовъ, также какъ и ишанъ, сидятъ съ преклоненными головами, погрузясь во внутреннее созерцаніе, другіе же,—новички (*дахльдâръ* [1]) и проходящіе различныя степени духовнаго совершенства по ученію хуфитовъ сопровождаютъ молитву разнообразнѣйшими криками, возгласами и движеніями. Эти возгласы и тѣлодвиженія достигаютъ своего апогея во время втораго и самаго су-

---

[1]) نماز جُمعه (перс.)—праздничная молитва.

[2]) ناظر (араб.)—смотрящій.

[3]) قبله (араб.)—югозападъ (относительно Ташкента), направленіе къ мечети Меккской, называемой الحرم

[4]) ايشان (перс.)—духовный глава, а پير (перс.)—наставникъ, руководитель.

[5]) دخلدار (перс.)—имѣющій войти.

щественнаго акта моленія—*теваджюгъ*, которое считается важнѣйшимъ принципомъ хуфитскаго ученія [1]).

По окончаніи молитвы, которая произносится сидя, и по заключеніи ея *такбиромъ* [2]), муриды подымаются со своихъ мѣстъ и разсаживаются въ нѣсколько круговъ (*халькe* [3]), число которыхъ зависитъ отъ количества собравшихся прозелитовъ. Каждый кругъ заключаетъ въ себѣ человѣкъ 15-20; такимъ образомъ въ мечети образуется 8 или 9 круговъ. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ садится по одному ишану. *Теваджюгъ* начинается. Состоитъ онъ въ томъ, что ишанъ обращается поочередно къ каждому изъ муридовъ, и предъ каждымъ изъ нихъ произноситъ мысленно нѣсколько десятковъ разъ мистическія слова, сопровождая ихъ счетомъ на четкахъ (*тасбихъ*) [4]). Важнѣйшее значеніе въ этомъ мистическомъ лексиконѣ имѣютъ слова: „Аллягу-ра“ (Богу) и „Я Алла“ (о Боже) [5])! При тайномъ, мысленномъ произнесеніи этихъ словъ, сопровождаемомъ, какъ я уже сказалъ, переборомъ четокъ и закрытіемъ глазъ, какъ у учителя, такъ и у мурида, ишанъ киваетъ головой и слегка сопитъ (*нафисбôтъ*) [6]).

Получивъ такое духовное созерцаніе отъ ишана, муридъ, который все время сидѣлъ съ понуренной головой и закрытыми глазами, выходитъ изъ круга и помѣщается въ кругъ

---

[1]) *Теваджюгъ* (توجه арабское слово) значитъ собственно обращеніе, лицезрѣніе или, въ духовномъ смыслѣ, созерцаніе.

[2]) تكبير (араб.)—прославленіе Божіе, совершаемое чесъ произнесеніе фразы الله اكبر (араб.)—Богъ великъ!

[3]) حلقه (араб.)—кругъ, кольцо.

[4]) تسبيح (араб.)—прославленіе Божіе и четки.

[5]) الله را и يا الله (перс.)

[6]) نفيسباد نفيسه آباد (перс.)—испускающій вздохи, сопѣнія.

къ другому ишану, чтобы и отъ него получить теваджюгъ. Отъ втораго переходитъ онъ къ третьему, четвертому и т. д. пока не обойдетъ всѣхъ ишановъ и не насытится духовно-сердечнымъ лицезрѣніемъ каждаго изъ нихъ.

Ишанъ, давъ теваджюгъ одному ученику, обращается къ другому, третьему, и обходитъ такимъ образомъ (въ сидячемъ положеніи) весь кругъ, въ направленіи противъ солнца, что приходится ему совершить нѣсколько разъ, такъ какъ цѣпь его круга постепенно дополняется новыми звеньями-пришельцами, ищущими созерцанія.

Нѣкоторые изъ муридовъ принимаютъ *теваджюгъ* ишана съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, не выражая дѣйствія его на свою душу никакими восторженными возгласами или движеніями. Другіе же, на оборотъ, прерываютъ или сопровождаютъ теваджюгъ ишана, въ ущербъ важнѣйшему принципу его ученія, разнообразнѣйшими вскрикиваніями и припадками, которые будто бы имѣютъ тотъ смыслъ, что божественная тайна при посредствѣ вдохновеннаго лицезрѣнія ишана проникла въ глубину сердца и чистотою своею потрясла грѣшное тѣло мурида.

Возгласы и крики муридовъ бываютъ самые разнообразные: всѣ звуки, какіе только можетъ изобрѣсти самая изысканная фантазія, имѣютъ здѣсь примѣненіе. Движенія же многихъ изъ нихъ, бѣснованія, сотрясенія и корчи бываютъ весьма сильны.

Особенно запечатлѣлся въ моей памяти одинъ муридъ: все время, съ начала до конца сеанса, въ теченіе $2^1/_2$ часовъ, этотъ мусульманинъ неистовствовалъ въ сильнѣйшей степени. Сперва кричалъ онъ, во всю силу своихъ легкихъ: *гупъ*, *гупъ гупъ*, затѣмъ—*упхи*, *упхи*, повторяя каждый при этихъ возгласовъ по четверти часа безпрерывно, метаясь съ различными гримасами по мечети и теребя другихъ своихъ сосѣдей. Черезъ нѣсколько времени стали раздаваться на всю мечеть его крики: *бррр—бррр-гу*, *бррр—бррр-гу* . . . . . , *тахъ—бирр*, *тахъ—бирр* . . . ., которые заглушали подобныя же священ-

ныя упражненія его компаніоновъ. Тѣлодвиженія и крики этого прозелита довели его до забытья, во время котораго онъ лишился своей тюбетейки и халата, однако, разгоряченный неистовствомъ, продолжалъ свое дѣло еще съ большимъ жаромъ.

Наскучивъ единоличными упражненіями въ прохожденіи степени духовнаго совершенства, этотъ бѣшеный муридъ подыскалъ себѣ подобнаго же товарища. Оба они сѣли одинъ передъ другимъ и начали кричать въ запуски; одинъ кричалъ: *ау-ау-ау-ау* . . . другой: *ги-ххрр*, *ги-ххрр* . . . ., сопровождая эти неестественные звуки тѣлодвиженіями: первый все кланялся до земли, второй подпрыгивалъ въ вертикальномъ положеніи. Проведя въ такомъ упражненіи около четверти часа, они стали разнообразить свои зикры [1]) и издавать нѣчто въ родѣ *ай-гу*, *ай-гу* . . . *ао-ао* . . . . *тпрю-ги*, *тпрю-у тпрю-ги*, *тпрю-у* . . ., приправляя ихъ болѣзненными, лихорадочными сотрясеніями. Самый восторженный актъ моленія наступилъ въ ту минуту, когда оба молящіеся бросились одинъ на другаго, обнялись и, колотя другъ друга кулаками въ спину, подпрыгивали на мѣстѣ, продолжая съ пѣною у рта, свои зикры: *гу-хаккъ*, *гу-хаккъ* [2]), т. е. „Онъ—истина", до тѣхъ поръ, пока оба, изнеможенные, не повалились на землю и пока съ однимъ изъ нихъ не сдѣлался припадокъ падучей болѣзни. Этотъ припадокъ болѣзни, вызванный имъ посредствомъ неистовыхъ тѣлодвиженій и ненормальнаго нравственнаго состоянія, заставилъ его долго метаться по полу, послѣ чего, успокоившись немного, этотъ бѣсноватый молящійся пролежалъ посреди мечети до окончанія моленія.

Невыносимый концертъ, на подобіе вышеописаннаго, под-

---

[1]) ذكر (араб.)—перечисленіе эпитетовъ Божіихъ, которыхъ числомъ 99 или 999; 101 или 1001.

[2]) هو حقّ (араб.)

держивается весьма дружно десяткомъ—другимъ прозелитовъ. Одинъ выражаетъ свои восторги возгласами: *хаккъ*, *хаккъ* [1]) (истина, Богъ) . . . . . , другой вторитъ ему: *гай*, *вай* . . . *у-у-у*, третій: *ай-гу*, *ай-гу*, четвертый: *гу-хаккъ*, *гу-хаккъ*, пятый: *хаккъ-гу*, *хаккъ-гу* [2]), шестой: *ао-ао*, *оа-оа*, *уффф-бррр* и т. п. Въ этомъ раздирающемъ уши концертѣ нѣкоторые, произнося помянутыя выраженія, сопровождаютъ ихъ дрожаніемъ тѣла, происходящимъ отъ сердечнаго вдохновенія, нѣкоторые—киваютъ головой, или покачиваютъ ею въ различныхъ направленіяхъ, иные—кружатся по мечети, около столбовъ, размахиваютъ руками, пляшутъ, бродятъ по мечети, останавливаются подпимаютъ руки къ верху съ криками, крутятъ чрезвычайно быстро головою, и проч.

Одинъ прозелитъ чуть не заставилъ меня расхохотаться на всю мечеть. Дѣло въ томъ, что этотъ муридъ, весьма почтенныхъ лѣтъ, до такой степени кричалъ, кривлялъ свою физіономію и крутилъ усиленно головой, что чалма упала съ его головы, обвилась вокругъ шеи; когда муридъ почувствовалъ себя не совсѣмъ въ удобномъ положеніи для молитвенныхъ манипуляцій, тогда сразу улетучилось у него божественное наитіе, и онъ весьма хладнокровно распуталъ свою чалму, поднялся съ мѣста и преспокойно перешелъ на *теваджюгъ* къ другому ишану.

Попадаются и такія личности, которыя полагаютъ, что почитаніе Аллаха состоитъ въ томъ, чтобы биться объ стѣну головой. Одного подобнаго восторженнаго богомольца я видѣлъ безъ чалмы, тюбетейки; голой головой онъ сильно бился объ стѣну, выкрикивая во все горло какой-то зикръ. Трудно подозрѣвать, что такіе, часто лѣнивые и неподвижные люди, какими представляются азіатцы въ общественной и семейной

---

[1]) حقّ (араб.)

[2]) حقّ هو (араб.)

жизни, могутъ снизойти до такой степени бѣснованія, подъ вліяніемъ мусульманскаго религіознаго ученія.

Упомяну еще о моемъ сосѣдѣ-хуфитѣ, который до такой степени накричался и накивался головой, что послѣ двухчасоваго безпрерывнаго крика и тѣлеснаго напряженія дошелъ до какого-то неистовства; пѣна клубами падала изъ его рта на бороду. Началъ онъ свое моленіе плачемъ, вѣроятно о согрѣшеніяхъ своихъ; нарыдавшись вдоволь, онъ сталъ произносить зикры: *гу-хакикъ*, *гу-хакикъ* [1]) (Онъ праведный), *гу-гаффаръ* [2]) (Онъ всепрощающій, *гу-гаккакъ*, *гу-гаккакъ* [3]) (Онъ самый праведный), произнося ихъ все съ большей и большей торопливостью; наконецъ, когда ускоренныя тѣлодвиженія не соотвѣтствовали темпу выговора этихъ словъ, хуфитъ замѣнилъ ихъ болѣе короткими и менѣе затрудняющими: *хаккъ-гу*, *хаккъ-гу* [4]) . . . .

Затѣмъ онъ сталъ понемногу наэлектризовываться религіознымъ восторгомъ, выдѣлывать неподобающіе его фигурѣ прыжки и издавать неопредѣленные звуки. Продолжительность такихъ упражненій довела его наконецъ до неистовства.

Не остаются безмолвными и ишаны, во время своихъ теваджюгъ: какъ бы въ поощреніе муридовъ, они глухо издаютъ по временамъ зикры: *гей-гей* [5]) (Онъ живой).

Послѣ того, какъ муриды получатъ отъ каждаго ишана въ отдѣльности *теваджюгъ*, прозелиты усаживаются въ обык-

---

[1]) هو حقيق (араб).

[2]) هو غفّار (араб).

[3]) هو حقّاق (араб).

[4]) هو حقّ (араб).

[5]) حىّ (араб).

новенномъ порядкѣ, обратясь къ кыбле, на молитву, которой предшествуетъ чтеніе тирадъ изъ корана. За длинной молитвой, сопровождаемой такбиромъ и выслушиваемой муридами стоя, слѣдуетъ *зіяретъ* [1]) или *мулокотъ* [2]), т. е. пожатіе, похожее почти на цѣлованіе, рукъ у главнаго ишана и прочихъ ишановъ, и взаимное привѣтствіе вѣрующихъ.

Пятничное моленіе, имѣющее техническое названіе *теваджюгъ*, подобно тому, какъ сеансы ордена джагріе [3]) именуются *джагръ* [4]) или зикръ, длится около двухъ съ половиною часовъ; причина тому многочисленность муридовъ: пока всѣ они получатъ теваджюгъ отъ каждаго ишана, пока большинство изъ нихъ побѣснуются въ должной мѣрѣ,—пройдетъ не мало времени.

Вотъ картина сеанса хуфитовъ!

Описать всего въ надлежащей полнотѣ невозможно: не хватаетъ красокъ для такой во многихъ отношеніяхъ неестественной картины, которая на бумагѣ очерчена нами весьма слабо. Чтобы представить ее себѣ въ настоящемъ видѣ, въ дѣйствительности, читателю предлагается посѣтить самому эти интересныя собранія, но только не въ компаніи, а отдѣльно, и притомъ если онъ съ крѣпкими нервами [5]).

Кромѣ этого генеральнаго по многочисленности посѣтителей сеанса, ежедневныя засѣданія ишановъ съ муридами

---

[1]) زيارت (араб).

[2]) ملاقات (араб).

[3]) مذهب جهريه (перс).

[4]) جهر (араб).

[5]) Наиболѣе славятся въ городѣ Ташкентѣ хуфиты-ишаны: Абдулъ-Касымъ-Ханъ-ишанъ и Ахмедъ-Махзумъ-ишанъ, въ Бишъ-агачской части; первый въ Махалле (кварталѣ) Охчи, второй—въ Махалле Арпа-пая. Оба они имѣютъ собственныя мечети, куда и собираютъ своихъ многочисленныхъ муридовъ. Кромѣ того, хуфиты собираются въ «Муй-Мубарекъ», у медрессе Баракъ-хана, и во многихъ другихъ мѣстахъ.

происходятъ три раза: утромъ-послѣ намаза бамдадъ [1]) на зарѣ), въ полдень-послѣ намаза асръ [2]), и вечеромъ-вслѣдъ за намазомъ хуфтанъ [3]). Порядокъ этихъ сеансовъ похожъ во всемъ на сеансы пятничнаго моленія; разница только въ томъ, что во время теваджюгъ образуется одинъ кругъ, за малочисленностію муридовъ, и подвизается въ священнодѣйствіи одинъ ишанъ.

По вечерамъ и ночамъ, подъ пятницу преимущественно, бываютъ бесѣды (*сохбатъ* [4]) ишана съ муридами и лекціи (*тесаввуфъ* [5]), содержаніе которыхъ составляютъ наставленія въ догматахъ и обрядахъ хуфизма.

Хотя ученіе хуфитовъ и считается, по отношенію къ способу выраженія чувствъ прозелитовъ, болѣе облагороженнымъ чѣмъ ученіе послѣдователей толка *джагріе*, однако, по дикости проявленія этихъ чувствъ въ наружныхъ формахъ, одно другому не уступитъ: у джагріе я не видѣлъ такихъ бѣшеныхъ прозелитовъ, способныхъ биться головой объ стѣну, какъ у хуфіе.

Склонность къ неестественнымъ, конвульсивнымъ движеніямъ, бѣснованіямъ, практикуемымъ послѣдователями различныхъ толковъ вообще, даже и такихъ, важнѣйшій принципъ ученія которыхъ состоитъ въ таинственномъ сердечномъ созерцаніи, безъ наружнаго проявленія чувствъ, какъ напримѣръ

---

1) نماز بامداد (перс).

2) نماز عصر (перс).

3) نماز خفتن (перс).

4) صُحبت (араб).

5) تصوّف (араб).

у хуфитовъ[1]),—объясняется стремленіемъ подражать конвульсивнымъ движеніямъ своего пророка, вызывавшимся нервными припадками, которымъ послѣдній подвергался и въ дѣтствѣ, и въ зрѣломъ возрастѣ.

Пароксизму пророка всегда предшествовало угнетеніе духа; лице его становилось мрачнымъ и конечности холодѣли. Жилы на лбу напрягались, глаза останавливались и голова конвульсивно поворачивалась то въ одну, то въ другую сторону, въ это время онъ изрекалъ пророчества или суры [2]). При этомъ страданія его были не обыкновенны, онъ часто упоминалъ о трехъ ужасныхъ припадкахъ, отъ которыхъ подѣли его волосы. Нѣкоторые изъ друзей его приписывали такое странное умственное состояніе эксцентричностямъ, свойственнымъ поэтамъ, другіе считали его одержимымъ злымъ духомъ или прямо признавали его безумнымъ [3]).

Въ подражаніе этимъ естественнымъ припадкамъ своего пророка, сыны ислама всѣми силами стремятся, во время молитвенныхъ собраній, вызвать и духовное и тѣлесное возбужденіе посредствомъ различныхъ бѣснованій (*джазава* [4]), которымъ придается большое значеніе потому, что они считаются средствомъ къ вызову и проявленію божественнаго наитія и пророческаго вдохновенія.

Пустоту и притворность духовныхъ чувствъ, которыми воодушевляются восторженныя движенія мусульманскихъ прозелитовъ, сознавали и сознаютъ наиболѣе разсудительные мусульмане. На сколько искренни эти чувства, на сколько пол-

[1]) *Хуфіе* (арабское слово) значитъ тайный, скрытный. Этимъ именемъ (въ противоположность *джагріе* громкій, явный) характеризуется способъ выраженія чувствъ, которыя у джагріе всѣ высказываются въ движеніяхъ, у хуфіе же онѣ скрыты во внутреннемъ созерцаніи. Первымъ хуфитомъ считается первый халифъ Абу-Бекръ-Сыддыкъ.

[2]) سورة (араб.)—главы Корана.

[3]) Картины изъ жизни историческихъ и неисторическихъ народовъ, стр. 24. (Знаніе).

[4]) جذبات (араб.)—раздраженія, увлеченія.

но теплотой, умиленіемъ, или вообще содержаніемъ сердце мурида-хуфита или джагріе, характеризуется слѣдующимъ стихомъ изъ твореній поэта Невâи [1]) или Фузули [2]) (не помню хорошо), весьма распространеннымъ въ общежитіи: Джагріесы аузы ачыкъ хôли-хумъ, Хуфіесы хемъ јель-бирленъ тольганъ тулюмъ [3]), что значитъ: „джагритъ съ открытымъ ртомъ похожъ на пустой горшокъ; хуфитъ точно также похожъ на бурдюкъ, наполненный вѣтромъ (воздухомъ)“ [4]).

Слѣдовательно и въ томъ, и въ другомъ содержаніе одинаково: пустота!

Эту критику могу подтвердить и я, замѣтивъ, что въ сущности вся процедура моленія хуфитовъ, съ аксессуарами восторженности,—простая личина: такъ на утреннемъ послѣ зари моленіи, вдохновенный свыше муридъ, мой сосѣдъ, по окончаніи теваджюга, сталъ минуту спустя зѣвать во весь ротъ, что едва ли случилось бы при непритворномъ состояніи правовѣрующей души!

Тайны ученія хуфизма и божественнаго откровенія раскрываются муридамъ сами собою, по мѣрѣ постепеннаго духовнаго ихъ совершенствованія и просвѣщенія. Послѣднее достигается посредствомъ *теваджюгъ* ишана (которое способствуетъ вытѣсненію изъ души всего дурнаго и нечистаго) и прохожденіемъ нѣсколькихъ ступеней послушанія. По мѣрѣ

---

[1]) Джагатайскій поэтъ Миръ-Али-Ширъ-Неваи (میرعلی شیرنوای) жилъ въ 1441—1500 гг.

[2]) Фузули(فضولی) османскій романтикъ, умеръ въ 1562 г.

[3]) جهریه سی آوزی آچیق خالی خُم
خفیه سی هم یل بیرلان طولغان طولوم (по-тюркски).

[4]) Другая редакція этого стиха, неимѣющаго впрочемъ должнаго ритма. جهریه سی آوزی آچیق قوروق خم خفیه سی یلکا طولغان طولوم Джагріесы аузы ачыкъ, курукъ хумъ. Хуфіесы іельгя тольгянъ тулюмъ. Значеніе его одинаково съ первымъ.

№ 3004-43 г.
ОБЛАСТИ... ...УЗЕЙ
БИБ... ...А
Инв. № 1208

выполненія ихъ, сердце мурида очищается (пâкизе) [1]), освѣщается (*раушанъ*) [2]) божественною истиною, и, какъ бы по лѣстницѣ, прогрессивно восходитъ своимъ сердечнымъ окомъ къ созерцанію и познанію принциповъ хуфитскаго ученія. Этихъ степеней насчитывается шесть (*шешъ-латâифъ*) [3]), а по другимъ—больше.

Принятіе неофита (*дâхилъ*) [4]), или (*дахльдôръ*) въ члены ордена и посвященіе его въ таинства ученія начинается съ того, что ишанъ беретъ правую руку неофита и, заключивъ выпрямленную ладонь ея въ свои тоже выпрямленныя ладони (символъ прямоты, правдивости), задаетъ ему нѣсколько безыскусственныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ, ишанъ вопрошаетъ между прочимъ; „вступаетъ ли неофитъ въ толкъ хуфіе?“ На это послѣдній отвѣчаетъ: „вступилъ“. Послѣ того дается нравственное назиданіе на темы: „ничего дурнаго не дѣлать, не лгать, чаще молиться Богу, вдыхать въ себя слово „Аллахъ“, не брать ничего чужаго, и предписывается прохожденіе *первой степени* послушанія *талимъ* [5]), которое состоитъ въ томъ, чтобы утромъ, при восхожденіи солнца, прочитать нѣсколько разъ молитву такого содержанія: „О Боже! пошли милость твою нашему начальнику и начальнику всего народа (Мухаммеду), его родственникамъ и его асхабамъ (сподвижникамъ) [6]) и благослови всѣхъ ихъ!!

Мысленное произнесеніе этой молитвы рекомендуется повторять въ день столько разъ, сколько возможно (отъ 400 до

---

1) پاکیزه (перс.)—чистый, непорочный.

2) روشن (перс.)—свѣтлый, ясный.

3) شش لطائف (перс.)—шесть милостей.

4) داخل (араб.)—входящій.

5) تعليم (араб.)—обученіе.

6) اصحاب (араб.)—товарищи.

500 разъ), равно какъ и произнесеніе слова *Аллахъ*, которое повторяется иными десятки тысячъ разъ въ сутки.

Слово *Аллахъ*, по ученію хуфитовъ, предписывается произносить не языкомъ, а сердцемъ, слѣдовательно—въ лѣвомъ боку, въ теченіи по меньшей мѣрѣ десяти дней; по истеченіи ихъ, слѣдуетъ произносить слово Аллахъ въ противоположномъ — правомъ боку. Это упражненіе длится тоже десять дней; послѣ того сердце начинаетъ трепетать, по временамъ очищаясь и одушевляясь божественной истиной. Въ теченіи третьяго десятка дней слово „Аллахъ" произносится надъ сердцемъ, въ лѣвомъ боку; въ теченіи четвертаго десятка—въ правомъ боку, тоже вверху, подъ ключицею. Пятый десятокъ посвящается произнесенію „Аллахъ" въ груди и, наконецъ, шестой—въ горлѣ (*дымагъ*) [1]). Во время этихъ молитвенныхъ упражненій все нечистое и прочное оставляетъ внутренность мурида, улетучиваясь изъ нея посредствомъ разнообразныхъ тѣлесныхъ припадковъ и бѣснованій (*джазби джунунъ* [2]), или неправильно въ просторѣчіи —*джазава*).

Поученія и бесѣды съ неофитами происходятъ по вечерамъ, преимущественно наканунѣ пятницы.

Порядокъ этихъ собраній таковъ: вслѣдъ за намазомъ хуфтанъ, имѣющимъ мѣсто часовъ около семи вечера, сектаторы—хуфиты усаживаются въ кругъ, послѣ чего слѣдуетъ раздача муридамъ камешковъ, въ количествѣ 100 штукъ; на долю каждаго достается по 2, по 3, 4, смотря по числу муридовъ. Ишанъ кладетъ передъ собою кучку камешковъ въ числѣ 10, и беретъ также въ руки нѣсколько штукъ. Камешки эти, употребляясь при счетѣ репетированія молитвъ и зикровъ, замѣняютъ собою четки. Сеансъ открывается, послѣ распредѣленія камешковъ, молитвой съ такбиромъ, за которой

---

[1]) دماغ (перс.)—верхъ горла, небо.

[2]) جذب جنون (перс.)—удовлетвореніе бѣснованія.

слѣдуетъ чтеніе суры-фâтиха [1]). Послѣ этой общеизвѣстной молитвы начинается молитвословіе, состоящее изъ разнообразныхъ величаній, хвалебныхъ стиховъ и тирадъ изъ корана, начало которыхъ цитируется ишаномъ вслухъ, а конецъ произносится мысленно какъ ишаномъ, такъ и муридами. Для образчика приведу здѣсь наиболѣе употребительныя цитаты, изъ которыхъ нѣкоторыя повторяются два раза, иные же—до десяти:

1) „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! О Господи благослови начальника нашего Мухаммеда и родъ Мухаммеда какъ между предшественниками нашими, такъ и въ послѣдующемъ поколѣніи“.... (продолженіе цитируется мысленно).

2) Во имя Бога милостиваго и милосердаго! О Боже!..... Затѣмъ слѣдуетъ начало суры *ихлясъ* [2].....

3) Начало суры Аля [3].....

4) „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! О Боже! Пощади насъ, Боже, отъ (навѣтовъ) проклятаго діавола“.....

5) Во имя Бога и т. д. Прибѣжище мое и сила лишь только Ты, Господь!.....

6) Во имя Бога и т. д. О живый, о неизмѣнный!

7) О источникъ славы и милости! О исцѣлитель недуговъ, о высокостепенный!

8) О вмѣстилище благословенія! О судья нашихъ нуждъ!

9) Прими насъ подъ свой покровъ, ибо ты приклоняющій ухо (къ нашимъ мольбамъ) и всевѣдущій!.....

Эти и многія другія славословія прерываются по временамъ такбиромъ, молитвой и „словомъ“ *карыя* [4]), заканчивают-

---

[1]) سورة فاتحة الكتاب (араб.)—первая голова корана.

[2]) سورة الاخلاص (араб.)—112-я глава корана.

[3]) سورة الاعلى (араб.)—87-я глава корана.

[4]) قرآءة (араб.)—чтеніе.

ся же—цѣлованіемъ камней и проведеніемъ ими по лицу. Послѣ этого камешки отбираются и наступаетъ чтеніе историческихъ отрывковъ изъ житій святыхъ, толкованіе корана и наставленіе въ догматахъ и обрядахъ хуфитскаго культа. Важнѣйшую роль на этихъ лекціяхъ играетъ „Нафахâту'ль-унсъ“ [1])—сочиненіе Мевляна Джами [2]).

Душеспасительная и поучительная бесѣда завершается чаепитіемъ, лепешками и пловомъ.

Вторая степень упражненій, предписываемыхъ ишаномъ, состоитъ въ мысленномъ произнесеніи извѣстной формулы „*Ла илôга илль' Алла*“ [3]) (нѣтъ божества кромѣ Аллаха), съ легкимъ при этомъ покачиваніемъ головы въ сторону сердца, въ глубь котораго какъ бы направляются эти символическія слова изъ области мыслей.

Слѣдующая степень *таглиль* [4]), состоитъ въ произнесеніи девять разъ мусульманскаго символа вѣры: „Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха“, а въ десятый—„и Мухаммедъ посланникъ Бога“ [5]) (ва-Мухаммедъ расулю'лла) [6]). Эти разы считаются по суставамъ пальцевъ лѣвой руки, начиная съ мизинца: на трехъ пальцахъ, при сгибѣ ихъ во внутреннюю сторону ладони выясняется девять суставовъ, которые и служатъ муриду вмѣсто четокъ, составляющихъ принадлежность хуфитовъ болѣе высокаго духовнаго совершенства;—пунктами опо-

-1387-

---

[1]) Полное заглавіе этой книги نفحات الانس من حضرات القدس —біографіи суфіевъ (мистиковъ).

[2]) Полное имя его Нуръ-эд-динъ Абду'ррахманъ Джами (نورالدين عبدالرحمان جامى), умеръ 1492 года.

[3]) لا اله الا الله (араб.).

[4]) تهليل (араб.)—славословіе.

[5]) ومحمّد رسول الله (араб.).

[6]) Иные толкуютъ, что формула: «нѣтъ божества и т. д.» произносится одиннадцать разъ, а «Мухаммедъ посланникъ Аллаха» въ двѣнадцатый.

Горно-Алтайский
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗ.
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1387.

ры при произнесеніи символа вѣры; для десятаго раза пунктомъ опоры служитъ вершина средняго пальца [1]). Въ счетѣ факторомъ или регуляторомъ является большой палецъ той же лѣвой руки.

Затѣмъ — повтореніе днемъ и ночью нѣсколько тысячъ разъ зикровъ: „Я Алла“ [2]), „*Я раззâкъ*“ [3]) (о питатель), „*Я хейй* [4]) (о живой), „*Ла илôга илль'Алла*“, „*бисмилля*“ [5]) (во имя Бога) и множества другихъ — составляетъ также часть упражненій при восхожденіи къ душевному очищенію.

Степень *нафисбôдъ* (или *нафâисбодъ* [6]) иначе *вылâети сугра* [7]) состоитъ въ сидѣніи со сложенными крестообразно на колѣняхъ руками и понуренной головой, во время котораго и въ мысляхъ и языкомъ произносится слово: „Я Алла“. Произносится оно почти безмолвно, сопровождаясь только сопѣніемъ (*нафисъ*) и едва слышимымъ прищелкиваніемъ языка, при чемъ голова иногда слегка покачивается сверху внизъ. Подобныя упражненія производятся нѣсколько разъ въ день. По достиженіи этого градуса совершенства, человѣкъ дѣлается почти святымъ, хотя не вполнѣ еще достоинъ такого почетнаго эпитета.

---

[1]) Если произнесеніе символа происходитъ не по девятикратной системѣ, а по двѣнадцатикратной, то счетъ сопровождается также, при участіи большаго пальца, на трехъ пальцахъ; только въ этомъ случаѣ пунктами счета являются складки на внутренней сторонѣ пальцевъ и вершины ихъ, которыя въ совокупности дадутъ двѣнадцать точекъ опоръ для большого пальца.

[2]) يا الله (араб.)—о Боже!

[3]) يا رزّاق (араб.).

[4]) يا حىّ (араб.).

[5]) بسم الله (араб.).

[6]) نفاؤسباد (перс.).

[7]) ولايت صغرى (перс.)—малыя обязанности.

Прохожденіе послѣдующихъ степеней заключается въ чтеніи различныхъ по желанію суръ корана *телôватъ* [1]), размышленіи надъ прочитаннымъ, созерцаніи величія Божія, выражающемся въ безмолвномъ сидѣніи съ преклоненной въ сторону сердца головой и закрытыми глазами, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Въ послѣдней степени *(хатми-сулюкъ)* [2]) своего духовнаго совершенствованія человѣкъ достигаетъ такого состоянія святости, что ничто не можетъ повредить ему, даже если ударить его палкой, шашкой, выстрѣлить въ него изъ ружья или вообще причинить ему какое-либо насиліе. Однако такихъ хуфитовъ, по толкованію простодушныхъ мусульманъ, бываетъ крайне ограниченное число. Каждую степень нравственнаго очищенія и духовнаго совершенства, практика которой обставляется особаго рода упражненіями какъ тѣлесными, такъ и духовными, муридъ проходитъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, а иногда—годъ или два, смотря по духовнымъ способностямъ къ воспріятію божественной истины и откровенія. Такимъ образомъ, для прохожденія всѣхъ степеней и совершеннаго просвѣщенія, возводящаго мурида на степень ишана-учителя, необходимъ періодъ времени отъ 4 до 10 лѣтъ. Такой періодъ достаточенъ, смотря по комплекціи муридовъ, для окончательнаго разстройства здоровья многихъ святошъ, при помощи продолжительныхъ искусственныхъ пароксизмовъ, конвульсій, разныхъ болѣзненныхъ припадковъ, при помощи долгаго нравственнаго и тѣлеснаго напряженія, поста, ночнаго бдѣнія и т. п. Это разстройство обусловливается слабостью организма вообще и сердцебіеніемъ въ особенности; послѣднее считается у хуфитовъ проявленіемъ апогея духовнаго совершенства. Глухой звукъ, издаваемый біеніемъ сердца у болѣзнен-

---

[1]) تلاوة (араб.)—чтеніе.

[2]) ختم سلوك (перс.)—конецъ движенія.

ныхъ хуфитовъ сравнивается со звукомъ *хаккъ* [1])—истина. Такое болѣзненное совершенство достигается по понятіямъ сектаторовъ не раньше, какъ по прошествіи четырехъ лѣтъ послушанія, при томъ однако условіи—не говоря уже о другихъ требованіяхъ — чтобы въ теченіе всего этого времени муридъ самъ готовилъ себѣ пищу, не касаясь стряпни чужихъ, можетъ быть, нечистыхъ рукъ.

Истинные ишаны (каковыхъ весьма малый процентъ) также, какъ и истинные иноки орденовъ другихъ религій, на видъ болѣзненны, блѣдны; причина тому: незначительное количество употребляемой ими пищи и бдѣнія по цѣлымъ ночамъ, во время которыхъ происходятъ поученія [2]).

Ишаны,—главы орденовъ, никакихъ занятій, достойныхъ гражданина, не имѣютъ; кромѣ религіозныхъ требъ, они ничѣмъ не занимаются: ни торговлей, ни земледѣліемъ, и промышляютъ лишь своимъ духовнымъ достоинствомъ, благодаря которому съ избыткомъ пріобрѣтаютъ со всѣхъ сторонъ отъ своихъ учениковъ все необходимое для существованія. Почти каждый изъ великихъ ишановъ имѣетъ свою мечеть, а иные—

---

[1]) حقّ (араб.).

[2]) *I. ишаны* бываютъ двухъ разрядовъ: первый, высшій разрядъ, составляютъ ишаны-наставники, или настоятели различныхъ толковъ; второй, низшій: ишаны, ученики старцевъ настоятелей, которые, не имѣя близкихъ религіозныхъ отношеній къ настоятелямъ орденовъ, проводятъ ночи въ молитвѣ, чѣмъ и располагаютъ къ себѣ толпу, пріобрѣтая при этомъ эпитетъ ишана.

Всѣ знаменитые ишаны, учители разныхъ мусульманскихъ толковъ, перечисляются, въ составѣ болѣе тысячи, въ «Хазинету'ль-асфія» (сокровищницѣ мистиковъ), представляющей компилляцію изъ «Таварихи-Абзали», «Реузету'с-селямъ», «Китаби-Накшбендіе», «Махбару'ль-васелинъ», «Тезкереи-Адаміе» и другихъ сочиненіяхъ, извѣстныхъ ученому міру большею частію по имени.

Послѣ халифа Абу-Бекра, въ ряду знаменитѣйшихъ хуфитовъ называютъ Селеймана-Фарси (персидскаго), имама Джаафара-Садыка и Бега-уддина. Послѣднему приписываютъ сокращеніе и облегченіе безконечныхъ моленій: онъ рекомендовалъ молиться меньше, но за то съ чувствомъ.

при ней и медрессе. Одинъ ишанъ хвастался, что имѣетъ до 15 тысячъ муридовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ пунктахъ Средней Азіи; если это правда, то доходы его должны быть не малы, судя по тароватости на этотъ счетъ послѣдователей пророка и системъ силяу [1]) (подарковъ), имѣющей у нихъ обширное примѣненіе.

Что касается внутренней, догматической стороны ученія, приправленной философіей съ примѣсью мистическихъ толкованій обрядовъ, то проникнуть въ его таинства до сихъ поръ еще не удалось, да и развѣдать что-нибудь, при той скрытности, какою пропитанъ характеръ азіатца, почти не доступно. Ученики—хуфиты мало свѣдущи; одинъ ничего не знаетъ, другой противорѣчитъ самому себѣ, третій говоритъ вздоръ, четвертый совѣтуетъ обратиться за свѣдѣніями къ Зафаръ-Махзуму, какъ наиболѣе просвѣщенному въ этомъ отношеніи; Зафаръ-Махзумъ отзывается невѣдѣніемъ и отсылаетъ къ Бабаджану, послѣдній—къ Инôгамъ-ходжѣ и т. д. Набрести на человѣка, который бы не отказался сообщить что-нибудь изъ того, что знаетъ, мнѣ еще не удалось. Если же обратиться къ прямому источнику, къ ишану, то онъ отвѣчаетъ обыкновенно приглашеніемъ сдѣлаться послѣдователемъ его ученія и пройти предварительно всѣ степени нравственнаго очищенія и совершенства [1]).

---

[1]) صيلاو (тюрк.)—подарокъ, угощеніе.

[2]) Послѣ перваго сеанса, на которомъ и я удостоился получить тевадджюгъ ишана, меня спрашивали: какое впечатлѣніе произвело на мое сердце лицезрѣніе великаго праведника? Я откровенно сознался, что—никакого. Эти слова мои объяснялись тѣмъ, что сердце мое нечисто (*тазе, пакизе имесъ* تازه پاكيزه ايماس). Кстати сообщимъ здѣсь объ одной изъ множества продѣлокъ театральнаго характера, которую учинилъ, какъ говорятъ, ишанъ А. М, продѣлокъ, свидѣтельствующихъ объ увѣренности мусульманъ въ святости своихъ наставниковъ. Дѣло въ томъ, что однажды вздумалось ему совершить богомолье къ Хазрети-султанъ (въ Туркестанѣ). Окруженный толпой муридовъ, онъ отправился въ зіяретъ. Подъ Иканомъ въ полѣ онъ вдругъ

На многіе вопросы касательно хуфитскаго культа я не могъ добиться никакихъ толковыхъ отвѣтовъ ишана, который замаскировывалъ ихъ увѣреніемъ или объясненіемъ, что Богъ самъ открываетъ тайны ихъ ученія достойнѣйшимъ изъ муридовъ, по очищеніи сердца нѣсколькими теваджюгъ и подарками ишану, которые играютъ не малую роль въ дѣлѣ духовнаго преуспѣянія. Такимъ образомъ съ перваго же шага является отпоръ изслѣдователю; и вотъ, вслѣдствіе тѣхъ неимовѣрныхъ затрудненій, которыя приходится испытывать при развѣдываніи, изслѣдованіе этого предмета затянется, вѣроятно, на долгое время, и составитъ уже предметъ отдѣльной статьи.

Н. Пантусовъ.

Г. Вѣрный,
Семирѣченской области.
16 августа 1894 г.

оборачивается назадъ и машетъ рукой, давая знать муридамъ, чтобы они остановились; тѣ остановились. Ишанъ сошелъ съ лошади и пошелъ впередъ нѣсколько десятковъ шаговъ: затѣмъ остановился и началъ кланяться и почтительно привѣтствовать кого-то. Этотъ селямъ продолжался довольно долго. Послѣ того ишанъ подозвалъ своихъ муридовъ и спросилъ ихъ: «ну что? видѣли?» Тѣ отвѣчаютъ «кого?»—«Какъ кого? эхъ, вы слѣпые! да Хазретъ-Султанъ (خواجه احمد يسوى) самъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, а вы и не видѣли!» Послѣ упрека въ недостаткѣ духовной чистоты и прозорливости, ишанъ велѣлъ устроить, въ воспоминаніе явленія ему туркестанскаго святаго, мазаръ مزار —мѣсто поклоненія. Увѣнчавъ его конскимъ хвостомъ, наши поклонники пошли далѣе, къ цѣли своего богомолья.

О СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ ТАТАРЪ ВОСТОЧНАГО ТУРКЕСТАНА.

Предлагаемая при семъ вниманію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи статья подъ заглавіемъ „О свадебныхъ обычаяхъ татаръ Восточнаго Туркестана“ есть результатъ моего путешествія, совершеннаго по Восточному Туркестану съ 1890 по 1892 годъ по порученію Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Смѣю надѣяться, что предлагаемая статья будетъ не безъинтересна Обществу, такъ какъ Восточный или Китайскій Туркестанъ извѣстенъ Европѣ болѣе въ естественно-историческомъ отношеніи, нежели въ этнографическомъ. Впрочемъ, нравы и обычаи татаръ Восточнаго Туркестана были изучены и описаны отчасти еще въ прошломъ столѣтіи китайцами. Я разумѣю именно свѣдѣнія о татарахъ, собранныя въ Туркестанѣ однимъ китайскимъ чиновникомъ обнародованныя въ Бей—цзинѣ (т. е. Пекинѣ) 1773 года подъ заглавіемъ „Си-юй-вынь-цзянь-лу“—„Описаніе Западнаго края“ (Восточнаго Туркестана и Чжунгаріи). Извѣстный синологъ монахъ Іакинѳъ Бичуринъ перевелъ это сочиненіе въ 1829 г. на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи. 2 части. С.-Петербургъ“. Въ сочиненіи К. Риттера „Восточный или Китайскій Туркестанъ“, перева-

денномъ на русскій языкъ, дополненномъ проф. В. В. Григорьевымъ и изданномъ имъ въ С.-Петербургѣ 1869 и 1873 г. въ двухъ томахъ, тоже есть свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ древнихъ татаръ Восточнаго Туркестана.

Описаніе свадебъ одного изъ татарскихъ племенъ Китая, именно таранчей Илійскаго края, есть въ соч. дѣйствит. члена нашего общества Н. Н. Пантусова „Таранчинскія пѣсни. С.-Петербургъ, 1890“.

Отсылая желающихъ познакомиться съ нравами и обычаями древнихъ обитателей Восточнаго Туркестана къ вышеназваннымъ сочиненіямъ, перехожу къ записанному мною со словъ туземцевъ описанію нравовъ и обычаевъ нынѣшнихъ татаръ этой страны, называемой по-русски Восточнымъ или Китайскимъ Туркестаномъ и по-китайски Гань-су-синь-цзянь и прежде называвшейся Малой Бухаріей.

I. Свадьбы у татаръ селенія Токсунъ [1]).

(Близь г. Турфана).

Сначала отецъ и мать жениха ѣдутъ къ тестю. Если они хорошіе люди, то кромѣ отца и матери ѣдутъ еще два человѣка. Ѣдутъ, заколовши одну овцу и взявши ея конечности и 9 хлѣбовъ. Пріѣхавши, поздоровавшись и переступивши порогъ, стоятъ скрестивши руки. Если попросятъ ихъ въ передній уголъ, то они отвѣчаютъ: „мы имѣемъ до васъ дѣло“. Если отецъ и мать дѣвицы скажутъ: „мы исполнимъ ваше дѣло!“. Тогда они отъ дверей проходятъ въ передній уголъ. Послѣ этого садятся и бесѣдуютъ. Послѣ бесѣды мать дѣвицы варитъ чай. Постлавши скатерть, ставитъ на столъ чай. Привезенныя конечности кладутъ передъ отцемъ и ма-

---

[1]) توقسون

терью дѣвицы. Положивши, отецъ юноши говоритъ: „нашъ сынъ возмужалъ. Мы пріѣхали къ вамъ, чтобы посватать у васъ дочь и устроить свадьбу [1])“. Если послѣ того будетъ желаніе отдать, то дѣлаютъ свадьбу. Справляютъ свадьбу не одинаково: самое большое свадьбу дѣлаютъ черезъ два мѣсяца. Пока еще свадьба не справлена, даютъ 15—20 овецъ, 1 быка и 1 даданъ пшеницы. Въ 1 даданѣ 10 кюре. Въ 1 кюре бываетъ 40 джиновъ [2]). Изъ всей муки дѣлаютъ хлѣбы. Сдѣлавши хлѣбы, колютъ овецъ и быка. Передъ справленіемъ свадьбы приглашаютъ людей. Пригласивши людей, даютъ имъ ѣсть мяса и хлѣба. На свадьбѣ бываютъ люди, говорящіе стихи [3]). Когда народу собралось много, поютъ стихи, играя на балалайкѣ и барабанѣ. Пѣвшему стихи даютъ пшеницы, хлѣба и одеждъ. Женщины танцуютъ свой танецъ [4]). Управляющій свадьбою даетъ танцовавшей женщинѣ одежды, овецъ и пшеницу. Пока происходитъ свадьба, невѣста [5]) и женихъ [6]) сидятъ дома. Къ невѣстѣ на второй день свадьбы собираются дѣвицы,—къ жениху собираются юноши. Собравшись,—играютъ на балалайкахъ и бубнахъ. На третій день четыре друга жениха и три подруги невѣсты отправляются въ домъ отца невѣсты. Играя три дня, всѣ возвращаются домой. Передъ возвращеніемъ ихъ домой, отецъ невѣсты даритъ жениху и

---

[1]) Свадьба—توى

[2]) цзинь (جين)—1, 4 фунта, 1 кюре (كوره)—56 фунтовъ и 1 даданъ (دادن)—560 фунтовъ (приблизительное вычисленіе съ точностью до 0,1).

[3]) نغمه

[4]) اوصول

[5]) غوفچارى

[6]) سلطان

невѣстѣ одинъ куръ [1]), т. е. юрту со всей обстановкой, невѣста закрываетъ лицо семь дней; черезъ 7 дней собираютъ въ сумерки юношей, собираютъ дѣвушекъ [2]) и молодыхъ женщинъ [3]); справляя игры въ теченіе одного вечера, снимаютъ покрывало съ лица невѣсты и уходятъ. На нарѣчіи токсунскомъ и турфанскомъ „хотунъ“ [4]) значитъ женщина, рождавшая дѣтей; „джуганъ“ значитъ женщина, не рождавшая; „кызъ“ значитъ не выходившая замужъ. Невѣста не называетъ по имени свекра и свекровь, а женихъ не называетъ по имени тестя и тещу. Жениха тесть называетъ „кюй оглумъ“ [5]) (букв. зять—сынъ мой). Невѣста въ теченіе одного мѣсяца не смотритъ въ лицо свекру и свекрови и бѣгаетъ отъ нихъ. Послѣ этого служитъ имъ до смерти.

Турфанскія и токсунскія дѣвицы выходятъ замужъ, начиная съ десятилѣтняго возраста; родить начинаютъ съ 13 лѣтъ. Дѣвушки, чѣмъ раньше выходятъ замужъ, тѣмъ скорѣе старятся. Замужъ выдаютъ обыкновенно родители или старшіе братья, собственнаго же согласія жениха и невѣсты не всегда спрашиваютъ.

Турфанцы въ настоящее время продаютъ своихъ дочерей и китайцамъ за 15—45 серовъ (30—90 руб.), мальчиковъ продаютъ кому угодно: русскимъ, сартамъ и киргизамъ. Таджи-бекъ [6]), купецъ изъ Ташкента, купилъ въ Турфанѣ шести-

---

1) قور
2) قیز
3) جوان
4) خاتون
5) کوی اوغلی
6) تاجی بك

лѣтняго мальчика за 30 серовъ (60 руб.).—У Турфанцевъ есть такой обычай. Двое женатыхъ нерѣдко мѣняются своими женами. Нѣкоторые мѣняются своими младшими сестрами. Если чья-либо сестра, будучи красавицей, вышла замужъ и потомъ овдовѣла, то старшій братъ дѣлаетъ ее „джалапъ“ [1]), т. е. публичной женщиной, а себя „бай“ [2]), т. е. хозяиномъ, и живетъ на ея счетъ.

II. Свадьбы у татаръ г. Турфана [3]).

Если парень хочетъ жениться [4]) (соб. завестись домомъ); если чья-нибудь дочь уже подросла и подросъ чей-нибудь сынъ; если этотъ парень и дѣвица, сойдясь сердцемъ, понравятся другъ другу,—то отецъ и мать ихъ обоихъ принимаютъ это во вниманіе. Отецъ и мать парня отправляются къ дѣвицѣ. Родителямъ дѣвицы отецъ и мать парня, вставши съ мѣста, говорятъ: „сынъ нашъ уже выросъ, а дочь ваша стала очень хорошею дѣвицею! мы и пришли, желая узнать, не возьмете-ли нашего сына въ дѣти“? Когда они скажутъ это, отецъ и мать дѣвицы говорятъ: „весьма прекрасно! если вашъ сынъ сдѣлался парнемъ и если наша дочь понравилась вамъ, то да будетъ на это воля Божія!“ Отецъ и мать парня снова поднимаются со своего мѣста и, скрестивъ на груди руки (выражая этимъ покорность), спрашивая говорятъ: „въ такомъ случаѣ есть или нѣтъ повода придти къ намъ“? Отецъ и мать дѣвицы, если намѣреваются выдать свою дочь, говорятъ: „поводъ есть!“ Если нѣтъ у нихъ намѣренія выдать,

---

1) جالاب
2) باى
3) طورفان
4) اويلانماك

то говорятъ: „подождите одинъ годъ!“ Если-же скажутъ имъ „придите!“, то отецъ и мать парня отправляются къ себѣ домой и приготовляютъ одно блюдо „манту“ (большихъ пельменей), потомъ, взявши 9 родовъ хлѣба (съ манту), двое мужчинъ и двое женщинъ изъ прихожанъ отправляются къ дѣвицѣ вмѣсто отца и матери парня, говорятъ отцу и матери дѣвицы: „обрадовавшись вашему согласію, мы пришли напоить васъ чаемъ!“ Сѣвши вмѣстѣ съ отцомъ и матерью этой дѣвицы и напившись чаю, люди, пришедшіе со стороны парня, поднимаются со своего мѣста и говорятъ: „теперь когда будетъ дозволено намъ явиться сюда и приготовить свадебныя одежды?“ Отецъ и мать дѣвицы въ отвѣтъ говорятъ: „въ такомъ случаѣ придите въ хорошіе (счастливые) дни!“ Потомъ пришедшіе со стороны упомянутаго юноши возвращаются, условившись назначить свадьбу въ самые лучшіе изъ дней. Отецъ и мать упомянутаго парня по истеченіи двухъ трехъ дней приглашаютъ къ себѣ имама и муэззина своего прихода, трехъ-четырехъ мужчинъ и трехъ-четырехъ женщинъ и берутъ одинъ столъ съ сухарями, кромѣ того приготовляютъ пищи одно блюдо съ большими пельменями и берутъ матеріи, достаточной на одежду матери дѣвицы и на одежду отца дѣвицы. Отецъ и мать парня съ людьми своего прихода идутъ всѣ вмѣстѣ къ дѣвицѣ. Пришедши въ домъ дѣвицы, родители жениха входятъ вмѣстѣ съ людьми, приведенными ими; пока отецъ и мать дѣвицы не попросятъ отца и матери жениха сѣсть, до тѣхъ поръ они и не садятся; если станутъ имъ говорить: „сядьте, сядьте!“, тогда они садятся у дверей (букв. въ концѣ). Когда вышеупомянутые прихожане скажутъ отцу и матери дѣвицы: „мы пришли сегодня устроить съ вами свадьбу!“, тогда отецъ и мать дѣвицы говорятъ: „будетъ очень хорошо!“ и приводятъ изъ своихъ собственныхъ прихожанъ имама, муэззина и четырехъ-пять человѣкъ. Потомъ садятся обѣ стороны и говорятъ: „условимся о стоимости свадьбы!“ Сторона парня говоритъ сторонѣ дѣвицы: „если вы, родивши дѣвицу и воспитавши ее, желаете отдать ее намъ, то не будетъ по-

рокомъ, если опредѣлите стоимость! Если вы впередъ опредѣлите „тойликъ“ (калымъ), то мы выслушаемъ васъ, и потомъ скажемъ одно слово!“ Затѣмъ прихожане, находящіеся на сторонѣ дѣвицы назначаютъ на одежду, которую дѣвица должна носить лѣтомъ: на голову для ношенія дома бархатную тюбетейку, для выходу изъ дома въ гости парчевую тюбетейку и на рубаху для выхода изъ дому шелковую матерію безъ узоровъ (китайскую) и съ узорами (бухарскую), еще на одну рубаху краснаго ситцу; для ношенія зимою назначаютъ: на ноги одни ичиги съ калошами, на голову одну шапку изъ выдроваго мѣха, одинъ ситцевый халатъ, короткій шелковый халатъ и одну постель съ одѣяломъ. Всѣ эти вещи и есть калымъ, назначаемый для дѣвицы. На пищу и воду (т. е. на разнаго рода пищу) богатые люди назначаютъ: двухъ коровъ, десять овецъ, два дардана (по 150 джинъ) пшеницы, 5 кюре (по 15 джинъ) рису, одинъ кирпичъ чаю, одинъ кюре кунджута, а на топливо назначаютъ пятнадцать телѣгъ янтака (верблюжій волчецъ). Опредѣливши размѣры калыма, всѣ возращаются по своимъ домамъ. Отецъ и мать парня, приготовивши принадлежности свадьбы, даютъ извѣстіе отцу и матери дѣвицы о томъ, что они уже готовы. Отецъ и мать дѣвицы отправляютъ въ домъ парня двухъ человѣкъ. Эти два человѣка идутъ и, соединившись еще съ двоими со стороны парня, берутъ они вчетверомъ овецъ и коровъ, пшеницу и пищу и доставляютъ принадлежности свадьбы въ домъ дѣвицы. Потомъ отецъ и мать дѣвицы говорятъ: „справимте свадьбу въ самый хорошій изъ счастливыхъ дней!“ и дѣлаютъ всѣ приготовленія. Затѣмъ, справившись съ часомъ, днемъ и мѣсяцемъ, даютъ извѣстіе, говоря: „пусть пожалуетъ отецъ парня“! Когда будетъ постановлено справить свадьбу въ одинъ изъ счастливыхъ дней, то со стороны юноши отправляютъ одного человѣка. Этотъ человѣкъ, придя, приглашаетъ гостей отца и матери дѣвицы на пиръ. Однимъ днемъ раньше свадьбы колютъ приведенный скотъ и, если скажутъ, что завтра утромъ будетъ свадьба, то пиръ начинаютъ съ этого же самаго вечера. Въ тотъ ве-

Подъ №

черъ, когда начинается пиръ, со стороны юноши одинъ мужчина и одна женщина приносятъ въ домъ дѣвицы одно блюдо пищи. Пищу, принесенную въ этотъ вечеръ, называютъ „вкусомъ“ (отдохновеніемъ) дѣвицы“. Въ домъ парня приходятъ люди его мечети и, говоря: „да будетъ благословеніе, да будетъ благословеніе!“, выпиваютъ по одной чашкѣ гольнаго чаю и возвращаются домой. Такимъ же порядкомъ пьютъ чай и въ домѣ дѣвицы. Утро, когда будетъ второй день пира, называютъ днемъ брачнымъ. Если у юноши есть хорошій близкій другъ, то этотъ другъ сзываетъ всѣхъ собравшихся на пиръ друзей и, уведя къ себѣ домой, угощаетъ ихъ пищею. Пищу, къ которой пригласилъ упомянутый другъ (жениха), называютъ: „прогналъ жениха, прогналъ жениха!“ Женихъ находится въ сей день у своего друга, къ которому „прогнанъ“. Отецъ и мать упомянутаго жениха собираютъ своихъ людей, имѣющихъ идти на пиръ, когда наступитъ половина дня; мужчинамъ и женщинамъ, пришедшимъ на свадьбу, даютъ пищу, называемую „чöпъ—ашъ“ „чöпъ—ашъ“ (клёцки). Поѣвши этой пищи, потомъ идутъ въ домъ дѣвицы „переносить пиръ“ въ домъ жениха. Вслѣдъ за этими мужчинами идетъ парень со своими друзьями и, говоря: „выходимъ на бракъ!“, всѣ они идутъ въ домъ дѣвицы. Потомъ отецъ и мать этого парня приходятъ со своими гостями и, когда придутъ они къ дверямъ дѣвицы, то кто нибудь запираетъ крѣпко двери (дома) дѣвицы. Это запираніе двери дома называютъ: „кобукъ басканъ“, „кобукъ басканъ“ (наступилъ на дверь). Потомъ отецъ и мать парня даютъ лицамъ, „наступавшимъ на дверь“, или одну овцу, или четыре—пять кусковъ маты (бязи). Потомъ стоящіе у дверей отворяютъ ихъ. Послѣ того, какъ двери будутъ отворены, отецъ и мать дѣвицы съ пришедшими къ нимъ гостями выходятъ на встрѣчу гостей отца и матери парня. Со стороны дѣвицы выносятъ на трехъ—четырехъ столахъ тонкіе хлѣбы и еще на одномъ столѣ три—четыре рюмки (сиркае). Въ одну рюмку наливаютъ соли, разведенной въ водѣ, въ другую рюмку наливаютъ воды. Гости, пришедшіе

со стороны упомянутаго парня, какъ мужчины, такъ и женщины берутъ въ руки по кусочку изъ принесеннаго хлѣба и подходятъ къ столу, на который поставлены рюмки; потомъ эти люди мокаютъ хлѣбъ, находящійся у нихъ въ рукахъ, въ молоко и кладутъ себѣ въ ротъ. Кромѣ того мужчины и женщины мокаютъ мизинцы своихъ правыхъ рукъ въ соль, находящуюся въ рюмкѣ, и положивъ въ ротъ, обсасываютъ ихъ. По исполненіи этихъ обычаевъ, отецъ и мать дѣвицы уводятъ къ себѣ домой гостей, пришедшихъ со стороны парня. Пришедши домой, они прежде всего подаютъ имъ одинъ разъ гольнаго чаю. Послѣ него подаютъ плодовъ; когда плоды будутъ съѣдены, то женщины обѣихъ сторонъ собираются въ одно мѣсто и говорятъ: „желаемъ посмотрѣть узелъ!“ Потомъ показываютъ этимъ женщинамъ калымъ, сдѣланный упомянутымъ парнемъ. Мать дѣвицы выноситъ одежды, приготовленныя для ея дочери, и показываетъ гостямъ парня (жениха). Потомъ по окончаніи осмотра этого калыма, отецъ дѣвицы приготовляетъ одну чалму и одну верхнюю накидку. Мать дѣвицы приготовляетъ одинъ пунцовый платокъ, для головы одну шапку, одну рубаху съ подштанниками и одинъ кушакъ; вынесши въ двери одежды, приготовленныя упомянутыми людьми, надѣваютъ на парня. Затѣмъ подаютъ пищу гостямъ, пришедшимъ со стороны парня (жениха). Мужчины, поѣвши пищи, уходятъ; женщины, желая перенести пиръ, сажаютъ дѣвицу въ телѣгу и увозятъ. Потомъ, когда день склоняется къ вечеру, привозятъ и помѣщаютъ приведенную дѣвицу въ домъ жениха. Со стороны дѣвицы посылаютъ одного мужчину и одну женщину; посылаютъ, говоря: „залогъ нашей дочери вручите отцу и матери жениха и самому жениху!“ Потомъ, когда наступитъ полночь, малыхъ юношей, сидящихъ въ домѣ парня (жениха), ведутъ въ домъ отца и матери дѣвицы и угощаютъ ихъ. Затѣмъ къ жениху назначается одна женщина, называемая „теткою жениха“. При дѣвицѣ тоже находится одна женщина, называемая „теткою невѣсты“. Когда въ домѣ жениха не останется ни одного человѣка, то невѣстѣ и жениху

подаютъ хорошаго кушанья и кормятъ ихъ. Когда это кушанье будетъ съѣдено, то упомянутыя двѣ женщины выходятъ вонъ за дверь. Когда дѣвица и парень съѣдятъ кушанье, то обѣ „тетки“ приготовляютъ получше мѣсто, гдѣ имѣютъ лежать невѣста и женихъ. Невѣстѣ говоритъ ея тетка и жениху его тетка: „знакъ первой ночи сохраните получше и, сказавши такъ обоимъ, выходятъ вонъ за дверь. Упомянутый женихъ говоритъ: „иди сюда!“ и, поймавши за руку, предлагаетъ раздѣться. Дѣвица потомъ снимаетъ свои одежды и, подошедши къ мѣсту, гдѣ назначенено спать, ложится. Затѣмъ упомянутый парень, взявши поближе свѣтильникъ, отнимаетъ у нея дѣвственность. Если дѣвственность ея окажется хохорошею, то будетъ хорошо отцу и матери обѣихъ сторонъ. Если у упомянутой невѣсты не окажется дѣвственности, то женихъ бьетъ эту дѣвицу и, заставивши признаться, присоединяетъ къ одному мужчинѣ и одной женщинѣ, пришедшимъ со стороны дѣвицы, и, присоединивши отъ себя одного мужчину и одну женщину, отправляетъ невѣсту въ ту-же брачную ночь къ отцу и матери ея и передаетъ имъ. Если отецъ и мать дѣвицы спросятъ: „что случилось?“, то пришедшіе съ невѣстою люди говорятъ: „вашу дочь, оказывается, проѣла мышь!“ и вручаютъ невѣсту отцу и матери. Если-же невѣста окажется чистою (соб. цѣлою), то тетки, пришедшія со стороны дѣвицы и юноши, соединяются и, зацѣпивъ за ухо взятые ими знаки (брачной ночи), идутъ въ домъ жениха и, хлопая въ ладоши, кричатъ „ура“!“ и входятъ въ домъ жениха. Потомъ упомянутымъ двумъ теткамъ даютъ по одной полной одеждѣ. Въ эту ночь вплоть до разсвѣта играютъ вечерку, называемую „пиромъ радости“. Потомъ, когда наступитъ третій день свадьбы, со стороны юноши отправляются къ матери невѣсты двое мужчинъ и двое женщинъ. Эту отправку называютъ „отправкою за пельменями“. Потомъ мать невѣсты говоритъ: „я сзываю на пельмени своихъ собственныхъ сосѣдей!“ и сзываетъ сосѣдей. Затѣмъ эти сосѣди (матери невѣсты) приносятъ каж-

дый по бѣлому платку. Потомъ входятъ пришедшія женщины (т. е. сосѣди) и, сваривши, ѣдятъ ихъ и оставляютъ одну миску пельменей „на пищу въ комнату жениха". Затѣмъ женщины, пришедшія въ домъ матери невѣсты, подошедши съ разныхъ сторонъ, держатъ крѣпко двухъ мужчинъ, пришедшихъ со стороны жениха, и каждая женщина пачкаетъ одною горстью муки лица упомянутыхъ двухъ человѣкъ. Если этимъ женщинамъ удается выпачкать мукою лица упомянутыхъ двухъ мужчинъ, то знач. выиграли женщины; если-же этимъ женщинамъ не удастся выпачкать ихъ мукою, то знач. выиграли упомянутые двое мужчинъ. Потомъ, взявши одну миску пельменей, всѣ четверо возвращаются къ жениху. Принесши эти пельмени, они вносятъ ихъ въ комнату жениха. Друзья и пріятели этого жениха приходятъ каждый съ однимъ-двумя кусками маты и однимъ блюдомъ фруктовъ. Когда соберутся пріятели, то ставятъ на средину пельмени, принесенные изъ дома невѣсты; потомъ проходятъ на средину комнаты женихъ и невѣста, и невѣста встаетъ, взявши въ руки одну чашку и одну ложку. Юноша подходитъ къ мискѣ и, взявши въ руку ковшикъ (поваренку), зачерпываетъ упомянутыхъ пельменей и наливаетъ ихъ въ чашку, находящуюся въ рукахъ невѣсты. Эта невѣста, взявши пельмени, подходитъ къ друзьямъ жениха и, поддѣвая ковшикомъ по одному пельменю, кладетъ его каждому въ ротъ. Женихъ наливаетъ такимъ порядкомъ всѣ пельмени. Невѣста беретъ пельмени и подаетъ ихъ потомъ и прочимъ юношамъ (не друзьямъ жениха). Подавши пельмени всѣмъ людямъ, пришедшимъ на пиръ, оставляютъ потомъ четыре штуки пельменей. Взявши одну изъ четырехъ штукъ пельменей, дѣвица беретъ ее своею рукою изъ миски и, положивши въ маленькую чашку, подаетъ ковшикомъ прямо въ ротъ юноши. Этотъ юноша беретъ своею рукою изъ миски одну штуку пельменей и кладетъ ее въ ротъ дѣвицы. Съ оставшимися двумя пельменями поступаютъ такъ. Женихъ, взявши чашку, находящуюся въ рукахъ невѣста, беретъ одну штуку пельменей и подаетъ ее „теткѣ не-

вѣсты". Невѣста, взявши чашку, находящуюся въ рукахъ жениха, кладетъ въ чашку оставшійся одинъ пельмень и подаетъ его „теткѣ", находящейся на сторонѣ жениха. Такъ оканчиваются дѣла внутри комнаты жениха. Выводя дѣвицу изъ комнаты, закрываютъ ей лицо покрываломъ. Отецъ и мать со своими гостями, одного съ ними прихода, приходятъ въ домъ парня (жениха) и ѣдятъ одинъ день пищу, потомъ берутъ съ собою свою дочь и приглашаютъ къ себѣ зятя. Когда день склонится къ вечеру, упомянутый женихъ беретъ съ собою двухъ своихъ друзей и идетъ въ домъ невѣсты. Пришедши къ дому невѣсты, эти три человѣка подходятъ къ самымъ дверямъ комнаты, въ которой живутъ отецъ и мать невѣсты, и всѣ три пришедшіе человѣка говорятъ: „Зять шлетъ привѣтствіе. (Онъ говоритъ, что) боится войти!" Тесть, сидя дома, говоритъ:

„Да не боится онъ,
„И войдетъ!
„Да будетъ у него
„Девять сыновей!
„Да будетъ у него
„Одна дочь!
„Да ложится онъ
„Поздно вечеромъ!
„Да встаетъ онъ
„Рано утромъ!
„Да открываетъ онъ
„Дымникъ (пораньше)!

Такой отвѣтъ даетъ тесть. Потомъ пришедшіе три человѣка говорятъ: „привѣтствіе вамъ! да благословитъ Богъ (ваше житье)"! и входятъ въ комнату. Затѣмъ этимъ тремъ человѣкамъ мать невѣсты даритъ три платка. Подаютъ этимъ тремъ человѣкамъ и кушанья. Когда они кончатъ ѣсть кушанье, то отецъ и мать невѣсты выводятъ свою дочь и, посадивши ее за одну скатерть со своимъ зятемъ, выкладываютъ передъ своею дочерью по одному экземпляру принадлежностей дома (т. е. утвари). Затѣмъ, передавши свою дочь зятю, провожаютъ ихъ. Потомъ, когда наступитъ четвертый день свадь-

бы, отецъ и мать жениха приглашаютъ къ себѣ отца и мать жениха приглашаютъ къ себѣ отца и мать невѣсты со всѣми ихъ родственниками. Этихъ гостей угощаютъ пищею одинъ день. Потомъ въ пятый день родители невѣсты приглашаютъ отца и мать жениха со всѣми ихъ родственниками и угощаютъ ихъ одинъ день пищею. Мать невѣсты при возвращеніи гостей домой вводитъ свою дочь въ средину народа и снимаетъ съ нея покрывало. Потомъ людей обѣихъ сторонъ, устраивавшихъ свадебный пиръ, называютъ: „Куда", „куда" (сватъ, сватъ). Вотъ такимъ же образомъ и устраиваютъ свадьбу. Невѣстка не называетъ своего свекра по имени. Если имя ея свекра похоже на имя другаго человѣка, то она не называетъ по имени и того человѣка. Невѣста называетъ отца и мать жениха „экемъ" (тятя), „апамъ" (мама). Женихъ называетъ отца и мать невѣсты также „экемъ" и „апамъ". Привыкнувши къ своему свекру и своей свекрови, невѣстка возвращается съ ними. Не закрываетъ она и своего лица.

III. Свадьбы у татаръ селенія Кара-тöбе.

(*Близъ г. Хами*).

Если понравится кому-нибудь дочь какого-нибудь человѣка, то тотъ идетъ вечеромъ со своими друзьями въ домъ отца дѣвицы. Всѣ садятся, произносятъ стихи и играютъ на музыкальныхъ инструментахъ. Кто не сумѣетъ произнести стихи, шапку того кладутъ на бубенъ и показывать ее всѣмъ. Дѣвица, умѣющая плясать, показываетъ свое умѣніе. Такимъ образомъ веселятся дней 10 и болѣе. Въ уплату за невѣсту даютъ: шесть кусковъ матерій, одинъ куль пшеницы, одну скотину, одну—двѣ овцы, одинъ джинъ чаю, нѣкоторое количество фруктовъ и десять джиновъ водки. Затѣмъ идутъ родители жениха и невѣсты къ своимъ знакомымъ и приглашаютъ ихъ въ домъ жениха; если же невѣста живетъ ближе,

то приглашаютъ въ ея домъ. Отъ юноши для заключенія брачнаго условія идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ начинаютъ веселиться, считая этотъ вечеръ приготовленіемъ къ свадьбѣ, вплоть до утра. Декламируютъ стихи, пьютъ водку, ѣдятъ фрукты и мясо, пьютъ чай. На другой день начинается собственно бракъ. Когда приходятъ на бракъ, то важнымъ людямъ, пришедшимъ изъ дома невѣстинаго отца, подносятъ хлѣбъ, внутренности и голову овцы на блюдѣ, на другомъ блюдѣ подносятъ рисъ, мясо половины овцы, маленькимъ людямъ подносятъ положенное на 3 большія хлѣбныя лепешки кушанье изъ кишекъ овцы, рисъ и мясо. Женихъ со своими сверстниками находится въ это время на улицѣ. Отецъ невѣсты даритъ жениху: халатъ, рубаху, обувь, кушакъ и шапку. Вечеромъ во время второй стражи со стороны невѣсты и жениха идутъ въ домъ жениха двое мужчинъ и двое женщинъ стлать для новобрачныхъ постель. Изъ дома невѣсты и жениха приносятъ по 1 постели, одѣялу и по двѣ подушки. Молодые люди, приготовивъ постель, начинаютъ бороться. Если поборютъ люди невѣстиной стороны, знач. мужъ будетъ всегда въ подчиненіи у своей жены; если-же поборютъ люди жениховой стороны, значитъ жена будетъ всегда въ подчиненіи у своего мужа. Борются какъ придется: мужчина съ женщиной, или женщина съ женщиною всеровно. Приготовивъ постель, идутъ въ домъ невѣсты, и 3—4 женщины, взявши невѣсту съ собою, доставляютъ ее на телѣгѣ въ домъ жениха. Со стороны невѣсты и жениха приносятъ въ этотъ домъ по одной грудной части овцы и по нѣскольку хлѣбовъ. Кладутъ мясо, принесенное со стороны невѣсты, внизъ, а мясо стороны жениха вверхъ. Это мясо грудной части овцы приносятъ вареным. Затѣмъ крошатъ это мясо и ѣдятъ его съ хлѣбомъ. Ѣдятъ его также женихъ и невѣста. Затѣмъ вкладываютъ руку невѣсты въ руки жениха и говорятъ:

آمانت تکیلدی مو „Получилъ-ли свое добро? Съ этими словами бракъ считается совершившимся. Народъ удаляется и идетъ.

въ домъ женихова отца. Женщины, перевезшія невѣсту въ домъ жениха, гостятъ въ домѣ его отца до утра, утромъ-же расходятся по домамъ. Если невѣста окажотся невинною, то дарятъ женщинамъ, привезшимъ ее, по платку; въ противномъ случаѣ берутъ большую круглую лепешку и, сдѣлавъ въ срединѣ ея дырочку, показываютъ ее „теткамъ", т. е. свахамъ. Свахи берутъ эту лепешку и отдаютъ ее родителямъ невѣсты. Родители, увидавши это и разсердившись, бьютъ свою дочь и спрашиваютъ ее, кто отнялъ ея невинность. Нашедши виновнаго, заставляютъ его уплатить всѣ издержки жениха, а невѣсту возвращаютъ родителямъ. Если она окажется невинною, то родители ея радуются и дарятъ ей много разныхъ платьевъ и обуви. Утромъ друзья приглашаютъ жениха къ себѣ, угощаютъ его водкой, фруктами и мясомъ. Молодыя женщины и дѣвушки подносятъ невѣстѣ фрукты. Всѣ они собравшись въ одномъ домѣ, устраиваютъ вечеринку: декламируютъ стихи, играютъ въ фанты, пьютъ водку, ѣдятъ фрукты мясо и расходятся вечеромъ по домамъ. Игра въ фанты состоитъ въ томъ, что молодые люди прячутъ кушакъ или платокъ и просятъ отыскать спрятанное. Нашедшій долженъ произнести какіе нибудь стихи. Вообще у этихъ татаръ договариваются объ условіяхъ женитьбы и выдачи замужъ сами родители; безъ дозволенія родителей нельзя ни жениться, ни выходить замужъ.

IV. Свадьбы у татаръ г. Хами.

1. Свадебныя пѣсни.

Передъ тѣмъ какъ перевезти невѣсту въ домъ жениха, юноши и дѣвушки обступаютъ невѣсту концентрическими кругами и декламируютъ слѣдующіе стихи.

اوّل باشلاب خُدانی
یاد ایتاینینك یار یار
فایغامبرلار روحی نی
شاد ایتاینینك یار یار

Вспомнимте прежде всего Господа, друзья, друзья! Вспомнимте духъ нашего пророка, друзья, друзья!

اوّل دُنیا یوق ایدی
فیدا قیلدی یار یار
دوستِ حبیب خاطری دین
فیدا قیلدی یار یار

Сначала не было міра сего, сотворилъ его Богъ, друзья друзья! Сотворилъ Онъ его изъ любви къ любящимъ другъ друга, друзья, друзья!

نچان تورلوك توفراق نی
کلتوردی لار یار یار
فالچیق ایتیب آدم نی
صورت قیلدی یار یار

Взялъ Онъ нѣкоторое количество земли, друзья, друзья! Слѣпилъ человѣка и оформилъ его, друзья, друзья!

کلتوردی لار روحی نی
تورکوزدی لار یار یار

آدم آتا تیریلیب
ایمان ایتتی یار یار

Вдунулъ въ него свой духъ и далъ ему жизнь, друзья друзья! Праотецъ намъ Адамъ, получивъ жизнь, увѣровалъ въ Бога, друзья, друзья!

جُمله عالم فریشته
حیران قیلدی یار یار
آدم آتا تیریلیب
یالغوز ایدی یار یار

Собрались всѣ ангелы и удивились этому, друзья, друзья! Праотецъ нашъ Адамъ получилъ жизнь, но былъ одинокъ, друзья, друзья!

حوا آنا آدمکا
لائق ایدی یار یار
توی قیلماقلیق آدمدین
قالغان تورور یار یار

Угодно было Богу дать Адаму жену—праматерь нашу Еву, друзья, друзья! Вотъ отъ Адама и идетъ обычай устраиванія свадьбы, друзья, друзья!

بو توینوکی بیری سی
اولوم تورور یار یار
حسن بیرلان حُسین
کربلادا یار یار

Но лучше этихъ свадебъ-смерть, друзья, друзья! Въ пустынѣ Кербеля получили ее Хасанъ и Хусейнъ, друзья, друзья!

لبی تشنه اولطورور
راحت اوچون یار یار
یوسف بیرلان زُلیخا
مصر ایچی‌ده یار یار

Не смотря на чрезмѣрную жажду, они умерли спокойно, друзья, друзья! Затѣмъ въ Египтѣ были Юсуфъ и Зулейха, друзья, друзья!

یوق‌تور تنکی جهان‌دا
مصر ایچی‌ده یار یار
یوسف بیرلان زُلیخا
قاریدی لار یار یار

Во всемъ мірѣ, не только въ Египтѣ, не найдется подобныхъ имъ, друзья, друзья! Юсуфъ и Зулейха состарились, друзья, друзья!

عشق اوتی نی عالم‌کا
تاریدی‌لار یار یار
یوسف بیرلان زُلیخا
بولسا ایدی یار یار

Огонь любви они завѣщали міру друзья, друзья! О если-бы уподобиться Юсуфу и Зулейхѣ, друзья, друзья!

عاشقلیق‌نی اولاردین
صورصا ایدی یار یار
حق تعالی آدم نی
تورکوزدی‌لار یار یار

О если бы поучиться у нихъ любви, друзья, друзья! Не даромъ Богъ всевышній далъ человѣку жизнь, друзья, друзья!

حُور قیزلاری بهیشت
چینکچینك ایتتی یار یار
حق تعالی آدم نی
یاخشی قیلدی یار یار

Поютъ теперь въ раю свадебныя пѣсни черноокія дѣвицы, друзья, друзья! Богъ всевышній такъ благоволитъ къ человѣку, друзья, друзья!

چاچراب اوتکان جیران‌نی
سکیز دینك‌لار یار یار
سکیز قیزنینك بیری‌نی
سینکلیم دینك‌لار یاریار

Вотъ вамъ серны, числомъ 8, промчавшіяся мимо васъ, друзья, друзья! За одну изъ 8 дѣвицъ считайте на'ну младшую сестру, друзья, друзья!

قیزلار موغو خرامان
یاری بیرلان یار یار

قیز آناسی ییغلایدور
زاری بیرلان یار یار

Дѣвушки веселятся со своими друзьями, друзья, друзья! А мать невѣсты плачетъ горько, друзья, друзья!

ارکیم ارکیم یول‌لاردا
قیز کله دور یار یار
قیزیل تون‌نی فورکانیب
کیم کورادور یار یار

По извилистой дорогѣ идетъ сюда дѣвушка, друзья, друзья! Развѣ не видите, что она идетъ въ красномъ одѣяніи, друзья, друзья!

فورکان‌مه قیز فورکان‌مه
تویونك بولدی یار یار
آلتون بیرلان قورشادیم
اویونك بولدی یار یار

Не закрывайся дѣвица, не закрывайся: настала твоя свадьба,—друзья, друзья! Украсилъ я твою комнату золотомъ, друзья, друзья!

آق آقغینه توشقان‌لار
قوم‌دا اوینار یار یار
قیز آلماغان ییکیت‌لار
توی‌دا اوینار یار یار

На пескѣ играютъ бѣлые—пребѣлые зайцы, друзья, друзья! А юноши, еще не женившіеся, играютъ на свадьбѣ, друзья, друзья!

قیزیل قیزیل فیازنینك
قوستی تولا یار یار
قیز آلماغان ییکیت‌نینك
دردی تولا یار یار

У красной-красной луковицы много шелухи, друзья, друзья! А у юноши, еще не женившагося, много скорбей, друзья, друзья!

قرا قرا قارغه‌لار
خرمن‌دا تور یار یار
قیز آلماغان ییکیت‌لار
حرمان‌دا تور یار یار

Черныя-пречерныя вороны собрались на гумнѣ, друзья, друзья! А юноши, еще не женившіеся, собрались (здѣсь) въ горѣ, друзья, друзья!

یوك آستینی داقایچانك‌نی
دات باصیب‌تور یاریار
آتانك بیرلان آتانك‌نی
عم باصیب‌تور یار یار

Твои ножницы, находящіяся на полу (въ хламѣ), покрыла ржавчины, а родителей твоихъ одолѣла скорбь, друзья, друзья!

سینکلیم سنینك قیلیقینك
مینك غه یتار یار یار
ساچماقینك نینك ساچی سی
یرکا تکار یار یار

Отъ твоего характера, сестрица моя, достанется 1000 человѣкамъ, друзья, друзья! А концы украшеній твоихъ косъ достанутъ до земли, друзья, друзья!

های های یلانك های یلانك
باشلادی لار یار یار
کلنی آلیب چکمان کا
تاشلادی لار یار یار

Браво, браво, начали мы свадебную пѣсню, друзья, друзья! Взяли мы розу (невѣсту) и бросили ее въ дикій кустарникъ, друзья, друзья!

Въ день бракосочетанія со стороны только что женившагося юноши идутъ молодые люди, чтобы трижды привѣтствовать родителей невѣсты, и говорятъ:

السّلام علیکم
کوی اوغول سلام بردی
مراد مقصود حاصل بولسون

,,Міръ вамъ! Зять присылаетъ привѣтствіе, желая вамъ исполненія того, чего вы хотите!'' Родители невѣсты говорятъ ему въ отвѣтъ:

ان شاءَ الله

مبارك بولغاى
اوينكيزلار اوى بولغاى
مرادينكيزلار حاصل بولغاى

„Да поможетъ Богъ сбыться этому! Да разбогатѣютъ ваши жилища и да исполнятся ваши желанія!“ Затѣмъ посланные со стороны жениха юноши говорятъ:

السّلام عليكم
كوى اوغول سلام بيردى

„Міръ вамъ! Зять присылаетъ вамъ привѣтствіе“! Родители невѣсты, говорятъ:

ان شاءَ الله
ايتقانينكيز ديك بولغاى
بش اوغوللیق
ايكى قيزليق بولغاى

„Да будетъ такъ, какъ онъ говоритъ, да будетъ у него пять сыновей и двѣ дочери!“ Затѣмъ посланные со стороны жениха, привѣтствуютъ въ третій разъ:

السلام عليكم
كوى اوغول سلام بردى

„Міръ вамъ! Зять присылаетъ вамъ привѣтствіе!“ Родители невѣсты отвѣчаютъ:

ان شاءَ الله
توقوز اوغول لوق

بیر قیزلیق بولغای

„Да дастъ ему Богъ девять сыновей и одну дочь!“ Потомъ родители невѣсты дарятъ посланнымъ со стороны жениха по одному платку. Этотъ платокъ называется „платкомъ привѣтствія“.

2. Поздравленіе родителей невѣсты.

Въ вечеръ дня, въ который высватана невѣста, молодые люди идутъ къ тестю и тещѣ, чтобы привѣтствовать ихъ. На встрѣчу имъ выходитъ человѣкъ и отъ имени тестя и тещи говоритъ:

اوچونکیز اوزارغای
توبونکیز یاییلغای
قی قاص بیکیت‌لار
قی قاص بالالار

„Да удлинятся концы вашихъ владѣній! Да упрочатся основанія ваши! Браво, юноши! Браво, дѣти!“ Юноши уходятъ на улицу и, вернувшись, снова идутъ привѣтствовать. Давешній человѣкъ говоритъ тестю и тещѣ: „юноши во второй разъ пришли привѣтствовать!“ Тесть и теща передаютъ имъ черезъ своего человѣка:

علیکم السّلام
باغی باغ بولسون
مرادی حاصل بولسون
قی قاص بالالار

„И вамъ миръ! Сады ихъ пусть будутъ настоящими са-

дами! Желанія ихъ пусть всегда сбываются! Браво, юноши! Браво, дѣти!“ Юноши уходятъ на улицу и, вернувшись, въ третій разъ идутъ привѣтствовать тестя и тещу. Давешній человѣкъ докладываетъ, что юноши въ третій разъ пришли привѣтствовать. Тесть и теща черезъ того-же человѣка передаютъ имъ:

عليكم السّلام
اينكغير چاق ياخشى جابدوق
معركه‌ده طوقوب بولماس
اولانكى بارقوشقانى يوق
قينكغيراق ياخشى جابدوق
معركه‌ده طوتوب بولماس
صفاغى بار غلافى يوق
قى قاص ييكيت‌لار
قى قاص بالالار
كوى اوغول اوغول بولماس
كوى اوغول‌نى اوغول ديسه
كونكلى خوش بولور
كول تام بولماس
كول باشى‌دا تام قويسا
كوتى بوش بولور
قى قاص ييكيت‌لار
قى قاص بالالار

„И вамъ миръ! Вьючное сѣдло—хорошая принадлежность, но для дѣла оно не годится: подпруга есть, а подхвостника нѣтъ! Кухонный ножъ—хорошая принадлежность, но

для дѣла онъ не годится: рукоятка есть, а ноженъ нѣтъ!" Браво, юноши! Браво, дѣти! Зять не то, что сынъ! Если зять будетъ сыномъ, то сердце будетъ радоваться! На золѣ не поставить стѣны; если поставить на ней стѣну, то подъ ней образуется пустота! Браво, юноши! Браво дѣти!" Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ дарятъ человѣку, передававшему привѣтствіе, по 1 платку, не смотря ни на свою бѣдность, ни на богатство.

3. Поздравленіе жениха.

На другой день послѣ высватанія невѣсты близкіе друзья жениха собираются въ его домъ. Каждый изъ нихъ приноситъ 9 родовъ лакомствъ и 1 посудину водки. Здѣсь надо замѣтить, что хамійскіе татары вопреки запрещенію корана открыто употребляютъ водку. Юноши, собравшись въ кучу, спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ. Потомъ всѣ поднимаются съ мѣста и привѣтствуютъ жениха словами:

آداش بو كون كچه اوبدان قوندونك مو
قوى صويوب اويخونك بوكون كچه كلمكان دور
قوى‌لارينك سميز بو كون كچه چيقتى مو
بل فيقين‌لارينك آغريب بوكون‌كچه قالغان‌دور

„Товарищъ, прекрасно-ли провелъ сегодняшную ночь? Вѣроятно, тебѣ не спалось въ эту ночь, такъ какъ долженъ былъ колоть овецъ? Жирны-ли вышли въ сегодняшную ночь твои овцы? Не болятъ-ли у тебя съ этой ночи подложечныя части?" На эти слова женихъ кланяется, отвѣчаетъ на ихъ привѣтствіе и благодарить за вниманіе. Затѣмъ всѣ садятся и распиваютъ принесенную водку. Хозяинъ колетъ овцу, варитъ мясо и угощаетъ имъ своихъ гостей. Гости благодарятъ за угощеніе и пьяные расходятся по домамъ.

Н. Катановъ.

О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка.

Въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“ были уже помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о земельныхъ угодьяхъ, принадлежавшихъ казанскимъ монастырямъ. О тѣхъ же монастырскихъ земляхъ и о земляхъ, находившихся во владѣніи казны, городскихъ и сельскихъ обывателей и частныхъ лицъ, приводятся подробныя свѣдѣнія въ раздѣльномъ актѣ конца прошедшаго столѣтія казанской межевой конторы.

Изъ упомянутаго раздѣльнаго акта, состоявшагося въ 1796 г., видно, что подгородныя земли и угодья, принадлежавшія разнымъ владѣльцамъ, были нанесены на трехъ отдѣльныхъ планахъ, но къ сожалѣнію эти планы не сохранились. Изъ подробнаго же описанія земель, помѣщеннаго въ актѣ, видно, что на первомъ планѣ было нанесено *шесть* участковъ выгонной земли и два сѣнокосныхъ участка, а именно: 1) за р. Казанкой, 2) за рч. Ичкой рядомъ съ дачею с. Бежболды [1]), 3) между Волгою и рч. Ичкой, 4) при с. Плетеняхъ на гривѣ, между двухъ озеръ Кабановъ, 5) Прилуцкое мѣсто съ воскобойнымъ на немъ заводомъ, 6) мѣсто Прилуцкое, называемое Грачовской пустошью, 7) и 8) сѣнные покосы, принадлежавшіе частнымъ владѣльцамъ казанскаго уѣзда. На второмъ

---

[1]) С. Бежболда входитъ въ настоящее время въ составъ Адмиралтейской Слободы.

планѣ нанесено 15 участковъ. Въ томъ числѣ участокъ, состоявшій во владѣніи экономическихъ крестьянъ с. Макарьевскаго, Бежболды тожъ, вмѣстѣ съ адмиралтействомъ и разными его магазинами; участокъ с. Дмитріевскаго, Ягодное тожъ, и с. Никольскаго, Красная Горка тожъ, съ деревнями Игумновой, Куземетевой, Уракчиной и Займища, вѣдомства коллегіи экономическихъ крестьянъ; въ этомъ общемъ участкѣ находилась также слободка Гривка, заселенная разночинцами вышедшими изъ Казани. Далѣе на томъ же планѣ нанесенъ участокъ казеннаго пороховаго завода, состоявшаго въ вѣдомствѣ канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи, и нѣсколько участковъ, сѣнныхъ покосовъ и пожней, принадлежавшихъ городу, подгороднымъ деревнямъ Поповкѣ и Игумновой и частнымъ лицамъ. На третьемъ планѣ означены границы владѣнія подмонастырской Кизической слободки, въ которыхъ находилась часть Козьей слободки, основанной, такъ же, какъ и Гривка, разночинцами выселившимися изъ Казани. На томъ же планѣ нанесено нѣсколько казенныхъ сѣнокосныхъ участковъ и на одномъ изъ нихъ нанесена остальная часть Козьей слободки.

Почти всѣ эти нанесенные на планахъ земельные участки, какъ видно изъ постановленія межевой конторы, подробно изложеннаго въ томъ же раздѣльномъ актѣ, были измѣнены ею въ своихъ границахъ, а нѣкоторые, какъ напр. Грачевская пустошъ, которой въ натурѣ не оказалось, совсѣмъ уничтожены. Большая часть казенной оброчной земли и земель, принадлежащихъ сс. Ягодному, Красной Горкѣ съ деревнями и Кизической подмонастырской слободкѣ была присоединена къ городскимъ сѣннымъ покосамъ; при означенныхъ же селеніяхъ оставлено земли въ количествѣ 8 десятинъ на ревизскую душу, причемъ исключено 69 душъ крестьянъ, записавшихся изъ с. Ягоднаго и д. Игумновой въ казанское купечество, мѣщанство и цехи. Часть казенныхъ и обывательскихъ земель, поросшихъ лѣсомъ, постановлено также отмежевать къ городскому въѣзжему лѣсу. Относительно, показанныхъ на одномъ

изъ земельныхъ участковъ, рыбныхъ ловлей на р. Казанкѣ и находящейся подъ крѣпостью водяной мельницы въ актѣ межевой конторы замѣчено, что эти статьи по писцовымъ книгамъ принадлежали посадскимъ людямъ г. Казани, но затѣмъ „невѣдомо по какимъ обстоятельствамъ“ рыбныя ловли и мельница, сперва отъ бывшей казанской губернской канцеляріи, а потомъ отъ казанской казенной палаты сдавались изъ платежа оброка частнымъ людямъ. Основываясь на высочайшемъ манифестѣ 17 марта 1775 г., конторою постановлено оставить рыбныя ловли и мельницу для общей пользы г. Казани, купечеству и мѣщанству. По поводу дачъ с. Макарьевскаго, Бежболда тожъ, занятыхъ казанскимъ адмиралтействомъ, межевая контора приводитъ свѣдѣнія, полученныя ею изъ казанской адмиралтейской конторы о томъ, что въ 1722 году, когда Императоръ Петръ Великій изволилъ шествовать по Волгѣ въ Астрахань и въ Персію, то, по прибытіи его въ Казань архимандритъ Зилантова монастыря просилъ его „чтобы вмѣсто взятой у того монастыря подъ казенное адмиралтейство и подъ селенія адмиралтейскихъ служителей и мастеровыхъ людей пашенной земли пожаловалъ, наградилъ въ другомъ мѣстѣ пашенною же землею“, но, что послѣдовало по этой просьбѣ, неизвѣстно, потому что въ пожаръ 1742 года адмиралтейская контора почти со всѣми прежними дѣлами погорѣла и только уже въ 1767 году интендантской экспедиціей былъ поднятъ вопросъ о переводѣ с. Бежболды, находившагося въ близкомъ разстояніи отъ адмиралтейства, на другое мѣсто и въ то же время предписано казанскому губернатору, вмѣстѣ съ межевою конторою, разсмотрѣть „какое число для адмиралтейства и подъ поселеніе казанскаго комплекта служителей непремѣнно отъ Зилантова монастыря взять надлежитъ земли, или вся оная состоящая земля адмиралтейству надобна, а оставшихъ крестьянъ с. Бежболды для безопасности адмиралтейства перевесть на удобное мѣсто и сколько къ адмиралтейству земли отведено будетъ, чтобъ впредь спору воспослѣдовать не могло, отмежевать“.

Однакожъ и это распоряженіе въ исполненіе приведено не было, потому что въ томъ же году крестьяне с. Бежболды просили объ оставленіи ихъ на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ хлѣбопашествомъ они уже не занимаются и, проживая вблизи Казани, получаютъ пропитаніе отъ разнаго мастерства. Кромѣ того они указывали, что съ переселеніемъ экономическое состояніе ихъ могло ухудшиться и, что въ ихъ селѣ находится каменная церковь, которую перенести на другое мѣсто невозможно. Принимая все это въ соображеніе, межевая контора постановила, что къ переселенію крестьянъ с. Бежболды на другое мѣсто не предвидится уже никакой надобности.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этого краткаго сообщенія, въ раздѣльномъ актѣ казанской межевой конторы, копія съ котораго обязательно была доставлена намъ на разсмотрѣніе однимъ изъ гг. землевладѣльцевъ казанскаго уѣзда, приводятся подробныя свѣдѣнія не только о распредѣленіи въ концѣ XVIII ст. между разными владѣльцами подгородныхъ земель и угодій, но и о заселеніи выходцами изъ Казани подгородныхъ слободъ Гривки, Козьей. Въ томъ же актѣ упоминается о перечисленіи въ городъ многихъ жителей тѣхъ подгородныхъ селеній, которыя, какъ напр. Ягодное, Адмиралтейская слобода, Плетени, въ послѣдствіи вошли въ составъ города, и едва ли не тогда же были установлены границы большей части городской земли.

Раздѣльный актъ Казанской Межевой Конторы.

1796-го года августа 18-го дня по указу Ея Императорскаго Величества казанская межевая контора слушавъ выписку изъ трехъ делъ начавшихся порапортамъ землемеровъ артиллери капитана волкова подъпорутчика глумилина и гвардіи прапорщика богданова о земляхъ состоящихъ на трехъ планахъ на первомъ города Казани подлитерою А. Заселенной а подлитерою В выгонной казенныхъ оброчныхъ называемыхъ подъ № 1 Состоящая заречкою Казанкою 2-мъ заречкою ичкою посмежеству здачею села бежболды 3-мъ между речки ички иреки волги 4-мъ что при селе плетеняхъ между

двухъ озеръ кабановъ на гривс 5-мъ прилуцкое мѣсто и вооиомъ включается подстроеніемъ воскобойнаго завода 6-мъ прилуцкое место которое поверенной действительнаго статскаго советника иковалера федора федоровича желтухина называлъ пустошью грачевскою 7-мъ сенныхъ покосовъ называемыхъ змиевскими и кошкодамовскими владения подъпорутчика ивана и титулярнаго советника (что ныне коллежской ассесоръ) василія гавриловыхъ Детей Тверитиновыхъ ититулярнаго советника ивана гаврилова сына Поспелова 8-мъ сенакосной пожни владенія отъставнаго секретаря василья григорьева сына Демешева; на второмъ Казанскаго Уезда 1-мъ села макарьевскаго бежболда тожъ владения экономическихъ крестьянъ на коей даче состоитъ впоселеніи и адмиралтейство сразными ево магазеинами 2-мъ сенныхъ покосовъ принадлежащихъ къ городу Казани владѣнія купцовъ мещанъ и цеховыхъ казенныхъ оброчныхъ поженъ 3-мъ максимовской спожнями 4-мъ малой шиловки 5-мъ пожни петровки спожнями владенія села макарьевскаго бежболда тожъ экономическихъ крестьянъ 6-мъ казенной оброчной пожни вражковъ и кривошеинской 7-мъ селъ дмитриевскаго ягодноо тожъ никольскаго красная горка тожъ здеревнями игумновой куземетевой Уракчиной и займищи, владнія вѣдомства прежде бывшей коллегіи экономическихъ крестьянъ. на коей дачи состоитъ впоселеніи слободка гривка выселившихся изъ города казани разночинцовъ, 8-мъ казенной пороховой заводъ ведомства канцеляри главнои артиллери и фбртификаціи казенныхъ оброчныхъ 9-мъ пожни поповки и подъ деревнею игумновой 10-мъ сенныхъ покосовъ двухъ поженъ ирыховыхъ 11-мъ сенныхъ покосовъ называемыхъ поповка 12-мъ сѣнныя покосы прирекѣ волге 13-мъ проданныя отъ межевон канцеляри изъ казенныхъ еенныхъ покосовъ во владения гварди капитанъ порутчику князь василью михаилову сыну голицину коими ныне вкаденіе имеетъ жена ево княгиня марья алексеева дочь 14-мъ отхожія сенныя покосы принадлежащія казанскаго уезда кселу Троицкому усады тожъ владенія примеръ маиора сергея михаилова сына тютчева аныне по смерти ево малолетной дочери ево анны тютчевои 15-мъ вновь открывшеися казеннои земли; третьемъ подъ № 1-мъ подъ монастырской кизической слободки владенія экономическихъ крестьянъ на коеи даче состоитъ впоселеніи часть слободки козей выселившихся изъ города Казани разночинцовъ казенныхъ оброчныхъ сенныхъ покосовъ 2-мъ болотныхъ 3-мъ болотныхъ же 4-мъ накоихъ состоитъ впоселеніи часть слободки козей выселившихся изъ города Казани разночинцовъ5-мъ что нагриве 6-мъ называемыхъ бечевка; иразсматривая притомъ темъ землямъ планы и все дела по соображенію съизданными онынешнемъ государственномъ генералномъ земли межеваніи ВЫСОЧАИШИМИ узаконеніями ПРИКАЗАЛИ учиненныя приснятіи техъ земель споры ивсе показаніи уничтожить для того; I,, хотя присняти вышеписанныхъ эемель состоящихъ на первомъ плане подъ № 1-мъ,, 2-мъ,, 3-мъ,, 4-мъ,, 5-мъ,, 6-мъ,, присланныя изъ казанскаго нижняго земскаго суда для отводу казенныхъ земель дворянскія заседатели порутчикъ анучинъ, икарнетъ москотиньевъ, утверждали казенными оброчными землями, о которыхъ и казанская казенная полата вприсланой всию кантору приуказе ведомости такъже показываетъ оброчнымиже земля

ми, каковыми икантора ихъ почитаетъ, равномерно подъ № 6-мъ зсмля хотя землемеромъ волковымъ иобъмежевана была за деиствителнаго статскаго советника иковалера федора федоровича желтухина подъ названиемъ пустоши грачевской сутвержденіемъ формалнои межи но после того указомъ казанское наместническое правленіе канторе знать дало, что то место называемое прилуцкое исостояшее вказенномъ оброкѣ дактому жъ и поверенной господина желтухина после межеванія поданнымъ къ землемеру волкову объявленіемъ показывалъ, что той пустоши грачевскои втомъ месте нетъ, ипросилъ ее съ учиненными ей межами уничтожить, апотому оныя иуничтожаются, какъ же при городе Казане выгонной безспорной земли состоитъ толко однои удобнои земли тысяча цять сотъ восемдесять пять десятинъ сто семдесятъ три сажени аположенной по 2-му пункту 8 главы инструкціи межевыхъ канцеляри иканторъ вокругъ всего города вдву верстнои пропорціи должно быть три тысячи семь сотъ шездесятъ пять дѣсятинъ тысяча пятдесятъ пять саженъ вкоторую пропорцию недостаетъ двухъ тысячь ста асмидесяти дѣсятинъ иосми сотъ васмидесяти двухъ саженъ авышеозначеннои 8-ой главы канторскои инструкціи въ 3-мъ пункте повелено „вчисло означенной „пропорціи на меривать 1-е все прежде написанныя по писцовымъ и меже„вымъ книгамъ исостоящія доныне пожалованнымъ грамотамъ и повсякимъ „крепостямъ выгоны 2-е такія земли которыя всилу уложенья изчьихъ дачь „взяты къ городамъ для пространства и скотиннаго выгона 3-е покупныя „купечествомъ отъ разныхъ владелцовъ земли ненаимена каждаго особо ако„всему городу идля общей всехъ градскихъ жителей ползы 4-е измежныхъ „ктому государьственныхъ порозжихъ земель., воисполненіе котораго узаконенія кантора все вышеизъясненныя; а равно и состоящия напланахъ второмъ подъ №-ми 3,, 4., 6,, и 9-мъ третьемъ 2., 3,, 4,. 5 и 6-мъ,, казенныя оброчныя земли вкоихъ состоитъ удобной земли присовокупя къ тому исостоящия на второмъ плане подъ № 2 городъския сенныя покосы тысяча триста семдесятъ пять десятинъ две тысячи двесте одиннатцать саженъ оставляетъ къ выгонной города Казани земле; но какъ и затемъ еще на выгонѣ вположенную пропорцию недостаитъ восми сотъ четырехъ дѣсятинъ тысячи семидесяти однои сажени которыя воисполнение означеннои 8-ой главы 7-го пункта канторской инструкціи дополнить изъявившихся сверхъ числа душъ земли придачахъ наложенныхъ на второмъ подъ № 7 селъ дмитриевскаго ягодное тожъ иниколскаго красная горка тожъ здѣревнями натретьемъ плане подъ № 1-мъ подманастырнои кизическои слободки оставя однакожъ прежде повышеупомянутому 7-му пункту написанныя втехъ селенияхъ вчетвертую ревизию мужеска пола души на каждую поосми десятинъ и именно приселехъ ягодномъ икраснои горки здѣревнями заисключеніемъ по 2-му пункту 19-ой главы канторскои инструкціи записавшихся изъ села ягодного идеревни игумновои вгороде Казане вкупечество мещанство ицехи крестьянъ (какъ о томъ казанская казенная палата Указомъ сию кантору уведомила) шестидесяти девяти душъ анадосталныя триста шездесятъ пять душъ две тысячи девять сотъ дватцать десятинъ приподманастырной кизическои слободки натринатцать душъ сто четыре десятины невключая вто число неудобныхъ местъ аоднои

удобнои земли, ахотя изътехъ селениевъ придаче № 7-го что на второмъ плане села дмитриевекаго ягодное тожъ с селомъ идеревнями попредставленнымъ писцовымъ 111-го года писца ивана болтина книгамъ состоитъ земель более нежели вышепоказаннои положеннои начисло душъ пропорціи, которыя воисполнение канторскои инъструкціи вышеозначенной 8-ой главы 9-го пункта иследовалобъ оставить притехъ селеніяхъ но какъ по справке сприсланными изъ межевои канцеляріи а внее доставленными изъ вотчинного департамента списцовыхъ 156-го года книгъ покаковымъ (36-мъ пунктомъ 4-ой главы тойже инструкціи преимущественнее предъ прежними покоторымъ иземли внастоящия дачи утверждать велено) копіями оказалось недоволно противу предложенныхъ 111-го года писцовыхъ книгъ но даже ипротиву означенной положеннои на число душъ пропорціи ана подъ манастырную слободку кизическую, что на третьемъ плане подъ № 1-мъ исовсемъ крепостей неявилось апотому и повышеозначенному 7-му пункту 8-ой главы канторскои инструкціи иоставляется кътемъ селениямъ одна толко на число душъ пропорция азатемъ изъоставшихъ притехъ селенияхъ изълишнихъ земель примежевать квыгону испоследнеи дачи слободки кизической всю оказавшуюся сверхъ числа душъ двести тринатцать десятинъ тысячу пять сотъ пятдесятъ три сажени, аиспервой селъ ягодного и красной горки здеревнями пять сотъ девяносто десятинъ тысячу деветь сотъ асмнатцать саженъ ноизавсемъ темъ еще, II-е припоказанной № 7-го даче что навторомъ плане остаются изълишняя сверхъ вышеизъясненной оставленной начисло душъ пропорціи земли четыре тысячи восемь сотъ девяносто шесть десятинъ тысяча девять сотъ тритцать восемь саженъ искоторои такъ же посодержанию инструкціи межевыхъ канцеляріи и канторъ 8 главы 17 пункта намерить и особо отъмежевать впредь для государственныхъ надобностей триста десятинъ поблизости къводе и имянно крекѣ казанкѣ присоединя къ тому исостоящей на второмъ плане подъ № 8 казенной пороховой завоѳъ и объотдаче техъ определенныхъ ныне для государственныхъ надобностей трехъ сотъ десятинъ вънаемъ подъсенакосъ анеподъ пашню повсягодно спубличнаго торгу предоставить въ казанскую казенную полату затемже все излишнія земли четыре тысячи пять сотъ девяносто шесть десятинъ тысяча девять сотъ тритцать восемь саженъ какъ оная вся состоитъ порозшая лесомъ отъмежевать особо надоказанной города казани купеческимъ доверенным писцовыми 74-го 75-го и 76-го годовъ книгами въезжеи принадлежащей ктому городу лесъ вкоторои по силе 17-го пункта 6-ой главы канторскои инструкціи иметь въездъ по принадлежности города Казани жителямъ до того времени покоторое лесъ невесь еще будетъ срубленъ; III-е о состоящей подгородовою крепостью нарекѣ казанкѣ мушной мелнице поверенной города казани какъ примежеваніи показывалъ такъ и поданнымъ вкантору прошениемъ попротчемъ прописывалъ что по писцовымъ книгамъ писцовъ околничего никиты борисова дадмитрия кикина 74-го, 75-го и 76-го годовъ книгамъ къ городу казани бывшимъ потогдашнему наименованию живущемъ въ немъ посадъскимъ людямъ земли совсеми угодьи ковладению существованіе и положение имели иныне имеютъ по разнымъ урочищамъ вокругъ ивсмежестве того города

которыми де землями авозерахъ, рекѣ волге реке казанкѣ и вдругихъ рыбными ловлями лугами, лесами, ивсеми угодьями какъ они посадскіе люди апотомъ попереименованию уже купцы имещане равно иимещие подобные имъ привилегіи служивые торговые татары ползовались безъвсякаго отъсоседственныхъ владеніи прекословія и хотя до состоявшагося еще Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества 765 года сентября 19-го дня о генералномъ земель размежеваніи манифеста изътехъ къ городу принадлежностей часть некоторая и поступила поусиленому завладению смежныхъ дачь вчастныя владеніи однакоже предписанное общество имея затемъ еще количество вовладеніи своемъ земли совсеми угодьи уклонили себя отъ тяжебъ натотъ предметъ дабы быть хотя приманомъ владеніи но навсегда вспокоиствіи вместо чего, потомъ и изътехъ оставшихъ уже земель близь самаго городскаго строения вразныхъ местахъ ипоразнымъ участкамъ нетолко луга но исостоящия озера река казанка инанеи построенная мушнаа мелница сперва отбывшей казанской губернскои канцеляріи неведомо по какимъ обстоятельствамъ, аныне отъ казанскои казеннои полаты отдаются изъ платежа оброка частнымъ людямъ, покаковому случаю ипретерпеваютъ ощутительное лишение принадлежащей имъ повсемъ правамъ выгодъ, просили состоящия внутри отвода ихъ отдаваемыя отъказанскои казенной полаты повсемъ справедливостямъ принадлежащія къ городу земли рыбныя возерахъ ирекѣ казанкѣ ловли имушную мелницу изъ оброка равно и леса утвердить наоснованіи высочайшихъ 775-го манифеста и 785-го годовъ городоваго положения къ городу казани купцамъ и мещанамъ но кантора сей прозбы (кроме что мелницы и рыбныхъ ловлеи) вуваженіе принять неможетъ темъ что выгоннои земли противу написанной спредложеннаго списка списцовыхъ 74-го 75-го и 76-го годовъ книгъ равномерно и посправкѣ сприсланными всию кантору изъ межевои канцеляріи авнее доставленными изводчиннаго департамента списцовыхъ техже годовъ книгами меры оказалось водномъ безспорномъ владеніи изълишнеи земли тритцать пять десятинъ сто семдесить три сажени следовательно инеможетъ быть такъ какъ городскои поверенной показываетъ взавладеніи принадлежащихъ потемъ писцовымъ книгамъ къ городу земель участныхъ людей: а посему икантора повышеизъясненному заключенію определяетъ дополнить къ городу Казане положенную во 2-мъ пункте 8-ой главы канторскои инструкціи пропорцию неизъ земель уже городскихъ а изъ земель означенныхъ въ 3-мъ и 7-мъ пунктахъ тоиже 8 главы канторской инструкціи относителножъ дорыбныхъ врекахъ волге казанкѣ иозерахъ ловле инарекѣ казанкѣ мучнои мелнице окаковыхъ состоявшимся 1775-го года марта 17-го дня высочаишимъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ манифестомъ внижеследующихъ пунктахъ напечатано сими словами: „въ 36-мъ отрешаемъ зборъ смелницъ владелческихъ въ 37-мъ по указамъ 1725-го и 1762-го годовъ утверждено чтобы рыбнымъ ловлямъ кои состоятъ завладелцами игосударственными дворцовыми и экономическими крестьянами быть за ними вечно безъ перекупки; но тогда неисключены они изъ оброка которыи нанихъ дотого состоялъ нынежъ всемилостивѣише отрешаемъ платежъ зборъ или оброкъ зате рыбныя ловли иповелеваемъ онаго

снихъ впредь не збирать и онаго неимеютъ платить,, такъ же Имяннаго Ея Императорскаго Величества 1785-го года ацреля 24 дня городоваго положенія подлитерою А во второи статье подтверждено сими словами: „городу „подтверждаются правилно принадлежащия помежевои инструкціи или инако „законно земли, сады, поля, пастбы, луга, реки, рыбныя ловли, леса, рощи „кустарники пустыя места, мелницы водяныя или ветреныя все оныя вообще „икаждое порознь ненарушимо иметь ионымъ ползоватся мирно ивечно на„основаніи законовъ какъ внутри города такъ ивне онаго„ апоисполненіе оныхъ Всемилостивѣишихъ повелениевъ икантора лежащия подле назначаемой ныне кгороду казани выгонной земле ивнутри ее врекахъ волге казанкѣ иозерахъ рыбныя ловли равно мерно исостоящую подъгородовою крепостью нарекѣ казанкѣ мучную мелницу оставляетъ для общей ползы города казани купечечеству имещанству; акакъ оныя равно ивышеозначенныя определяемыя кгороду навыгонъ оброчныя земли отъдаются отъказанскои казенной полаты воброкъ разнымъ людямъ то осложени снихъ наоснованіи вышепоказанныхъ Высочаишихъ 775-го марта 17-го манифеста и 785-го годовъ апреля 24-го числа городоваго положенія; техъ оброковъ представить вказанскую казенную полату доношеніемъ какъ же; IV Дачи наложенныя напервомъ подъ № 7-мъ сена косныя пожни змеевъскія икошкодамовския а навторомъ подъ № 14-мъ сенныя покосы принадлежащия казанскаго уѣзда кселу троицкому усадъ тожъ владеющия ныне теми дачами помещики поданными вкантору прошениями объяснили опервыхъ подъпорутчикъ иванъ ититулярнои советникъ (что ныне коллежскои ассессоръ) василеи тверитиновы ититулярнои советникъ иванъ поспеловъ что имеющияся нату дачу ивана поспелова отца ево гаврилы поспеловажъ крепости вбывшей 734-го года въ городе казане пожаръ обще здомомъ ево поспелова згорели аовторыхъ покоинаго примеръ маиора сергея тютчева служитель иванъ алексѣевъ что такъ же всмутное время надачу господина ево крепости разграблены даипосправкѣ сприсланными изъмежевой канцеляріи (всию кантору) авнее доставленными изъ вотчиннаго депортамента списцовыхъ книгъ копіямъ хотя техъ дачь инеоказалось однакожь чтобъ они не были до 765 года ипоныне вовладеніи вышепоказанныхъ владелцовъ отомъ никѣмъ оспариваемо небыло каковыхъ канторской инструкціи 4 главы 19-мъ пунктамъ илишать невелено, а еще подтверждено опредѣлять межевать такъ какъ они до 765-го года безспорно владѣли посодержанію коего означенныя сенныя покосы змиевския икошкодамовскія иоставить имъ поспелову итверитиновымъ вообщее владеніе поравному количеству аравно иналоженную напервомъ планѣ подъ № 8 сенакосную пожню по 1-му 4-му и по 1-му пунктамъ 9-ти главъ тоиже инструкціи оставить все те три дачи потому бывшему до 765-го года владению покоторому они ипринынешнемъ межеваніи сняты атакъ же; V-е Дачу лежащую навторомъ плане подъ № 1-мъ села макарьевскаго бежболда тожъ экономическихъ крестьянъ бывшихъ прежде вовладеніи зилантова монастыря равномерно и особыя на томъ же плане подъ № 5-мъ обмежеванныя безспорно сенныя покосы называемыя пожня петровка спожнями принадлежащія къ тои же № 1 даче селу бежболде оставить такъ же какъ они принынешнемъ меже-

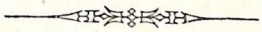
ваніи обоидены для того, что хотя втой № 1 даче присовокупя ктому ихже вышеписанную подъ № 5 дачу исостоитъ противу числа написанныхъ втомъ селеніи почетвертои ревизіи заисключеніемъ изъ того числа (посиле канторскои инструкціи 19 главы 12-го пункта) записавшихся вгороде казане вкупечество мешанство ицехи равно мерно и построеннаго насамои той № 1-го даче поимянному 1718-го года февраля 11-го дня Его Императорскаго величества Блаженныя и вечныя славы достойныя памяти государя императора петра великаго указу адмиралтейства, запасныхъ магазиновъ изанятой селениемъ того адмиралтейства мастеровыми людьми земли щестидесяти трехъ дѣсятинъ итысячи трехсотъ осмидесяти трехъ саженъ надостальныхъ мужеска полу двадцать две души экономическихъ крестьянъ полагая на каждую по силе канторскои инструкціи 8-ой главы 7-го пункта поосми десятинъ изълишнеи земли тритцать восемь дѣсятинъ и тысяча восемь сотъ девяноста одна сажень но оныя оставляются притоиже № 1-го даче для могущихъ иногда быть всякихъ непредвидимыхъ ныне надобностей подъ занятие изъясненнаго адмиралтейства, а хотя казанская адмиралтеиская кантора сию кантору иуведомляла отомъ что въ 1722-мъ году когда Его величество государь императоръ петръ великій изъволилъ шествовать волгою рекою вастрахань ивперсию и поприбытіи вказань зилантова монастыря архимандритъ просилъ Его Императорскаго величества чтобъ вместо взятой того монастыря подъказенное адмиралтейство иподъселенія адмиралтейскихъ служителей имастеровыхъ людей пашенной земли пожаловалъ наградилъ вдругомъ месте пашенноюжъ землею но что по той ево архимандрита прозбе послѣдовало забывшимъ въ 1742 году пожаромъ вкоторой кантора адмиралтеиская цочти совсеми прежними делами погорела неотыскано, кроме что де прошлаго 1767 года іюля 2-го дня полученнымъ втои канторе изъинтенданской экспедиціи на посланное изъ тои канторы опереводе того села бежболды вразсужденіи близкаго отадмиралтеиства разстоянія споказаннаго мѣста на оную землю указомъ дано знать, что оттой экспедиціи писано казанскому губернатору чтобъ благоволилъ обще сказанскою канторою разсмотреть какое число для адмиралтеиства иподъпоселеніе казанскаго комплекта служителей непременно отъ зилантова монастыря взять надлежитъ земли или вся оная состоящая земля адмиралтейству надобна аоставшихъ крестьянъ села бежболды для безопасности адмиралтеиства перевесть наудобное место исколко кадміралтейству земли отъведено будетъ чтобъ впредь спору воспоследовать немогло отъмежевать но токмо того разсмотрения учинено небыло, послучаю полученнаго сентября 24-го дня тогоже 767-го года изъгосударственной коллегіи экономіи указа, последовавшаго напредставление находящагося вказанскомъ уезде экономическаго казначея примеръ майора голицына здоношениемъ упомянутаго села бежболды старосты ивана андреева онепереводе ихъ изъсела бежболды на другое место вразсуждени что они креетьяне поотводе упоминаемой подъадмиралтеиство земли пашни уже непашутъ, икооной подолговремянной отлучкѣ незаобыкновенны, апоблизости сжительствомъ къ городу казани пропитаніе получаютъ отразнаго мастерства иработъ икъпереселению втой близости 1орода казани способнаго места неимеется да хотябъ

и имелось то впереселеніи соонаго места надругое помалоимуществу могутъ приитти вовсеконечное разъзорение иплатежа государственныхъ податей невсостояніи сверхъ того имеется воономъ церковь спределомъ каменныя построенныя ихъже крестьянскимъ коштомъ которой иперенесть никакъ неможно, отемъ дѣ и вгосударственную адмиралтеискую коллегию отъ нее сообщено, но что тою коллегиею потому учинено канторе неизвестно; а въ 791-мъ году марта отъ 27-го дня сообщено де было отъ той канторы вказанское наместническое правление стребованіемъ чтобъ благоволило села бежболды крестьянъ всилу вышепрописаннаго Указа воитить осемъ вразсмотреніе итехъ крестьянъ перевесть надругое жителство иотомъ кантору бы уведомило, но токмоде оного неприслано; но какъ втой даче села бежболды соособо отмежеванными принадлежащими кней сенными покосами называемыми пожни петровки спожнями что натомъже второмъ плане подъ № 5 земель оказалось недоволно недостаточно но еще занамерениемъ (какъ и по вышеизъясненному заключенію значитъ) начисло душъ оказалось изълишней земли тритцать восемь дѣсятинъ тысяча восемь сотъ дѣвяноста одна сажень, которыя иоставлены при тоиже даче впредь нанепредъвидимыя ныне надобности подъ занятіемъ того адмиралтейства апосему кантора сия икъ переселенію того села бежболбы крестьянъ надругія земли непредъвидитъ уже никаковой надобности; касателножъ идотого что бежболдинской отъ экономическихъ крестьянъ поверенной представленною вкантору късему делу 140-го года грамотою утверждалъ притой даче сенныхъ покосовъ данныхъ вместо взятой унихъ подъихъ деревнею бежболдою подъгосударевы житнецы копенъ здвести далесу вдлину напять апоперекъ надве версты иболше, но кантора всихъ местахъ того числа потой грамоте написанныхъ земель намереть неможетъ поелику те сенныя покосы иповерстнои лесъ втои грамоте написаны поборовымъ озерамъ ипообе стороны реки сумки покоторымъ они иодолжались втехъ самыхъ местахъ ихъ и отводить а всихъ местахъ таковыхъ урочищъ нетъ; апотому самому и имеющаяся того села отъкрестьянъ претензия приведенная всогласность казанскимъ наместническимъ правлениемъ посредствомъ уезднаго стряпчего марковникова наполюбовную повереннаго ихъ бежболдинскихъ крестьянъ споверенными отъ города казани между земель ихъ игородскихъ сенныхъ покосовъ что на второмъ плане подъ № 2 скаску писанную 793 года декабря 20 дня аравно исамая та скаска повышеписанному заключению никчему уже неслужитъ; наложенныя же натомъже второмъ плане; VI казенныя оброчныя земли называемыя подъ № 10 сенныя покосы двухъ поженъ ирыховыхъ 11-мъ сенныхъ покосовъ поповка 12-мъ сенныя покосы прирекѣ волге атакъ же ивновь отъкрывшуюся казенную землю что подъ № 15-мъ по 2-му пункту 25-ой главы канторской инструкціи оставить посамымъ темъ местамъ какъ они приснятіи ихъ ныне землемеромъ гварди прапорщикомъ богдановымъ обоидены аодаче состояшей натомъже второмъ плане подъ № 13-мъ проданной отъ межевой канцеляріи изъказенныхъ сенныхъ покосовъ вовладѣніе гварди капитанъ порутчику князь василью голицину какъ внихъ противу проданнаго числа оказалось изълишняя земля то оная состоитли укнязя голицина вовладеніи иежели въ ево владеніи состоитъ

то скотораго именно году выписавъ особо доложить какъ же VII повышеизъясненному заключению должно будетъ внатуре утвердить формалныя межи здѣлать вздешней чертежной напланахъ поспособности соопробаціи однакожъ присудствующихъ нарески сотушеванною красками потомъ те планы и все понихъ писменныя землемеровы производствы отослать къземлемеру секундъ маиору барановичу при указе ивелеть повышеписанному заключению ипозделаннымъ напланахъ нарескамъ утвердя темъ землямъ внатуре формальныя межи (уничтожа напредь где следуетъ вошедшия внареску таковыяжъ учиненныя землемеромъ капитаномъ волковымъ приобмежеваніи имъ выгонной городъ казани земли) исочиня всемъ темъ землямъ поустановленному порядку безъспорныя планы смежевыми книгами написавъ внихъ что они сочинены порешению сеи канторы споровъ представить обще спрежними спорными планами иписменными зелемеровыми производствами вкантору прирапорте къисполненію чего къделу ивчертежную дать отъпротокола съсего копию преждежъ того; VIII сие опредѣленіе поподписани присудствуещими участвующимъ по сему делу владелцамъ или ихъ поверенным ежели они здѣсь тотъ часъ объявить стемъ чтобъ оне неотлагая более семи дней подъсимъ подписались иежели потребуютъ съ сего копіи то оныя заскрепою секретаря дать, ибуди подъпишутся доволными здѣлать исполненіе вслучаежъ неудоволствія то неделая исполненія все дело учиня ему опись спланами и землемеровыми производствами взнесть наразсмотреніе вмежевую канцелярию при рапорте ааппелятора чтобы онъ туда науказнои срокъ явился (взявъ снего запересылку того дела что следовать будетъ весовыя денги) обязать подъпискою ежелижъ кто неявится то ксведению осемъ решеніи оприпечатаніи вмосковскихъ ведомостяхъ по силе 784-го года февраля 6-го дня указа правителствующаго Сената въ 5-ый депортаментъ представить рапортомъ причемъ иобъявленіе заскрепою секретаря приложить. Посостояниюжъ вышеписанныхъ селеней коронныхъ крестьянъ введомстве казанской казенной палаты для объявления имъ съсего определения отослать придоношеніи копию акакъ; IX овышеписанной прежде отъмежеванной задеиствителнаго статскаго советника иковалера федора федоровича желтухина состоящей напервомъ плане подъ № 6 даче подъ названиемъ пустоши грачевской после уже ее объмежевания казанское наместническое правление указомъ канторе знать дало что то место называемое прилуцкое иесть казенное оброчное итребовало оучиненіи отомъ разсмотрения и что учинено будетъ правление уведомить почему идать оному знать что означенная пустошь грачевская канторою признана заоброчное казенное место называемое прилуцкое иотдано повышеписанному заключению ипоизъясненнымъ внемъ узаконениямъ къ городу казани подъ выгонъ наподлинномъ подтписано тако антонъ леццано левъ шагаровъ петръ блюмъ скрепилъ секретарь егоръ герасимовъ подъписано 10-го сентября.

1796 года сентября 30 дня По указу Ея Императорскаго Величества вказанской межевои канторе попрошению коллежсскаго ассесора василья гаврилова сына тверитинова поверенного служителя никиты иванова о выдаче ему срешителнаго определения оземляхъ сенныхъ покосовъ змиевскихъ икошкодамовскихъ поспору зградскою города Казани выгонною землею копіи определено посиле имянныхъ 1737-го октября 16-го и 763 годовъ декабря 15 чиселъ указовъ опоказанныхъ земляхъ срешительнаго определения заподъ писаниемъ присудствующаго исовзятьемъ указныхъ пошлинъ изавоскъ реченному поверенному дать копию которая идана октября 20 дня 1796 года. Петръ блюмъ. № 1118.

И. Износковъ.



КИТАЙСКІЙ БУНТОВЩИКЪ ЧИ-ЧИ-ГУНЪ.

Въ Азіи въ послѣднее столѣтіе значеніе и обаяніе Китая, или, какъ его называютъ сами китайцы, Чжунъ-го (срединное государство) или Тянь-ся (поднебесная имперія) значительно пало, и могущество его вслѣдствіе частыхъ безпорядковъ и возмущеній, проявлявшихся по временамъ внутри страны противъ маньчжурскаго правительства, владѣющаго китайскимъ престоломъ съ 1644 года, сильно поколебалось. Возстаніе такъ называемыхъ „тайпинговъ", длившееся съ 1850 по 1864 годъ, охватило всю юго-восточную часть Поднебесной Имперіи и было подавлено лишь при помощи европейскаго оружія. „Тай-пинъ" знач. по-русски великое спокойствіе. Такъ назвалъ свою предполагаемую династію предводитель инсургентовъ, занявшій Нань-цзинъ, т. е. Нанкинъ, въ 1856 г. Года ихъ, 1850 — 1864, у китайскихъ инородцевъ называются „тай-пинъ-нянь" [1]), т. е. „года великаго спокойствія". Китайцы называютъ этихъ инсургентовъ обыкновенно „чанъ-маоцзы", т. е. длиноволосые. Затѣмъ возникли бунты и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, какъ-то: въ провинціи Чжи-ли и Маньчжуріи. И эти бунты были прекращены при помощи европейцевъ. Потомъ въ провинціи Юнь-нань въ 1855 г. началось возстаніе, охватившее всю сѣверо-западную часть имперіи, вмѣстѣ съ Чжунгаріей и Туркестаномъ, и особенно

---

[1]) По-татарски تای فین نان

усилившееся въ 1861 году, т. е. въ послѣдній годъ правленія Сянь-фынъ (1850—1861). Тогда китайцы потеряли всѣ свои владѣнія на западъ отъ Цзя-юй-гуаньскихъ (самыхъ западныхъ) воротъ великой стѣны. Собственно-же Чжунгарія и Туркестанъ были охвачены возстаніями въ 1862—1863 годахъ. Благодаря вмѣшательству Россіи китайцы въ 1875 году, т. е. въ годъ вступленія на престолъ нынѣшняго Императора, снова стали овладѣвать этими двумя странами. Можно думать, что и послѣдніе мятежи, возникшіе въ восточныхъ провинціяхъ Китая, будутъ подавлены только при помощи европейцевъ. Безъ помощи этихъ послѣднихъ маньчжурскому правительству всегда трудно обойтись, тѣмъ болѣе, что многочисленные и различные народы: татары, дунганы, монголы и др. горныя племена, подвластныя Китаю, но не имѣющія съ нимъ ничего общаго, кромѣ неба и земли, не симпатизируютъ нынѣшнему маньчжурскому правительству Поднебесной Имперіи и при всякомъ случаѣ во имя своей свободы готовы взяться за оружіе. Причинами возстаній обыкновенно бываютъ: лихоимство начальниковъ, жестокія пытки при допросахъ, отказы въ выдачѣ заслуженныхъ денегъ, ростовщическіе пріемы китайскихъ банкировъ и прочіе недостатки всякаго рода. Рѣзня во время войны доходитъ до того, что ожесточенные враги не щадятъ ни старыхъ, ни малыхъ. Богатые города во время войны превращаются въ груды развалинъ, усѣянныя трупами. Такихъ развалинъ и теперь, когда отъ послѣдняго возстанія въ Чжунгаріи и Туркестанѣ прошло почти 20 лѣтъ, можно видѣть цѣлыя сотни. Когда въ 1862—1863 годахъ возникли мятежи въ разныхъ городахъ Чжунгаріи и Туркестана, разныя наиболѣе отважныя лица изъ дунганъ и татаръ составляли большіе и малые отряды и поголовно избивали китайцевъ. Когда мятежники, перебивши китайцевъ, стали по разнымъ причинамъ враждовать между собою. Въ Кашгарѣ появился нѣкій Якубъ-бекъ [1]), сынъ Ходжентскаго муллы Исметъ-уллы. Этотъ

[1]) По-татарски يعقوب بك

самый Якубъ-бекъ сражался противъ русскихъ 4 марта 1852 года на урочищѣ Акъ-герикъ, близь бывшаго Аральскаго укрѣпленія (Раима). Потомъ 11 апрѣля 1852 года онъ былъ уже въ г. Ташкентѣ. Когда начались въ Восточномъ Туркестанѣ бунты, онъ въ 1864 году вмѣстѣ съ другими лицами отправился въ Восточный Туркестанъ. Частью удаливъ, частью истребивъ опасныхъ соперниковъ и подчинивъ себѣ китайскихъ мятежниковъ, онъ объявилъ себя подъ именемъ „бадаулетъ“ [1] (счастливецъ) правителемъ Восточнаго Туркестана и управлялъ этою страною до своей смерти, т. е. до 1877 года, послѣ чего китайцы снова овладѣли Чжунгаріей и Туркестаномъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ отравленъ.

Исторія занятія Туркестана сначала Якубъ-бекомъ и потомъ китайцами изложена у К. Риттера въ его „Землевѣдѣніи“, переведенномъ и дополненномъ проф, В. В. Григорьевымъ и изданномъ подъ заглавіемъ: „*Восточный* или *Китайскій Туркестанъ*. Вып. I, 1869. Вып. II, 1873. СПБ“; затѣмъ эта исторія изложена хорошо въ трудѣ А. Н. Куропаткина, вышедшемъ 1879 г. въ С.-Петербургѣ подъ заглавіемъ. „*Кашгарія*. Историко- географическій очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля.“ Исторія занятія Илійскаго округа сначала русскими и потомъ китайцами подробно изложена въ сочиненіи нашего дѣйств. члена Н. Н. Пантусова, озаглавленномъ „Война мусульманъ противъ китайцевъ. Вып. I, 1880. Вып. II, 1881. Казань“, и въ другомъ его-же сочиненія: „Свѣдѣнія о кульджинскомъ районѣ за 1871—1877 годы. Казань, 1881.“ О возстаніяхъ въ юго-восточныхъ провинціяхъ Китая можно найти свѣдѣнія, кромѣ иностранныхъ сочиненій, въ книгѣ З. Матусовскаго „Географическое Обозрѣніе Китайской Имперіи. С.Петербургъ, 1888.“ Во время путешествія, совершеннаго по сѣверо-западному Китаю въ 1890—1892 годахъ по порученію Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

[1] По-татарски بادولت

я видѣлся съ лицами, участвовавшими въ войнахъ Якубъ-бека противъ китайцевъ и этихъ послѣднихъ противъ Якубъ-бека и туземцевъ: дунганъ и татаръ. Съ ихъ словъ я имѣлъ возможность почерпнуть много свѣдѣній о разныхъ эпизодахъ изъ жизни Якубъ-бека и войнъ его съ дунганами, татарами и китайцами. Въ настоящей статьѣ я намѣренъ коснуться личности китайскаго бунтовщика Чи-чи-гуна [1]), котораго китайскіе киргизы называютъ Шыша-гунъ или Шуша-гунъ [2]). Во время возстанія дунганъ онъ былъ амбанемъ, т. е. начальникомъ, округа Суй-лай-сянь. Онъ бѣжалъ къ Якубъ-беку и былъ имъ очень ласково принятъ. Послѣ нашестія дунганъ на гор. Кучаръ [3]), Якубъ-бекъ двинулся противъ нихъ, взявъ съ собою и Чи-чи-гуна. Чи-чи-гунъ собралъ вокругъ себя около 8000 уцѣлѣвшихъ отъ рѣзни китайцевъ и сопутствовалъ съ ними Якубъ-беку въ его движеніи къ гор. Старому Турфану [4]). Занявши этотъ городъ, Якубъ-бекъ отправилъ Чи-чи-гуна противъ города Хунг-мяо-цзы или Урумчи [5]), гдѣ живетъ теперь шунь-фу (губернаторъ) Восточнаго Туркестана. Якубъ-бекъ далъ ему лишь незначительное число своихъ войскъ и слѣдовалъ за нимъ до Урумчи въ одномъ переходѣ и тамъ остался. Чи-чи-гунъ со вспомогательнымъ отрядомъ войскъ Якубъ-бека взялъ одинъ за другимъ слѣдующіе города и селенія, лежащіе на сѣверъ отъ хребта Тянь-шань, вдоль сѣвернаго тракта, называемаго Бей-лу: Урумчи, Цзи-хуай, Му-ли-хэ, Ци-тай-сянь, Манасъ [6]), Чанъ-цзи и Суй-лай-сянь. Цзи-хуай у Куропат-

---

[1]) По-татарски چی چی غون

[2]) По-киргизски شوشاغون

[3]) По-татарски کوچار

[4]) По-татарски کونه طورفان

[5]) По-татарски اورومچی

[6]) По-татарски ماناس

Ойрот... Подъ № ... за исано

кина названъ Гуматай [1]) и Гомуди, у Матусовскаго Цзи-хуай и Гуму. Му-ли-хэ названъ у Куропаткина Мури и Муруй [2]), Ци-тай-сянь названъ Чатай и Китай [3]), Чанъ-цзи названъ Санжи [4]) и, наконецъ, Суй-лай-сянь названъ разъ Ляй-сань и другой Лянсай. Я и Матусовскій слѣдуемъ оффиціальному китайскому выговору названій, а Куропаткинъ слѣдовалъ, очевидно, татарскому. Перечисленные города и селенія были взяты съ боя и первоначально отданы въ управленіе Чи-чи-гуну. Достигнувъ обладанія этими городами при помощи китайцевъ, Якубъ-бекъ перемѣняетъ свое обращеніе съ послѣдними, начинаетъ тѣснить ихъ и заискиваетъ расположенія населенія взятыхъ городовъ и селеній—своихъ единовѣрцевъ, мусульманъ, дунганъ. Китайскія войска распускаются, и гарнизоны въ городахъ составляются частью изъ дунганъ, частью изъ войскъ Якубъ-бека, состоявшихъ изъ татаръ кокандскихъ и китайскихъ. Когда въ угоду дунганамъ начальство надъ всѣми этими пунктами было вручено двумъ дунганскимъ вождямъ: Шихо и Да-хо [5]) и Чи-чи-гунъ долженъ былъ подчиниться имъ, то этотъ Чи-чи-гунъ обидѣлся и, по словамъ туземцевъ, отправился съ 500-ми китайцевъ въ Бей-цзинъ (Пекинъ) просить у Императора 8000 солдатъ, чтобы возвратить съ помощію ихъ всѣ свои города. Такъ излагается съ малыми измѣненіями ходъ событій у Куропаткина, посѣтившаго Восточный Туркестанъ въ концѣ 1876 и началѣ 1877 годовъ и видѣвшаго Якубъ-бека. Чи-чи-гунъ жилъ первоначально въ деревнѣ Куйтунъ, находящейся по Бей-лу, т. е. Сѣверному тракту, въ 30—

---

[1]) По-татарски غوموتای

[2]) По-татарски موروی

[3]) По-татарски چی تای

[4]) По-татарски سانجی

[5]) По-татарски شی خوا и داخوا

35 верстахъ на востокъ отъ города Куръ-кара-усу [1]). Я былъ въ этой деревнѣ 4 раза, и 14 августа 1890 года, по китайскому счисленію въ 12 день VII луны 16-го года правленія Гуанъ-сюй, узналъ о Чи-чи-гунѣ на его родинѣ слѣдующее. Одинъ изъ китайцевъ деревни Куйтунъ [2]), по имени Ю-данъхой, сообщилъ мнѣ, что во время дунганскаго возстанія куйтунскій китаецъ, по имени Чи-чи-гунъ, взялъ шайку дунганъ или китайцевъ въ 500 человѣкъ и, ставши съ ними на Бейлу, т. е. Сѣверной Императорской дорогѣ (такъ называютъ трактъ на сѣверъ отъ Тянь-шаня), сталъ грабить караваны, идущіе съ востока на западъ (китайскіе) и съ запада на востокъ (русскіе). Онъ убилъ между прочимъ 96 человѣкъ русскихъ подданныхъ и похитилъ у нихъ товары и имущество. Чи-чи-гунъ, имѣвшій въ 1890 году отъ роду около 90 лѣтъ, поселился въ 60 верстахъ, въ горахъ, на западъ отъ гор. Урумчи, въ предѣлахъ округа Чанъ-цзи. Въ городахъ по своей дряхлости онъ непоявляется. Китайцы, хотя и обѣщались-будто русскимъ наказать его за ограбленіе ихъ подданныхъ, но подъ судъ его не отдавали. Кромѣ товаровъ Чи-чи-гунъ отнималъ также коней, овецъ и ословъ. Когда пришли китайцы, Чи-чи-гунъ заявилъ имъ, что онъ усмирялъ бунтовавшихъ противъ правительства киргизовъ, дунганъ и татаръ, и этимъ избавился отъ смерти. Въ концѣ прошлаго 1893 года въ С.-Петербургъ изъ гор. Урумчи пріѣзжали китайскій чиновникъ Янъ-цынъ-банъ и его переводчикъ дунганъ Ма-фу, которые оба знаютъ Чи-чи-гуна. Они сообщили, что Чи-чи-гунъ до сихъ поръ не умеръ. Когда въ войскѣ Якубъ-бека стали происходить разногласія между начальниками и солдатами, тогда говоритъ А. Н. Куропаткинъ, первыми отъ Якубъ-бека бѣжали: Садыкъ-бекъ, бывшій при китайцахъ „хакимомъ“ (начальникомъ) одного уѣзда, а при Якубъ-бекѣ служившій „юзъ-

[1]) По-татарски قورقرا اوسو

[2]) По-татарски كويتون

баши“[1]) (сотеннымъ командиромъ) въ гор. Аксу[2]), и Бакышъ-мирабъ-бекъ, служившій при китайцахъ тоже „мирабъ-бекомъ“ [3]) (смотрителемъ надъ орошеніемъ полей). Эти два лица бѣжали изъ гор. Стараго Турфана къ китайцамъ, состоявшимъ подъ начальствомъ военноначальника Чи-чи-гуна, и назначены имъ: первый „хакимомъ“ въ гор. Кашгаръ [4]), а второй на тукую-же должность въ гор. Яркендъ [5]). „Хакимомъ“ [6]) татары Восточнаго Туркестана называютъ уѣзднаго начальника, который по-китайски именуется „сянь-гуань.“

Н. Катановъ.

[1]) По-татарски يوز باشى

[2]) По-татарски آق سو

[3]) По-татарски ميراب بك

[4]) По-татарски كاشغر

[5]) По-татарски يار كند

[6]) По-татарски حكيم

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

Якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области.

Около двухъ столѣтій тому назадъ впервые начинаютъ появляться въ печати статьи, посвященныя описанію жизни якутовъ. Авторы этихъ статей обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на вѣрованія, нравы и обычаи якутовъ. Только начиная съ 1730 г. въ этихъ статьяхъ попадаются замѣтки о погребальныхъ обрядахъ якутовъ. Разсмотримъ въ хронологическомъ порядкѣ содержаніе этихъ статей о погребальныхъ обрядахъ якутовъ и отмѣтимъ затѣмъ, какіе обряды существуютъ у этого племени теперь, какіе перешли въ область преданій и о какихъ не сохранилось вовсе преданій. Моя замѣтка будетъ касаться погребальныхъ обрядовъ якутовъ только Вилюйскаго округа Якутской области.

Первый, кто упоминаетъ о погребальныхъ обрядахъ якутовъ, это плѣнный шведскій офицеръ Филиппъ Іоганнъ Страленбергъ. Послѣ Полтавской битвы въ 1709 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими и отправленъ въ ссылку въ Тобольскъ. Тамъ онъ занялся изслѣдованіемъ быта сибирскихъ инородцевъ и плодомъ его долголѣтнихъ занятій было сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ: „Сѣверовосточная часть Европы и Азія“, изданное въ Стокгольмѣ 1730 г. [1]). Въ этомъ сочиненіи вкратцѣ описываются между прочимъ и

---

[1]) Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Von Philipp Johann v. Strahlenberg. Stockholm, 1730.

погребальные обряды якутовъ. На стр. 377—378 названнаго сочиненія описываются слѣдующіе погребальные обряды якутовъ. Покойника полагаютъ на срубахъ, называющихся теперь „арангас", и покрываютъ ихъ бычачьими или лошадиными шкурами; или зарываютъ ихъ въ землю. Иногда покойника оставляютъ въ той юртѣ, гдѣ онъ жилъ, а родные удаляются, взявъ съ собой изъ юрты лучшія вещи. Около Якутска и въ Якутскѣ покойника бросаютъ на улицѣ для съѣденія собакамъ. Страленбергъ при этомъ замѣчаетъ, что теперь, т. е. въ его время, уже больше не убиваютъ и не погребаютъ живыми слугъ и любовницъ князя, какъ было раньше до появленія русскихъ въ Сибири, т. е. до XVI вѣка.

Вторымъ по времени появленія нужно считать большое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ Карла Вильгельма Миллера, выходившее и на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе всѣхъ въ россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ, также ихъ житейскихъ обрядовъ, вѣры, обыкновеній, жилищъ, одеждъ и прочихъ достопамятностей. 1776 г." Описывая жизнь и нравы якутовъ, Миллеръ на 188 стр. II части своего сочиненія, говоря о нѣкоторыхъ погребальныхъ обрядахъ якутовъ, упоминаетъ о сожиганіи умершихъ, о сожженіи слугъ князя; упоминаетъ также о погребеніи на срубахъ, называемыхъ теперь у якутовъ „арангас".

Затѣмъ появляется обширное иллюстрированное сочиненіе Іоганна Готтлиба Георги, переведенное съ нѣмецкаго и вышедшее подъ такимъ-же, какъ и изданіе К. В. Миллера заглавіемъ: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. СПБ. 1799 г." На стр. 177—178 части II этого сочиненія Георги говоритъ: якуты прежде или сжигали своихъ покойниковъ, или клали ихъ на деревья, по кончинѣ господъ слуги ихъ добровольно бросались въ огонь, чтобы служить имъ и на томъ свѣтѣ; теперь (т. е. во времена Георги) якуты хоронятъ своихъ умершихъ въ лѣсахъ.

Въ 1885 г. появляется сочиненіе венгерскаго ученаго Германа Вамбери на нѣмецкомъ языкѣ: „Тюркскій народъ“, изданное въ Лейпцигѣ [1]). На 162 стр. своего обширнаго сочиненія Вамбери между прочимъ описываетъ слѣдующіе погребальные обряды якутовъ. Покойника хоронятъ въ день смерти. Въ могилу кладутъ нѣсколько перемѣнъ платья и убитую верховую лошадь въ полной сбруѣ. Въ могилу кладутъ пищу и напитки, предполагая, что все это понадобится въ загробной жизни. Надъ могилой ставятъ балки, на которыхъ развѣшиваютъ лошадиную шкуру съ головой лошади. Послѣ похоронъ трижды объѣзжаютъ могилу верхомъ на лошади. Ближайшіе родственники не приближаются къ могилѣ, но, держась въ нѣкоторомъ отдаленіи, издаютъ жалобныя вопли. Семейство оставляетъ юрту, гдѣ кто нибудь умеръ, потому что вмѣстѣ съ покойникомъ поселяются въ юртѣ злые духи, которыхъ могутъ умилостивить своими жертвами одни шаманы.

Въ 1891 году въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи“, XVII т. II вып. является статья М. С. Вруцевича: „Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области“. Авторъ названной статьи упоминаетъ между прочимъ о слѣдующихъ погребальныхъ обрядахъ якутовъ. Якуты вѣрятъ, что болѣзнь заѣдаетъ человѣка. Болѣзнь они представляютъ въ видѣ женщины. Во время эпидемій, уносящихъ въ могилу много людей, якуты дѣлаютъ для умилостивленія болѣзни ея статуетку въ видѣ женщины и ставятъ ее на телѣжку. Туда кладутъ оладьи и водки. Послѣ чьей нибудь смерти якуты пекутъ оладьи и ставятъ ихъ на столъ, вѣруя, что покойники невидимо ѣдятъ ихъ.

Въ томъ же 1891 г. въ журналѣ „Живая Старина“, III вып. перваго года помѣщена статья В. Л. Приклонскаго: „Три года въ Якутской области“. Въ этой статьѣ

---

[1]) Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert von Hermann Vámbéry. Leipzig, 1885.

на стр. 76—79 между прочимъ описываются слѣдующіе погребальные обряды якутовъ. Крещенаго якута хоронятъ по обрядамъ церкви, при участіи священника, если только послѣдній находится вблизи, но весьма часто хоронятъ умершаго безъ священника, который, проѣзжая потомъ по паствѣ, отпѣваетъ умершихъ на ихъ могилахъ. При отсутствіи священника якуты безпрепятственно выполняютъ всѣ свои похоронные старинные обычаи: не привыкнувъ даже къ обрядамъ церкви, они по неволѣ смѣшиваютъ незабытыя шаманскія повѣрья съ христіанскими обрядами. Г. Приклонскій упоминаетъ о трехъ формахъ погребенія: зарываніи въ землю, похоронахъ на срубахъ и оставленіи покойника на землѣ. Въ гробъ кладутъ съѣстные припасы и предметы необходимости. Авторъ статьи упоминаетъ о зарываніи живыхъ людей вмѣстѣ съ покойниками, какъ объ отдаленномъ преданіи старины. Далѣе г. Приклонскій говоритъ, что теперь начинаетъ выводиться обычай оставлять послѣ чьей либо смерти юрту. Послѣ похоронъ сани, на которыхъ привезли на кладбище покойника, лопата, которою рыли могилу, и колыбель похороненнаго ребенка домой не берутъ, а оставляютъ на могилѣ.

Въ томъ же 1891 г. въ нѣмецкомъ журналѣ „Глобусъ," Globus, LIX т., издающемся въ г. Брауншвейгѣ, помѣщена статья Фридриха Крауса: „Погребальные обычаи якутовъ;" къ статьѣ приложено 6 рисунковъ якутскихъ кладбищъ. Г. Краусъ на 81—85 стр. своей статьи замѣчаетъ, говоря о погребальныхъ обрядахъ якутовъ, что гробъ или закапывается въ землю, а сверху покрывается срубомъ, или ставится на столбахъ и что гробъ выдалбливается изъ колоды, или сколачивается изъ досокъ.

Въ 1892 г. въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ", X т., появляется статья подъ заглавіемъ: „Формы погребенія у народовъ Восточной Россіи и Сибири". Составлена эта статья въ отдѣлѣ объ якутахъ по очеркамъ Приклонскаго, помѣщеннымъ въ III томѣ „Живой Старины", по

статьѣ LIX т. „Глобуса“ и сочиненію Маака: „Вилюйскій Округъ“. [1]) Въ указанной статьѣ X тома „Извѣстій Общ. А. И. и Э.“ между прочимъ описываются слѣдующіе погребальные обряды якутовъ Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ. Покойника хоронятъ на другой день смерти и притомъ постороннія лица. Въ гробъ, кромѣ всѣхъ принадлежностей покойника, кладутъ еще что нибудь съѣдобное, напр., мясо, масло, оладьи и проч.. Существуютъ разные способы погребенія: или зарываютъ покойника въ землю, причемъ могила роется не глубже $1^1/_2$ ар., или кладутъ на деревьяхъ, на деревянныхъ козлахъ, или прямо на землю. Въ мѣстахъ сѣверныхъ трупъ кладутъ въ лодью и оставляютъ его на землѣ. На могилѣ оставляютъ въ изломанномъ видѣ орудія погребенія. Думая, что духъ покойника остается на землѣ среди живыхъ, якуты вырѣзываютъ изъ чего нибудь куклу, изображающую духъ покойника, и ставятъ ее гдѣ нибудь на углу за юртой; предъ ней кладутъ лучшіе кусочки пищи, а ротъ ея мажутъ масломъ. [2]) Для кладбищъ выбираютъ мѣста высокія, холмистыя. Надъ могилой дѣлается деревянный срубъ съ различными украшеніями и рѣзьбой. Юрту, гдѣ умеръ кто нибудь, родные покойника оставляютъ и переселяются въ другое мѣсто.

Наконецъ въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ за 1893 г., въ XI т., въ отдѣлѣ „Извѣстія иностранцевъ о народахъ восточной Россіи“, появляется переводъ вышеназваннаго сочиненія Страленберга.

Теперь перейду къ описанію тѣхъ погребальныхъ обрядовъ якутовъ, какіе существуютъ въ настоящее время въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области.

---

[1]) Къ сожалѣнію, подъ руками у меня не имѣется сочиненія Маака: «Вилюйскій Округъ», гдѣ много говорится объ якутахъ и ихъ погребальныхъ обрядахъ.

[2]) Класть при покойникѣ предметы домашняго обихода—общій обычай всѣхъ тюркскихъ народовъ. См. объ этомъ статью Н. Ѳ. Катанова: «Погребальные обряды тюркскихъ племенъ. Казань, 1894 г.»

Чувствуя приближеніе смерти, якутъ собираетъ около себя родныхъ и друзей и дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и распоряженія. Распоряженіе въ данномъ случаѣ нерѣдко касается погребенія,—гдѣ и въ чемъ его хоронить, какую убить скотину для тризны и т. д. Мѣстомъ погребенія служитъ кладбище при мѣстной церкви, если якутъ жилъ близко отъ нея, или если, будучи богатымъ, сдѣлалъ въ пользу ея какое-нибудь пожертвованіе. Чаще всего для погребенія указывается ближайшее къ селу кладбище, устраиваемое всегда на высокомъ холмистомъ мѣстѣ, близъ рѣчки, озера или долины, гдѣ погребены его предки. Иногда же указывается совершенно отдѣльная мѣстность, чѣмъ нибудь привлекшая вниманіе покойника. Затѣмъ умирающій выражаетъ желаніе въ рѣдкихъ случаяхъ, особенно вблизи русскихъ селъ, чтобы надъ нимъ читали псалтирь. Далѣе онъ указываетъ, какую скотину нужно убить для его тризны, по якутски называемой „хōйлуга“.

Какъ только больной испустилъ духъ, ближайшіе родные приступаютъ къ обмыванію его тѣла. Мужчину обмываетъ мужчина, женщину—женщина. Если у покойника или покойницы глаза открыты, то стараются чѣмъ нибудь сомкнуть ихъ, чаще всего мѣднымъ пятакомъ. Открытые глаза предвѣщаютъ несчастье дому покойника,—умретъ который нибудь изъ его родственниковъ. Если тѣло долго остается теплымъ и члены не коченѣютъ, то это тоже признакъ несчастья,—появится какой нибудь покойникъ въ этомъ домѣ, или въ домѣ ближайшихъ родственниковъ. Обмывши, надѣваютъ на покойника бѣлое чистое бѣлье, а сверхъ этого еще что нибудь, смотря по состоянію умершаго. На богача нерѣдко надѣваютъ что нибудь суконное, и даже иногда что нибудь на лисьемъ мѣху, на палецъ надѣвается золотой или серебряный перстень; на ноги—новые чулки и новые „торбаса“ (мокассины или ичиги), нерѣдко съ разными узорами. На покойницу надѣваютъ длинную бѣлую рубашку, а сверху ея пальто, смотря по состоянію умершей, богатое или

бѣдное, на ноги чулки и „торбаса“. Въ ушахъ у покойницы находятся серебряныя серьги, иногда затѣйливой работы и при томъ иногда довольно таки тяжеловѣсныя. На пальцахъ рукъ серебряные перстни и кольца, количество которыхъ зависитъ отъ состоянія умершей. Какъ только одѣнутъ покойника или покойницу, кладутъ ихъ на орон'ъ (нары около стѣнъ) около передняго угла подъ божницами. Затѣмъ въ ближайшихъ къ русскимъ селамъ мѣстахъ приглашается чтецъ, который читаетъ псалтирь до выноса тѣла изъ дому, иногда и сорокоустъ. Нерѣдко приглашеніемъ для чтенія псалтыри надъ покойниками пользуются безграмотные ссыльно-поселенцы, которые вмѣсто псалтыри бормочутъ что нибудь по русски, а не знающій русскаго языка якутъ остается этимъ доволенъ, не будучи однако въ состояніи различать, псалтирь ли читаетъ поселенецъ или сказку. Въ глухихъ мѣстахъ псалтыри не читаютъ.

Вскорѣ приглашаются мастера—плотники для дѣланія гроба и могильщики для рытья могилы. Эти работники на время поселяются въ домѣ покойника и питаются мясомъ убитаго для тризны (хōйлуга) животнаго. Для этого случая чаще всего убиваютъ лошадь, указанную умершимъ въ завѣщаніи или выбранную родственниками умершаго. Мясо этого животнаго кончаютъ ѣсть въ день погребенья, который случается зимой на четвертый, а лѣтомъ на третій и даже на другой день смерти. Кромѣ мяса участвующихъ въ похоронахъ угощаютъ оладьями, которыя занимаютъ не послѣднее мѣсто среди поминальныхъ блюдъ. Зимою могилу роютъ нѣсколько человѣкъ, потому что совершенно мерзлая и твердая земля туго поддается копанью. Для взрослаго человѣка глубина могилы дѣлается отъ 2 до 3 аршинъ, для дѣтей же глубина только до 1 аршина.

Какъ только гробъ готовъ, туда кладутъ немного стружекъ, а въ головахъ бѣлую подушку изъ стружекъ. Потомъ въ гробъ кладутъ покойника или покойницу и ставятъ гробъ на прежнемъ мѣстѣ, головой къ иконамъ. Выносятъ гробъ

на рукахъ ближайшіе родные и, если далеко до кладбища, то везутъ его на саняхъ; лѣтомъ, далеко ли близко ли безразлично, несутъ гробъ на рукахъ. Когда покойника несутъ на рукахъ, то по увѣренію якутовъ, смотря по тому расположенію, какое чувствовалъ въ живыхъ къ тому или другому изъ несущихъ лицъ, онъ дѣлается тяжелѣе или легче. Закадычнымъ друзьямъ покойникъ дѣлается такимъ легкимъ, что трудно и вообразить. Люди, выносившіе покойниковъ на рукахъ, дѣлаются сами тяжелѣе, кости у нихъ дѣлаются тяжелѣе, какъ выражаются якуты. Вывозятъ покойника изъ двора въ лѣвыя ворота, если двое воротъ. Гробъ спускаютъ на веревкахъ. Первую щепотку земли обыкновенно бросаетъ ближайшій родственникъ покойника или покойницы, а потомъ бросаютъ по щепоткѣ всѣ участвующіе въ похоронахъ. На похоронахъ присутствуютъ больше мужчины, рѣдко женщины. Сани, на которыхъ привезли покойника, и деревянную лопату для выгребанія земли изъ могилы бросаютъ на могилѣ. На обратномъ пути участвующіе не должны заходить въ чужіе дома, а то могутъ занести съ собой особую болѣзнь— „кирирга́н ыэльджар“ (болѣзнь отъ покойника). Эта болѣзнь, впрочемъ, можетъ приключиться и въ томъ случаѣ, если кто нибудь изъ постороннихъ лицъ побываетъ въ домѣ, гдѣ былъ покойникъ, и напасть эта выражается, главнымъ образомъ, въ усиленіи существующей у кого нибудь въ данный моментъ болѣзни, напр. болѣзни глазъ. Возвратившись съ похоронъ, всѣ участвующіе совершаютъ тризну по покойникѣ, истребляя не малое количество мяса, масла и главнымъ образомъ оладій.

Надъ могилой устраивается изъ дерева нѣчто въ родѣ памятника, иногда довольно затѣйливой работы. Въ послѣднее время около Якутска и въ другихъ городахъ Якутской области начинаютъ появляться памятники изъ плитняка. Для такого памятника надъ могилой устраиваютъ невысокій деревянный срубъ, на который кладется плитнякъ съ неизмѣнной надписью: „подъ симъ камнемъ покоится прахъ“ и т. д.

У надгробныхъ памятниковъ якутскихъ шамановъ (оюттар) устраиваются на особыхъ столбахъ изображенія нѣкоторыхъ вѣщихъ птицъ, особенно кукушекъ, служащихъ, по увѣренію якутовъ, посредниками между шаманомъ и чертями. Однако нужно сознаться, что такіе памятники шамановъ начинаютъ выходить изъ употребленія; если же они теперь и встрѣчаются, то главнымъ образомъ какъ остатки старины.

Что касается другихъ способовъ погребенія у якутовъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ вышеприведенныхъ авторовъ, то нужно замѣтить, что они вышли изъ употребленія, служа теперь частью остатками старины, частью предметами народныхъ преданій, а о другихъ даже въ преданіяхъ ничего не сохранилось, напр. о сожженіи труповъ. Теперь кое-гдѣ можно встрѣтить кладбища на деревьяхъ или срубахъ, называвшихся у якутовъ „арангас". Со словомъ арангасъ соединяется представленіе о чемъ то высокомъ, приподнятомъ. „Арангасъ бываетъ разныхъ видовъ. Прежде всего „арангасъ" устраивается такъ: берутся два вилообразныхъ дерева, срубаются ихъ верхушки и между вѣтвями оставляется выдолбленное дерево съ крышей, изображающее изъ себя гробъ. Другой видъ: выбираются четыре дерева, полагаются на нихъ параллельно двѣ толстыя жердинки, на которыя кладутся поперечины. На нихъ кладется гробъ, сколоченный изъ досокъ или сдѣланный изъ выдолбленнаго дерева. Третій видъ: на четырехъ столбахъ кладутся двѣ жердинки, на которыя стелются поперекъ нѣсколько мелкихъ, на нихъ то и кладется гробъ. Арангасъ, устроенный по третьему способу, употребляется и для домашняго обихода. На нихъ кладутся съѣстные припасы, удаляемые отъ собакъ и мышей. На такихъ арангасахъ, иначе называемыхъ кладями, земледѣльцами складывается хлѣбъ. Со словомъ „арангасъ" наконецъ соединяется понятіе о группѣ звѣздъ Большой Медвѣдицы, которая называется у якутовъ, „Арангас сулус". Слово „арангасъ" въ словарѣ О. Н. Бетлинга объясняется только съ послѣднимъ значеніемъ. По преданію, погребеннымъ на арангасахъ прежде въ гробъ клали раз-

ные съѣстные припасы и принадлежности домашняго обихода покойника, въ видѣ мяса, масла, ножа, огнива и т. д. Погребенные на арагасахъ высыхаютъ и обращаются иногда въ муміи. Разсказываютъ, что гдѣ-то въ Сунтарскомъ улусѣ Вилюйскаго округа есть цѣлое кладбище погребенныхъ такимъ образомъ. Они по открытіи оказывались засохшими и совершенно цѣлыми. Погребеніе ихъ, по разсказамъ стариковъ, относятъ за 100—120 л. тому назадъ.

Старинная форма погребенія у якутовъ во многомъ отличалась отъ нынѣшней, такъ прежде въ гробъ клали деревянную чашку съ масломъ, мясомъ и даже деньги. Разсказываютъ между прочимъ такой случай. Одну богатую женщину схоронили съ золотыми и серебряными перстнями и кольцами на пальцахъ. Одинъ воръ задумалъ воспользоваться этими сокровищами и разрылъ могилу. Когда онъ открылъ крышу гроба, то къ ужасу его погребенная оказалась живою. Когда же онъ хотѣлъ было бѣжать, то она ладонью правой руки ударила его по спинѣ. Затѣмъ сама явилась къ роднымъ. Родные приняли ее за призракъ и хотѣли убить ее. Тогда умершая въ удостовѣреніе того, что она не призракъ, сказала: „отыщите такого то и посмотрите на спинѣ его знакъ отъ моей руки“. Они повѣрили ей, осмотрѣли того вора, который разрылъ могилу и дѣйствительно нашли на ровдужномъ пальто отпечатокъ замасленной ея ладони. Оказывается, она была въ летаргическомъ снѣ и, когда проснулась, стала ѣсть масло, бывшее въ гробу. Нужно замѣтить, что якуты по невѣдѣнію хоронятъ иногда лицъ, находящихся въ летаргическомъ снѣ. Пробудившись отъ летаргическаго сна, якуты разсказываютъ часто всякую небылицу, въ родѣ того, что за это время они были въ раю и аду, видѣли то-то и то-то и т. д.

Въ древнія времена рядомъ съ хозяиномъ въ полномъ костюмѣ погребали и коня въ полной сбруѣ.

Свидѣтельство Страленберга, что якуты бросаютъ своихъ покойниковъ на съѣденіе собакамъ и что покидаютъ юрту вмѣстѣ съ человѣкомъ, который умеръ въ ней, не заслужи-

ваютъ вѣроятія, потому что оно не подтверждается ни показаніями другихъ путешественниковъ, ни народными преданіями. Можно думать, что Страленбергъ, сообщающій свѣдѣнія о восточно-сибирскихъ народахъ большею частью по разсказамъ другихъ, а не по личнымъ наблюденіямъ, примѣнилъ къ якутамъ камчадальскіе погребальные обряды (Ср. 136 стр. „Описаніе земли Камчатки, сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ. II томъ. СПБ. 1786 г.“).

О сожженіи труповъ князей и сожженіи съ ними ихъ слугъ и женъ и о томъ, что якуты, подобно урянхайцамъ Сѣверной Монголіи и монголамъ, оставляютъ покойниковъ на землѣ, мнѣ не приводилось ничего слышать. Во всякомъ случаѣ надо думать, что эти формы погребенія относятся къ далекой старинѣ, когда тюрки и монголы жили вмѣстѣ и вели одинаковый образъ жизни.

Что же касается вышеприведеннаго сообщенія В. Л. Приклонскаго, описывающаго погребальные обряды якутовъ Якутскаго округа, то оно вполнѣ согласуется съ дѣйствительностью и приложимо не только къ Якутскому округу, но и Вилюйскому.

Д. Кочневъ.

Хроника.

КЪ ВОПРОСУ О ТАМБОВСКИХЪ И КАЗАНСКИХЪ ТАТАРАХЪ.

Въ 3-мъ выпускѣ XII тома Извѣстій Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, вышедшемъ 1-го ноября сего 1894 года, въ отд. «Хроника» помѣщены статистическія данныя о татарахъ Тамбовской губерніи, извлеченныя изъ письма Епархіальнаго Преосвященнаго Александра. О тѣхъ же татарахъ авторъ рукописнаго (пока) «Сборника чувашскихъ пѣсенъ», чувашинъ И. Н. Юркинъ въ только что полученномъ нами письмѣ отъ него отъ 17-го ноября изъ села Кечушева, Ардатовскаго уѣзда Симбирской губерніи, гдѣ онъ служитъ акцизнымъ надсмотрщикомъ на мѣстной спичечной фабрикѣ, сообщаетъ намъ между прочимъ слѣдующее:

«..... Въ началѣ этого мѣсяца случайно я увидалъ татарина изъ Тамбовской губерніи Темниковскаго уѣзда деревни Метріялъ (?), по имени Хусаина, разговоръ котораго до того похожъ на (говоръ) нашихъ татаръ, что я даже удивился. Пріятный мягкій разговоръ его скорѣе напоминаетъ чувашское нарѣчіе. Между прочимъ при разговорѣ онъ употребилъ одно чувашское слово «а в а н» (что означаетъ у нихъ: хорошо), тогда какъ у татаръ хорошо говорятъ яхшы [1]). Понятно, я распрашивалъ у него о томъ, нѣтъ-ли около нихъ чувашъ. Онъ отозвался, что нѣтъ. Замѣчательно еще и то, что названіе ихъ деревни ясно показываетъ на чувашскія слова «Мьтри—йал», т. е. Дмитріева [2]) деревня. Спрашивается, не были-ли они когда-то чувашами. Жители Мьтри—йал теперь состоятъ преимущественно изъ татаръ Изъ его (Хусаина) словъ видно, что они сильно русѣютъ и что они будтобы

---

[1]) يخشى

[2]) Чувашское языческое имя: «Митри» есть въ нашемъ рукописномъ «Алфавитѣ языческихъ именъ чувашъ—мужскихъ и частію женскихъ», обнимающемъ свыше 10,000 именъ. В. М.

прежде принадлежали Касимовскому царству. Рѣку Оку называютъ «Ука». Много я съ нимъ толковалъ (по татарски?), но другихъ чувашскихъ словъ не слыхалъ. По всей вѣроятности здѣшніе татары (Казанск. и Касимовск. царствъ) есть отатарившіеся чуваши»....

Относительно нѣкоторыхъ татаръ, обитающихъ въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, и мы все болѣе и болѣе приходимъ къ убѣжденію, что они въ дѣйствительности—омагометанившіеся въ разное время (подъ вліяніемъ мишарей?) чуваши. На такое предположеніе насъ наводятъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

1. Московскіе писцы, какъ видно изъ нѣкоторыхъ печатныхъ и имѣющихся у насъ въ рукахъ старинныхъ рукописныхъ актовъ, челобитчиковъ чувашъ нерѣдко безсознательно переименовывали въ составляемыхъ ими актахъ въ татаръ и наоборотъ, а въ заключеніи указывали мѣстнымъ воеводамъ выдать просимые чувашами акты черемисамъ,—смотря потому, какая изъ инородческихъ народностей имъ безъ лишнихъ справокъ приходила на память въ этотъ или другой моментъ при составленіи акта; болѣе же имъ были памятны татары, имя которыхъ они чаще всего и выставляли въ актахъ [1]), при чемъ личныя историческія имена видоизмѣняли чуть не въ каждой строчкѣ.

2) Сообщеніями членовъ—сотрудниковъ Общества В. А. Казаринова и протоіерея Е. А. Малова о мишаряхъ, сдѣланными Обществу въ 1885-мъ году, непровержимо установлено, что русскіе до сихъ поръ неправильно называютъ татарами мишарей (иначе—мещера, мещеряки), которые сами себя обособляютъ отъ татаръ.

3) Елабужскіе черемисы Вятской губ. и до сихъ поръ называютъ мѣстныхъ татаръ по своему «с ю э с» (съ мягкими гласными), а горные черемисы Козмодемьянскаго уѣзда словомъ: «с у а с» (съ твердыми гласными),—полнѣе «с у а с л а̀ м а р а̀» называютъ чувашъ.

4) Тожество языческихъ именъ чувашъ со старо-татарскими доказываетъ и нижеслѣдующая чувашская пѣсня, сообщенная намъ И. Н. Юркинымъ:

По чувашски:	По русски:
Хусанъ хули ту синте,	К а з а н ь—городъ на горѣ,
Унън мьлки шур синте	А тѣнь ея на болотѣ.
Епиръ унта ьлькъ пурънни	Прежняя жизнь наша въ ней
Халь кильсе укет кус умне.	И теперь мерещится въ глазахъ [2]).

[1]) Тяжебные документы чувашъ Козмодемьянскаго уѣзда, XVI, XVII и XVIII столѣтій. Казань. 1893 г. (Оттискъ изъ Каз. губ. вѣд.)—Владѣнная выпись съ суднаго дѣла 1672—1674, данная чувашамъ деревень Бурундуковы и Чабыръ—Горы Симбирскаго уѣзда. Издана подъ ред. В. В. Майкова. Спб. 1894. (Изданіе Археограф. Коммиссіи).

[2]) Пѣсня эта напечатана въ «Запискахъ И. Р. Геогр. Общества, по отдѣленію этнографіи 1891 г., въ статьѣ В. И. Михайлова, т. XVII вып. II, стр. 119), но съ неточнымъ переводомъ; приведенный выше сдѣланъ И. Н. Юркинымъ.

5. Мы не сомнѣваемся, что чуваши въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, своихъ «мурзъ» [1]), «тархановъ» и «хозя (хузя)» [2]), поступившихъ, по взятіи Казани русскими, въ разрядахъ «служилыхъ татаръ [3]), часть коихъ впослѣдствіи превратилась въ русскихъ помѣщиковъ (Акчурины, Асановы князья. Лакреевы и т. д., часть, покинувъ жалованныя земли, бѣжала (въ Башкирію) и часть остается на старыхъ мѣстахъ съ прежнимъ своимъ званіемъ: мурза;— владѣли до Казанскаго взятья арабскимъ алфавитомъ, и учились татарской грамотѣ подобно тому, какъ послѣ Казанскаго взятья чуваши за долго до учрежденія среди нихъ русскихъ школъ учились грамотѣ самоучкой, какъ это было, напр., въ деревнѣ Шишламѣ, Чебоксарскаго уѣзда. Намъ думается, что сохраняющіеся среди сплошнаго населенія чувашъ и черемисъ въ Чебоксарскомъ, напр., уѣздѣ старинные могильные камни съ татарскими надписями принадлежатъ предкамъ чувашъ. Во всемъ этомъ насъ убѣждаетъ между прочимъ присутствіе въ языческихъ чувашскихъ молитвахъ арабскихъ словъ и выраженій, въ родѣ: «Е письмелле!... и наоборотъ, присутствіе элементовъ чувашской рѣчи въ татарскихъ могильныхъ надписяхъ, какъ это обнаружилъ покойный Н. И. Ильминскій въ одной могильной надписи въ Карабаянскомъ приходѣ Лаишевскаго уѣзда [4]), гдѣ прежнее время жили чуваши, нынѣ совершенно отатарившіеся [5]), а въ самомъ селѣ живутъ, оказывается, не татары, а мишари, въ числѣ 2-хъ семей переселившіеся изъ Чистопольскаго уѣзда, и носятъ фамилію Мещеряковы по своей національности

В. Магницкій.

Село Шуматово Ядр. у.
3 декабря 1894 г.

---

[1]) Въ 1647 году «чувашскіе мурзы», между прочимъ, жили и владѣли обширными помѣстьями въ предѣлахъ нынѣшняго Сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи. См. «Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи». Вып. 10-й, стр. 452.

[2]) О значеніи татарско-чувашскихъ словъ: козя, кузя; хозя, хузя; гозя, гузя—въ названіяхъ селеній и личныхъ именъ нами представлено въ Общество особое сообщеніе.

[3]) Имѣемъ рукописный документъ, изъ котораго видно, что въ Свіяжскѣ были служилые чуваши.

[4]) Татарскія надписи изъ временъ Казанскаго царства въ Лаишевскомъ уѣздѣ. Записки Археологическаго Общества 1851 г., т. III, стр. 114.

[5]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, съ краткимъ ихъ описаніемъ. Лаишевскій уѣздъ. Казань. 1893, стр. 101.

Матеріалы.

I. ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Особенности языка и правописанія грамотъ XVII вѣка. (по рукописнымъ матеріаламъ библіотеки Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ). [1])

Разбирая документы XVII-го в., изъ которыхъ извлечены опубликованныя мной раньше «имена и прозвища», я счелъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о языкѣ ихъ, объ особенностяхъ въ выраженіяхъ и формахъ словъ и о правописаніи.

Самое содержаніе и назначеніе этихъ документовъ заставляло писцовъ употреблять, конечно, тогдашній дѣловой, канцелярскій языкъ, чисто русскій, близкій къ разговорному. Но книжныя формы, остатки старины, нерѣдко попадаются, также какъ и особенности произношенія, объясняемыя мѣстными говорами.

Писцы XVII-го ст. не держались опредѣленныхъ правилъ въ употребленіи буквы *ѣ*, постоянно путая ее съ *е*. Замѣтно однакожъ, что большею частью они писали букву *ѣ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на нее падало удареніе: лѣто, дѣло, вѣдомо, Алексѣевичь, помѣщикъ, сѣно (и въ то же время: сенные покосы), рѣчька (и река), двѣ (и по-две). Такой пріемъ особенно замѣтенъ въ словахъ, гдѣ встрѣчаются обѣ буквы: двѣсте, вмѣсте, венѣцъ, передѣлъ (и одделено), велѣнье, въ селѣ, въ съѣзжей избѣ, въ уѣзде, третейская запись, желѣзной безмѣнъ. Вѣроятно, на томъ же основаніи писали: бобылѣй, Андрѣй, ис кѣльи, х кѣлье, за нѣю, еѣ (ея, ее) шѣстъ, вѣдръ, рублѣвъ. Постоянно писали: на Москвѣ, и такъ же постоянно к Москве.

Московское аканье встрѣчается въ оффиціальныхъ бумагахъ, но не часто: видно, что подьячіе, учившіеся по церковнымъ книгамъ, привыкали различать *о* и *а*. Попадаются слова: воевода, халопи, варона, сухадолъ, пасынакъ, начевать, и въ то же время: достольные, отласной, Суздоль, Хвастовъ и Хвостовъ, Агаревъ и Огоревъ. Буква *о* писалась почти постоянно въ словахъ: боранъ, борсукъ, рокита, козанъ, гогара, Овдотья, Оленка, Офимья, Ондрюшка, Онтонъ, Оверкей и т. п. Въ окончаніи уменьшительныхъ именъ попадается и *ка* и *ко*: Ивашка и Ивашко, Нехорошка и Нехорошко.—Въ

[1]) Статья эта доставлена въ Общество Н. М. Петровскимъ.

письмахъ и записяхъ частныхъ лицъ, мало привыкшихъ къ писанію (и, вѣроятно мало учившихся), буквы *о* и *а* постоянно путаются: генворя, сопожника, Тораско, Тиханъ, Валадимерскаго уѣзду, таваръ, списакъ слова въ слова и мн. др. Какъ обычно было въ то время подобное смѣшеніе, можно видѣть изъ изданныхъ писемъ царя Алексѣя Михаиловича, Петра Великаго, царицы Прасковьи и др.

Буквы *и* и *і*, а также *ф* и *ѳ* употреблялись безразлично: Іванъ, Иоаннъ, Русиі, Росиі, патриархъ, великие; ѳата, куѳтерь.

Ассимиляція звучныхъ и глухихъ согласныхъ—явленіе постоянное: *г*, *к* и *х*; *д* и *т*; *з* и *с*; *ж*, *ш* и *ч* замѣняютъ одна другую въ зависимости отъ послѣдующей буквы: г дикимъ, г бурмистру, г дяде, лотка, дватцать, тритцать, блиско, з деньгами, ис кѣльи, ис коробьи, ис посольскаго приказу, скаска, бумашка, врашкомъ, дорошка, оброшной, нихто, х кѣлье, х кутьѣ, х крестьяномъ, х чудотворцу, ношное время, лишныхъ и рушныхъ полотенецъ.

Сообразно съ народнымъ произношеніемъ, въ окончаніи прилагательныхъ, вмѣсто *ый*, писалось постоянно *ой*, а вмѣсто *ій* въ прилагательныхъ и существительныхъ ей: доброй, ввозной, розной, великой, третей, лисей, бѣлей, соболей, пѣшей, подьячей, Ортемей. Во множественномъ числѣ постоянно іе, ые: индѣйскіе курицы, браные скатерти, бортные угодьи.

Въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ чаще встрѣчается *ого*, нерѣдко *ово* и иногда *ова* и *аго*: великаго, бѣлого, дорогово, большова, Нижнево-Новгорода, Царева города Шанчурскаго (sic).

Нынѣшнее окончаніе творительнаго падежа существительныхъ и прилагательныхъ *ой* вмѣсто *ою*, вполнѣ господствующее въ нашей разговорной рѣчи, ни разу не встрѣтилось мнѣ въ документахъ XVII-го в.; постоянно писалось: съ осминою, доброю землею, крымскою дорогою, дорогою цѣною.

Въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ писалось *ти* и *ть* безразлично. Мѣстоименіе *ся* при глаголахъ переходило обыкновенно въ *ца* или *са*: поступилса, досталоса, роздѣлатца, лучатца.

Изъ знаковъ препинанія употреблялась только точка, и то не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ.

Касательно прописныхъ буквъ не наблюдалось, повидимому, никакихъ постоянныхъ правилъ: онѣ попадаются и въ простыхъ словахъ. Но слова Царь, Государь почти всегда писались прописной буквой и притомъ подъ титломъ.

Предлоги писались большею частью слитно съ словами: исприказу, кмоскве, зденьгами, вгороде.

Какъ особенность произношенія, можно указать въ словахъ: кнеиня, къ батюшку, у батюшка, топерво, маниньской, руковятка, ис коробьги, церковь Праековъгѣи Нареченные Пятницы, мнучата, мурамленой, лоушникъ, однотосу, двоетосу, деногъ, одновесолка, бечова, бочесникъ, горшесникъ, ковшесникъ, рожесникъ, пшенисной. Такія особнности, впрочемъ, весьма рѣдки, и могутъ быть объяснены мѣстнымъ говоромъ.

Къ остаткамъ старины принадлежатъ слѣдующія формулы канцелярскаго языка:

Въ поручныхъ, кабальныхъ, рядныхъ и купчихъ записяхъ употреблялось (даже въ первые года XVIII-го ст.) выражсніе «се язъ» или «се азъ». Напр.: се язъ Иванъ Ѳоминъ сынъ пушкарь судовой плотникъ прозвище Гробовщикъ», «се язъ Федосья Левонтьева дочь Ивановская жена Темновостарца», се язъ Улита Ермолаева дочь Васильевская жена Горячихъ-щей», «се язъ Матрена Федорова дочь Плохово Первово жена Гагарина», «се язъ Кузма Ларіоновъ сынъ, двадцати пяти лѣтъ, ростомъ средней человѣкъ, рожеемъ долголицъ, носъ вскоросъ» и проч. Даже встрѣчается: «се азъ балахонцы посадскіе люди», «се язъ темниковцы служилые татара».

Къ такимъ же остаткамъ старины относятся слова и выраженія: продали есмя, далъ есми сю запись, отпустили бы есте, послуси, умре, по сроцѣ, съ дву мельницъ, по имяномъ, балахонцомъ посадскимъ людемъ, въ рублѣхъ, во дворѣхъ, въ полкѣхъ, въ истокехъ, въ прошлыхъ годѣхъ, въ розныхъ мѣсяцехъ и числехъ, з бердыши и с топоры. ни которыми дѣлы, ся наша грамота, а ся запись и впредь въ запись и др.

Очень обыкновенны такого рода формы: та наша полдвора, другая пятнадцать, втретьи (въ третій разъ), направѣ, налѣвѣ, штинадцати лѣтъ, трехнадцати лѣтъ, по сороку по три рубли по девятинатцети алтынъ по полушесте деньге, домовь (домой), опроче (кромѣ), пріймышъ, пріимышъ, покамѣста, безпрестани, дворяня, крестьяня, татаровья, рука приложить, отдать ся грамотка въ Казанѣ, и въ тѣхъ деньгахъ взять росписка, велѣно ему поставити мельница, дѣтемъ моимъ душа моя грѣшная строить и поминать.

Къ числу постоянныхъ, установившихся обычаемъ формъ принадлежатъ выраженія, которыми начинаются письма:

«Господамъ Семену Ортемьевичу, Максиму Микифоровичу Дмитрей Волынской челомъ бьетъ»; «Господину Степану Богдановичу Данило Черницовъ челомъ бьетъ»; «Государю моему ко мнѣ пріятелю князю Петру Степановичу съ Москвы однородецъ вамъ царского величества стряпчей Ивашко князь Бакаевъ сынъ Ширинской челомъ бьетъ».

Къ числу такихъ же обычно повторяемыхъ формулъ принадлежатъ выраженія въ запродажныхъ записяхъ: ..... «не отъ неволи, ни съ правежу понадобилися намъ деньги, и мы продали» и т. д. А также перечисленіе угодій проданной земли: «.... продалъ есми вотчину свою и рыбные ловли, и бобровые гоны, и бортной ухожей, и сѣнные покосы, и всякіе угодья, съ истоки и съ озеры и съ западными озерки»..... «съ лучками и съ новолочкамм и з болотами и з заломами?..... Интересно подробное перечисленіе принадлежностей продажи въ запродажной записи князей Тенишевыхъ (7113 г.):»..... а продали есмя ту свою вотчину въ прокъ безъ выкупу, съ стоячимъ деревомъ и съ лежачею колодою и со пнемъ и здѣланнымъ и нездѣланнымъ деревьемъ и со пчелами и съ мѣченики и съ верхомѣты и съ лѣснымъ звѣремъ съ лосемъ и съ медвѣдемъ и съ волкомъ и съ лисицею и съ куницею и з бѣлкою и со всякимъ звѣремъ и съ рыбною ловлею и з бобровыми гонами и съ перевѣсьемъ и з дубровами и съ тальники и съ полянами и съ лугами и съ орловымъ и съ ястребцевымъ гнездомъ и съ сычикомъ и со всякимъ вотчиннымъ угодьемъ»...

Въ заключеніе привожу я небольшое собраніе словъ и выраженій взятыхъ изъ разсмотрѣнныхъ мною рукописей, словъ, которыя мнѣ показались заслуживающими вниманія: одни, какъ не встрѣчающіяся вовсе въ нашихъ словаряхъ, другія съ особымъ значеніемъ или въ особой формѣ, а иныя, какъ интересныя въ бытовомъ отношеніи.

Аглинской,—«половинка сукна аглинсково меньшіе земли».

Александрійской, александрѣйской,—«платокъ алекс. красной». «бумага алекс.»; «пестрядь алекс. красная».

Алляной, олляной, ольяной (льняной).

Бархатель,—«три остатка бархатели въ лоскутѣ».

Бисея см.: пищаль.

Богомъ даной,—«у Ларьки сынъ Богомъ даной Бориско».

Бутора,—«съ огородою и съ буторою (продано мѣсто).

Бухарскіе ковры, скатерти, камка.

Бѣлая земля,—«на бѣлой землѣ, а не на тяглой».

Бѣлильница,—„двѣ бѣлильницы серебряныхъ».

Варенокъ камень.

Венецейской см.: золото.

Верхомѣты,—«со пчелами и съ мѣченики и съ верхомѣты» (продана земля).

Вешница и полая вода.

Виниса,—«двенатцать бирюсъ да виниса»; «двадцать винисовъ на ниткахъ».

Вислой,—«замокъ вислой»; «вислая печать у грамоты».

Внакляпѣ,—«носъ не малъ внакляпѣ».

Вологодсково дѣла чарки винные (деревянныя).

Вскоросой носъ.

Вскорюковатой носъ; «носъ прямъ вскорюковатъ».

Всполохъ,—«кричали всполохъ»; «въ колоколъ били всполохъ».

Выдырченъ,—«кушакъ бѣлой полотняной по концамъ выдырченъ».

Вымолной,—«лавка вымолная на оба лица».

Вѣнецъ,—«въ рукавѣ у боярской боярыни былъ кокошникъ низаной да вѣнецъ низаной же».

Вѣрной, на вѣрѣ,—«вѣрные головы и цѣловальники»; «государевы кабаки на вѣрѣ».

Вѣстно,—«да вѣстно мнѣ учинилось».

Горносталей,—«шуба горносталья подъ тафтою вишневою».

Государевъ городовой желѣзной безмѣнъ; «государевы казенные терези»; государевы кабаки на вѣрѣ»; «государева таможенная сажень».

Двустанные рубахи женскіе алляные тонкіе.

Домовь (домой).

Дороги, дорогильной,—«дороги вишневые»; «дорогильные ризы»; «кушакъ дорог.»; «тѣлогрѣя дорог. красная»; «полукафтанье дорог, желтое»; «шапка дорог. желтая на бѣлкахъ»; «четверы дороги полосатые».

Дороговь хлѣбная.

Достаканъ,—«достаканы деревянные писаные».
Дущатой,—«шапка лисья дущатая вершекъ сѣрой сукно нѣмецкое».
Жаловальная грамота.
Животинной выгонъ.
Жуки,—«три ножа съ жуками мѣдными съ финифтью».
Завѣсная пищаль см.: пищаль.
Задворной,—«люди крѣпостные во дворѣ и задворные».
Заломы см.: наволочки.
Заметъ (ограда, заборъ).
Заоцкой (за Окой).
Западной,—«съ истоки и съ озеры и съ западными озерки».
Зарядъ,—«а учну язъ въ то помѣстье вступатца, и ему Маметю мурзѣ взяти на мнѣ по сей записи заряду сто рублевъ денегъ».
Засылка,—«сговариваетъ съ него (при пыткѣ) не по засылкѣ ли чьей и не по скупу ли чьему»; «а сговариваетъ онъ, напамятавъ Бога и смертной часъ, а не по засылкѣ и не по скупу».
Збруя,—«пограбили платья, ружья и всякой служилой збруи»; «ратные збруи».
Зендень, зенденинной,—«семь аршинъ зенлени красной»; «пятьдесятъ три аршина зенденей китайскихъ»; «фата подложена зенденью зеленою»; «азямъ зенденинной лазоревой».
Зепной мѣшечикъ (съ деньгами).
Знамя вѣнечное,—«собрано неокладные казны съ вѣнешныхъ знаменъ съ дватцати одного отрока да съ трехъ двоеженцевъ».
Золото,—«цѣвки золота веницейскаго»; «цѣвки золота турецкаго; «сусанное золото».
Зяблой годъ (морозный).
Икона на краскѣ, на краскахъ, на золотѣ, на рѣзи; «икона мѣрою осмилистовая на золотѣ»; штилистовая»: «пятилистовая на краскѣ»; «четвертная на краскѣ»; «меньши истилистовой»; „больши осмилистовой".
Индѣйскіе курицы.
„Казылбашское кружево шелковое цвѣтное".
Кармазинной,—«треухъ лисей хребтовой покрытъ сукномъ зеленымъ кармазиннымъ»; «три аршина камки бѣлой кармазину».
Кафимской,—«жемчужные зерна бурмитскіе и кафимскіе».
Кесья,—«на старинную кесью» (?).
«Китайская зендень; «китайская камка».
Колодка,—«полосмины ржи да колодка свѣчь».
Колокольница (колокольня).
Колькой,—«въ колькой день (въ который день) поспѣть мочно».
Конскіе книги,—«на тѣ лошади есть у него съ записныхъ конскихъ книгъ списки гдѣ они куплены».
Конюшно (конюшня).
Косякъ дровъ.

Кошевые сани.

Кошель,—„одѣяло овчинное съ кошлемъ опушка пестрядь русская полосатая".

Кривые сапоги см. сапоги.

Кружево—мишурное: «казылбашское шелковое цвѣтное»; «кушатчетое»; «кованое серебряное»: «треухъ куней верхъ камчатной лазоревой съ кружевомъ серебрянымъ».

Кружковой,—«поясъ шемахансково шолку крушковой нижегороцкой работы».

Крѣпь,—«Синбирской горолъ и иные городы и крѣпи по чертѣ построены».

Кунганы мѣдные чеканные и гладкіе.

Курпекъ, курпетчатой,—«шуба черная астраханская курпетчатая»; «шапка курпекъ обнизной жемчугомъ»; «шапка курпекъ астраханской вишневой»; «шапка курпекъ сукно сермяжное изсѣра бѣлое околышъ мерлушка красная калмыцкая».

Куфтерь,—«манатья камка лазоревая куфтерь»; «ряска камка зеленая куфтерь»; «два аршина камки червчатой куфтерю».

Кушатчетое см. кружево.

Лавданъ,—«кокошникъ жемчужной по лавдану».

Лая (брань),—«безчестили всякою неподобною лаею».

Лбастъ (съ большимъ лбомъ).

«Левикъ серебряной изъ ковша.

Левковровой,—«пять киндяковъ большой руки левковровы».

Липяги,—«съ липягами и съ полугами и съ пашнею»; «и съ дубровами и съ липягами и съ раменьемъ и съ лугомъ и съ полемъ»; «отъ тоя вершины прямо рѣдкоберезникомъ на черной померной липягъ».

Литовскіе попоны; «книга литовской печати».

Лощатой,—«двенатцать ковшей мѣдныхъ лосчатыхъ»; два ковша серебряныхъ: одинъ лощатой а другой гладкой».

Луданъ, луданной,—«кокошникъ луданной рудожелтъ шитъ золотомъ» «ряска камчатная луданная вишневая на лисьемъ мѣху»; «кафтанъ мѣхъ куней покрытъ камкою луданомъ зеленою съ пухомъ бобровымъ нашивка золотная съ кистьми».

Лохть (локоть),—«девять саженъ съ лохтемъ».

Лѣтоначатецъ—«до Семіонова дни лѣтоначатца».

Лятчина, лятчинной,—«столъ покрытъ лятчиною красною»; «полтретья аршина лятчины лазоревой»; «два мѣшка лятчинные синіе».

Масти конскія: «вгнѣдѣмухортъ»; «вкарѣ гонѣдъ», «вкарѣ мухортъ», «врыжѣ пѣгъ».

Медвеной,—«четыре чары медвеныхъ серебряныхъ».

Медвѣдня, медвѣдна,—«медвѣдня половая»; „двѣ медвѣдны черные".

Мортка,—платятъ тягла: съ мортки, съ трехъ мортокъ, съ полумортки, з деньги безъ мортки.

Муравзеленой бурметь.

Мычекъ,—„у правой руки у него мычекъ".

Мѣченики см.: верхомѣты.

Мятелъ вшиневой суконной.

Наволочки,—„съ лучками и съ наволочками и з болотами и з заломами“

Назоръ,—„я за тобой пошлю назоромъ смотрить и слушать“.

Накищеной,—„три ширинки накищены золотомъ“; „пять ширинокъ накищены шолкомъ з золотомъ“; „ширинка кисейная шита золотомъ и серебромъ накищена щолкомъ чорнымъ съ серебромъ“ „три ширинки тафтяные шиты золотомъ и серебромъ накищены золотомъ“.

Наковально (наковальня).

Налоги,—„и въ какихъ нашихъ налогахъ и въ обидѣ и въ ругательствѣ впредь будетъ на насъ отъ него, попа, челобитье“.

Напалья, напарья большая желѣзная (напалье, напарье).

Невѣрка,—„мнѣ на него невѣрка“ (подозрѣніе).

Недопесковой лоскутъ.

Нижегородской работы см.: кружковой.

Новинки (новыя мѣста),—„дворъ на посадѣ на новинкахъ“.

Нѣмецкіе—башмаки, шляпье; „сукно нѣмецкое“; „монастырекъ нѣмецкой“ (въ числѣ посуды); „зеркало нѣмецкое“; „нѣм. мурамленой кувшинъ“; „рукомойникъ нѣм.“; „нѣмецкіе мельницы“; „кафтанъ нѣмецкій безъ нашивокъ и безъ пуговицъ“.

Обнизной,—„треухъ обнизной соболей“; „пуговица обнизная“; „шапка курпекъ обнизной жемчугомъ“; „кафтанъ соболей пластинчетой обьяринной двѣ пуговицы обнизные“.

Обнищальные люди (бѣдняки).

Огачинной,—„лоскутъ лисей огачинной“; „шуба лисья огачинная“; „кошулка лисья огачинная“.

Огорелокъ, ожерелокъ, ожерелейцо,—„ожерелокъ бобровой“ „огорелки бобровые“; малое ожерелейцо жемчужное“.

Однорядочной,—„кафтанъ однорядошной суконной лазоревой“; „кафтанъ однор. цвѣтъ лимонной“; „однорядошная шапка“.

Олляной см.: алляной.

Опашневые пуговицы большіе серебряные золоченые.

Опашные весла.

Оплошка,—«и ты то дѣлаешь не гораздо: нашъ, великого Государя, указъ ставить себѣ въ оплошку».

Опоясной,—„пара пистолей опоясная съ поясомъ и нагамици“.

Осиновой,—„киндякъ осиновой“; „тафта осиновая“; „полукафтанье киндяшное осиновой цвѣтъ“; „шапка киндяшная осиновой цвѣтъ“.

Отроки см.: знамя.

Падучей,—„съ озеры и съ истоки и съ падучими рѣчками“.

Паликадило (паникадило).

Переводъ,—„безъ переводу „(непремѣнно, безъ уклоненія); „и стать имъ (воеводамъ) въ Кіевѣ іюня въ 1 число однолично безо всякаго переводу“.

Перевѣсье,—„съ рыбною ловлею и съ бобровыми гонами и съ перевѣсьемъ".
Передызбье,—„изба съ передызбьемъ".
Пестрядь: бѣлая, лазоревая, руская полосатая, александрійская красная.
Пищаль,—„чтобъ у тѣхъ людей было по пищали по завѣсной или по долгой по гладкой да по бердышу"; „пищаль турецкая"; „пищаль тройная желѣзная"; „пищаль мѣдная бисея на колесѣхъ".
Пищая изба (писчая).
Пластинчетой,—„кафтанъ соболей пластинчетой обьяринной двѣ пуговицы обнизные".
Платки: утиральные, шапошные, ручные; „платокъ олляной"; платокъ александрійской красной".
Племянство,—„свадьбы безъ вѣнечныхъ памятей и во племянствѣ не вѣнчать".
Подсадашной,—„ножъ большой подсадашной складной, ножны деревянные, черепъ костяной чорной".
Подвалье (подвалъ)
Подзатыльники, подубрусники,—„десять подубрусниковъ да восемь подзатыльниковъ стеганыхъ тафтяныхъ и камчатныхъ.
Подосни,—„телѣга съ подосни и со втулки желѣзными".
Поемъ,—„разбойники награбили въ два пойма" (дважды, въ два пріема).
Познаніе, знаки,—„а познаніемъ онъ знатно, что не русской породы"; „а по знакомъ онъ знатно, что не руской породы".
Покищеной см.: накищеной.
Покосая сажень; простая сажень; государевая таможенная сажень.
Полносъ,—„семь кафтановъ шубныхъ: одинъ новъ, а шесть вполносѣ".
Полóкъ,—прилавокъ для торговли; „два полка", „пять полковъ".
Полотенце,—„ворота объ одномъ полотенцѣ".
Полѣшей,—„съ полѣшими лѣсами".
Помры, пóмерной см.: липяги.
Поплашной сборъ.
Порядня варничная (приборъ, принадлежности).
Послуживецъ,—„се язъ Кирило Ивановъ сынъ прозвище Чертенковъ старинной послуживецъ Аталыка Матвѣевича Бѣликова".
Поступка (уступка земли, „поступился землей").
Похвальные слова,—„и онъ отъ тѣхъ ево похвальныхъ словъ сталъ быть опасенъ".
Приметка,—„чинить приметки и притѣсненія".
Приметной,—„ямскіе и приметные деньги".
Приправочные дозорные книги.
Приходная церковь (приходская).
Продажа,—„отъ воеводъ и подьячихъ чинятся харчи и убытки и продажи большіе"; „всякую продажу и насильство чинятъ"; „чтобъ намъ разоренымъ и испроданнымъ не быть".
Прость черемиская.
Противень,—„три сковородки, три таза, два противня.
Пуговицы, пухвицы.

Пупчатой,—„шуба соболья пупчатая, подъ камкою мелкотравчатою вишневою".

Пухъ (опушка),—„кафтанъ съ пухомъ бобровымъ"; „шуба ѣзжалая съ пухомъ и ожерелье бобровое" „треухъ верхъ шитъ золотомъ упушенъ бобромъ"; „треухъ отласной опушекъ пухомъ бобровымъ"; треухъ золотной съ пухомъ".

Пьющая изба, анбаръ пьющей (кабаки).

Пятерниковой,—„тритцать новинъ алляныхъ тонкихъ пятерниковыхъ".

Рожей,—„рожеемъ долголицъ"; „рожеемъ долголикъ"; „лицомъ бѣлъ широкорожъ".

Розвытка,—„дворъ оцѣненъ по порукѣ и по розвыткѣ".

Ролдужной (?) кожанецъ.

Ростегай,—„два ростегая крашенинныхъ: на одномъ кружево шелковое, на другомъ кружево цвѣтное.

Рѣзь,—„образъ на рѣзи".

Рѣпчатой,—„пять ложекъ рѣпчатыхъ, шестая каповая"; „десять ложекъ рѣпчатыхъ".

Саксонской кафтанъ суконной съ крючками, подъ нимъ мѣхъ овчинной.

Сапоги: сафьянные, телятинные; „черные кривые съ „подвязками"; „козловые черные"; „сапоги голунцу золотново".

Сговоръ, сговаривать,—„пытанъ просговоръ крестьянина"; съ „крестьянина сговорилъ, что клепалъ по недружбѣ. См.: засылка.

Сдѣлочные записи,—„крѣпки тѣ крестьяне по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и по здѣлочнымъ записямъ"; „здѣлочные записи и кабалы заемные".

Серги,—„лапчатые съ жемчугомъ"; „сергилапки"; „серги двойчатка"; «серги бечета съ зернами бурмитскими»; «серги червцы».

Середоликъ камень.

Сиверскіе двери (сѣверныя въ церкви).

Сивожелѣзъ (масть конская).

Скоромь, скоромъ,—«чтобъ онъ мяса и иного скорому не ѣлъ»; «иной скороми не ѣлъ».

Скотинной выпускъ,—«со скотиннымъ выпускомъ и съ рыбными ловли».

Скупъ см.: засылка.

Сличье,—«по сличью, одинъ человѣкъ знатно, что у нихъ, воровъ, атаманъ».

Слыхъ,—«слыхъ мнѣ есть».

Сорока,—«коробка съ рухлядью, а въ ней пятнатцать сорокъ золотомъ шиты»; «дватцать сорокъ шиты шолкомъ и съ тесьмами».

Сросла,—«лошадь въ лѣтахъ сросла», „лѣты сросла", „въ лѣты сросла", „кобыла савраса лѣтъ сросла".

Столпъ,—„въ помѣстномъ столпу прошлаго года написано".

Сукно аглинское, нѣмецкое, кармазинное зеленое, сермяжное, темномаковое, сусанное золото.

Сѣченъ,—„борода черна окладиста сѣчена".

Текучей звѣрь,—„продали вотчину со всякими угодьями и съ текучимъ звѣремъ".

Тёмномаковой,—„шапка вершекъ сукно темномаковое исподъ мерлушка астраханская припушена бобровымъ пухомъ.

Топоровая земля (?).

Торель—„двѣ торѣли оловянныхъ".

Троецкой,—„двѣ братины троецкивъ".

Турецкая пищаль витая, серебромъ насѣчена, бляхи серебряные, съ борошнемъ; „цѣвки золота турецкаго".

Тчанъ, тшанъ (чанъ).

Тяжеглавъ (главотяжъ).

Указной,—„серебряные часы указные".

Укладничей (кто дѣлаетъ укладъ, договоръ?).

Усольской ножикъ съ ножнами оправа мѣдная; „натруска съ порохомъ усольской работы съ финифтью".

Утеклецъ (бѣглецъ).

Ухожей, ухожье,—„бортной ухожей»; «бортные ухожье и всякіе угодьи"

Учобъ,—„взяти ему за тотъ свой шапашной учобъ (за наученье шапочному ремеслу) три рубли".

Харчи см: продажа.

Ходячіе деньги,—«занялъ денегъ московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи"; „40 рублевъ отборныхъ большихъ старыхъ копеекъ да 45 рублевъ ходячихъ".

Чейской (чей, чьего рода).

Чесноковикъ—„два чесноковика деревянные.

Четверушная комната (при кабакѣ).

Число,—„когда онъ будетъ на дорогѣ, и въ то число наѣхали на него воровскіе люди" (въ то время, въ тотъ часъ); „насъ учалъ въ то число ругать и безчестить".

Чѣпь, чепочка,—„держали на чепи въ желѣзахъ"; „чепочка золотая на ней крестъ золотъ".

Шандалъ, шанданъ.

Шапуръ, шапоръ (на будномъ стану)?

Шемаханской шолкъ см.: кружковой.

Шоголки (мачты, шесты для флаговъ).

Шуба: одѣвальная; ѣзжалая; „черная астраханская курпетчатая": „шубы крашенинные хододные"; „шубные кафтаны крыты крашенинами огорелки бобровые".

Щепетинной рядъ; щепетинникъ, щепетильникъ.

Щипецъ мѣдной (щипцы?).

Ѣзжалая шуба (женская) рукава широкіе, мѣхъ бѣлей хребтовой съ пухомъ и ожерелье бобровое, покрыта китайкою вишневою, пуговицы опашневые большіе серебряные золоченые".

Юфть (названіе вѣса: четь ржи, четь овса?).

А. Соколовъ.

II. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Тюркскія сказки о трехъ братьяхъ.

Приводимыя ниже 4 тюркскія сказки о 3 братьяхъ принадлежатъ: первая—адербейджанскимъ татарамъ, живущимъ въ Грузіи; вторая—туркамъ Балканскаго полуострова; третья—сагайскимъ татарамъ, живущимъ по среднему теченію Абакана въ Минусин. окр. Енис. губ., и четвертая—китайскимъ татарамъ, подвѣдомственнымъ Логученскому цзюнь-вану, т. е. князю II степени. Адербейджанская сказка записана по-русски членомъ—сотрудникомъ Общества Т. А. Иваницкимъ въ Грузіи, въ с. Кахи Закатальскаго округа, со словъ одной старухи, грузинки Ингилойки, прекрасно знающей грузинскій языкъ и адербейджанское нарѣчіе тюркскаго языка. Турецкая сказка переведена мною на русскій языкъ съ подлинника, написаннаго латинскими буквами венгерскимъ тюркологомъ Ignácz Kúnos (Игнатіемъ Куношемъ) и помѣщеннаго безъ перевода въ его сборникѣ «Oszmán—török népköltési gyüjtemény», I части (Budapest, 1887), подъ заглавіемъ «a gyémánt Anka madár és a kopaszfejü» (по переводу Н. И. Андерсона: «алмазная птица Анка и плѣшивый»). Сагайская сказка записана мною въ подлинникѣ русскими буквами 31 декабря 1889 года со словъ Сагайскаго татарина Апчая, сына Тюптишке (по-русски: Гавріила Леонтіевича), Тенестаева. Русскій переводъ этой сказки печатается теперь впервые. Наконецъ, логученская сказка записана мною въ подлинникѣ двумя транскрипціями, русской и арабской, 21 августа 1891 года въ китайскомъ городѣ Біяръ, называемомъ по-русски Чугучакъ и поманьчжурски Тарбагатай, со словъ логученскаго татарина Мюжюбъ-ахуна (см. объ немъ мою статью въ «Записк. Вост. Отд. Импер. Рус. Арх. Общ.» т. VIII, стр. 223). Въ русскомъ переводѣ она также появляется въ первый разъ. Всѣ эти сказки по содержанію почти совершенно сходны другъ съ другомъ и отчасти съ русскими сказками о 3 братьяхъ, изъ которыхъ младшій, считающійся дуракомъ, впослѣдствіи превосходитъ остальныхъ силою, умомъ, красотою и богатствомъ. Эти сказки имѣютъ самостоятельное происхожденіе и у русскихъ не заимствованы. Академикъ А Шифнеръ въ предисловіи къ I и II тому «Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme» В. В. Радлова говоритъ, что различныя татарскія народности заимствовали свои сказки у русскихъ, ибо въ пользу этого, по мнѣнію г. Шифнера, говорятъ русскія слова, встрѣчающіяся у татарскихъ племенъ въ сказкахъ и обыденной рѣчи. Вл. Стасовъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1868 годъ (т. I—IV) и за 1870 годъ (т. I) проводитъ параллель между русскими былинами и былинами другихъ восточныхъ народовъ, преимущественно тюркскихъ (по трудамъ Кастрена, Титова, Радлова), и этими сближеніями и сходствами русскихъ былинъ съ восточными доказываетъ, что русскія былины по большей части происходятъ съ востока. Однако академическій рецензентъ статьи Вл. Стасова «о происхожденіи русскихъ былинъ» говоритъ, что авторъ этой большой статьи провелъ прекрасную параллель между русскими и восточными былинами, но что восточное происхожденіе русскихъ былинъ всетаки остается недоказаннымъ. За восточное происхожденіе многихъ русскихъ былинъ стоитъ и русскій путешественникъ по Монголіи Г. Н. Потанинъ («Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи».

Вып. IV. Спб. 1883. Стр. 651), который думаетъ, что русскія былины могли быть заимствованы съ востока еще въ эпоху переселенія разныхъ племенъ: половцевъ, печенѣговъ, аваровъ, гунновъ и другихъ, двигавшихся въ Европу изъ Азіи. Каждое изъ приведенныхъ здѣсь мнѣній до извѣстной степени справедливо, потому что и у русскихъ, и у татарскихъ племенъ есть сказанія, заимствованныя у народовъ, съ которыми они соприкасались, но есть и такія сказанія, которыя ни у кого никогда не заимствовались, а произошли на мѣстѣ. Бываютъ у тѣхъ и другихъ, конечно, и такія сказанія, которыя имѣютъ самостоятельное происхожденіе, но которыя съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ измѣнились и утратили большею частью, или лишь немного, первоначальный характеръ. Предлагаемыя при семъ вниманію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 4 тюркскія сказки о 3 братьяхъ—царевичахъ и 3 братьяхъ—богатыряхъ сходны въ отдѣльныхъ чертахъ со сказками другихъ тюркскихъ племенъ: среднеазіятскихъ татаръ и киргизъ—казаковъ; напр. въ сказкахъ всѣхъ этихъ тюркскихъ племенъ добрымъ богатырямъ мѣшаютъ достичь цѣли: обжорливыя старухи въ родѣ русской бабы-яги, многоголовые и крылатые змѣи, драконы или чудовища, нечистые духи (девы, дивы) и пр., а помогаютъ разныя животныя въ родѣ коней, барсовъ, кошекъ и пр., и старшіе возрастомъ люди, напр. старшія сестры, старики и пр., только не старухи. Въ сказаніяхъ среднеазіятскихъ тюрковъ богатырей изъ затрудненія выводятъ обыкновенно: птица съ алмазною или жемчужною головою и такими-же крыльями и пророкъ Илья, называемый у среднеазіятскихъ татаръ Хизри и у киргизъ—казаковъ Кыдыръ. Обыкновенно младшему брату удается преодолѣть всѣ препятствія и достать въ концѣ концовъ какую-нибудь невиданную красавицу, не смотря на всѣ козни, которыя устраиваютъ ему другіе 2 брата.

Н. Катановъ.

---

1. Адербейджанская сказка о 3 братьяхъ—царевичахъ.

Жилъ одинъ царь. У него было три сына. Младшій изъ нихъ, владѣя необыкновенною красотою, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ въ высшей степени силенъ и храбръ.

Впереди своего дворца царь этотъ имѣлъ прекрасный садъ, въ которомъ росли многоразличныя фруктовыя деревья. Въ числѣ ихъ стояла одна замѣчательная яблоня. Она была замѣчательна тѣмъ, что только черезъ три года давала плоды, при этомъ всякій разъ—только по три яблока; каждый же плодъ былъ такъ громаденъ, что вѣсилъ болѣе сорока пудовъ. Однако, не смотря на то, что на этой яблонѣ много разъ уже бывали чудные плоды, царь и сыновья его пока не знали,—какого вкуса эти яблоки, ибо, какъ только послѣднія созрѣвали и дѣлались годными для вкушенія, ночью неизвѣстно откуда являлось какое-то чудовище и похищало ихъ.

Однажды, когда настало время созрѣванія чудныхъ яблокъ, царь призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и говоритъ имъ: «любезныя дѣти! я старъ. Не долго мнѣ еще жить. Смерти я не боюсь, но не хочу умереть такъ, чтобы не знать мнѣ вкуса чудныхъ плодовъ нашего сада. Идите и стерегите яблоню по очереди. Кто изъ васъ поймаетъ вора или убьетъ его, тому я отдамъ лучшую часть своего царства». Сыновья послушались отца и рѣшили защитить яблоню. Сначала отправился въ садъ на стражу старшій сынъ. Онъ взялъ стрѣлу и сѣлъ у ствола чуднаго дерева. Въ полночь вдругъ послышалось въ саду,—кто-то съ шумомъ и трескомъ идетъ по направленію къ яблонѣ. Дыбомъ стали волосы у царскаго сына отъ страха. Наконецъ, идущій для похищенія плодовъ показался. Это былъ девятиголовый великанъ (дѐви). Увидѣвъ чудовище, стража въ ужасѣ оставила яблоню и, какъ заяцъ, помчалась изъ сада домой. А великанъ подошелъ къ яблонѣ, сорвалъ съ нея одно яблоко и тотчасъ ушелъ назадъ. Когда-же настало утро, царевичъ явился къ отцу-государю и сказалъ ему, что похититель ихъ плодовъ — такое страшное чудовище, что онъ не могъ сопротивляться ему и выбѣжалъ изъ сада.

Въ другую ночь сталъ стеречь яблоню другой по старшинству сынъ царя. Онъ также сѣлъ у ствола чуднаго дерева, взявъ съ собою стрѣлу; но, когда увидѣлъ чудовище, тоже испугался его и скрылся. Великанъ сорвалъ еще одно яблоко и ушелъ.

Наконецъ, очередь дошла до младшаго царевича. Онъ взялъ стрѣлу и сѣлъ не у ствола яблони, какъ дѣлали старшіе его братья, а не подалеку отъ этого дерева, въ засадѣ. Около полуночи въ саду вдругъ опять поднялся шумъ и трескъ. «Это, навѣрно, чудовище!» подумалъ младшій царевичъ. Предположеніе его оправдалось. Сквозь деревья онъ замѣтилъ великана съ девятью головами, который быстро шелъ по направленію къ яблонѣ, испуская огненное пламя изъ своихъ ноздрей. Дыбомъ поднялись волосы и у этого царевича, когда увидалъ чудовище, но бѣжать отъ него онъ не думалъ совсѣмъ.—Какъ только великанъ подошелъ къ яблонѣ и поднялъ руки, чтобы сорвать съ нея и послѣдній плодъ, царевичъ пустилъ въ него стрѣлу изъ лука. Получивъ ударъ, чудовище ужасно заревѣло и обратилось въ бѣгство, успѣвши впрочемъ сорвать третье яблоко. Стрѣлокъ не сталъ ночью преслѣдовать опаснаго вора. Когда разсвѣтало, онъ сообщилъ обо всемъ отцу и въ удостовѣреніе того, что онъ ранилъ чудовища, показалъ родителю кровавый слѣдъ, оставленный великаномъ подъ чуднымъ деревомъ и за собою. Царь обрадовался было, что чудовище ранено, но, когда увидалъ, что имъ похищено и послѣднее яблоко, сильно опечалился. Въ то время, когда государь, нахмуривтись, стоялъ подъ яблоней, младшій сынъ его выступилъ изъ средины присутствующихъ въ саду сановниковъ и сказалъ старшимъ царевичамъ: «о братья! количество пролитой крови показываетъ, что чудовище тяжело ранено; вѣроятно, оно гдѣ-нибудь на пути истощилось кровью и померло. Пойдемъ, отыщемъ его. Если же великанъ не умеръ, то найдемъ его живаго. Кровавый слѣдъ, оставленный имъ за собою, приведетъ насъ къ жилищу вора, и тамъ убьемъ его!» Старшіе братья, думая, что съ раненнымъ

великаномъ легко будетъ состязаться, охотно согласились на приглашеніе младшаго. Государь-отецъ съ своей стороны тоже изъявилъ желаніе, чтобы сыновья преслѣдовали чудовище. Вотъ братья вооружились и, попрощавшись съ отцомъ, погнались за великаномъ по кровавымъ его слѣдамъ. Оружіемъ для нихъ служила стрѣла, но младшій царевичъ сверхъ этого имѣлъ съ собою еще желѣзную булаву. Долго шли братья-царевичи. Девять горъ и полей перешли они, но чудовища всеже не могли увидать. Наконецъ, у какихъ-то скалистыхъ горъ кровавый слѣдъ прекратился и путники остановились. Скалы были отвѣсны и такъ высоки, что вершины ихъ достигали до неба. По нѣкоторымъ слѣдамъ можно было заключить, что великанъ перебрался за эти утесы. Братья были озадачены и начали совѣщаться о томъ, какъ имъ подняться на отвѣсныя высоты. Тутъ вблизи утесовъ стояли деревья, которыя своими верхушками достигали вершинъ высотъ. Царевичи сдѣлали изъ этихъ высокихъ деревъ лѣстницу и приставили къ скалѣ. Но, открывъ себѣ путь чрезъ утесы, они стали разсуждать между собою, всѣмъ-ли перебраться имъ за скалу, или кому-либо одному изъ нихъ. «Всѣмъ итти туда опасно, сказалъ младшій братъ: за высотами навѣрно царство великановъ. Мы должны постараться, чтобы тамъ никто насъ не замѣтилъ; поэтому лучше одному изъ насъ перейдти въ страну великановъ, а остальнымъ дожидаться здѣсь, у лѣстницы. Кромѣ того, если мы всѣ вступимъ туда и всѣ трое погибнемъ, тогда кто-же вернется домой къ отцу-государю?» прибавилъ онъ. Этотъ совѣтъ понравился старшимъ царевичамъ. Рѣшено было одному изъ нихъ продолжать преслѣдованіе раненнаго чудовища, другимъ же дожидаться у скалы. Гнаться по слѣдамъ великана вызвался старшій братъ. Вотъ онъ поднялся уже на лѣстницу и идетъ по ней. Но, дошедши до средины лѣстницы, царевичъ посмотрѣлъ внизъ, на своихъ младшихъ братьевъ и ужаснулся: оказалось, что послѣдніе вслѣдствіе высоты разстоянія казались ему величиною съ маленькихъ птичекъ. Испугавшись пропасти, онъ тотчасъ оставилъ свое намѣреніе (преслѣдовать чудовище) и спустился обратно. Мѣсто его заступилъ второй по старшинству братъ. Этотъ царевичъ поднялся больше половины лѣстницы, но, когда и онъ оглянулся назадъ и увидалъ братьевъ, что они кажутся ему величиною съ мухъ, тоже испугался и спустился назадъ. Тогда младшій царевичъ сталъ предъ трусливыми старшими братьями и сказалъ имъ: «Я не оставлю великана, не отыскавши его. Ждите меня здѣсь около одного мѣсяца; если по прошествіи этого срока я не возвращусь, значитъ, я погибъ, и вы можете тогда уйти домой; до окончанія же мѣсячнаго срока вы не уходите отсюда: можетъ быть, Богъ дастъ—я возвращусь съ успѣхомъ!» Сказавъ это, младшій братъ попрощался со старшими и поднялся на лѣстницу. Шелъ, шелъ онъ по ней, и, наконецъ, взошелъ на вершину скалъ. Остановившись на высотахъ, царевичъ захотѣлъ взглянуть внизъ. Онъ былъ такъ высоко, что, когда посмотрѣлъ на братьевъ, то они совершенно были не замѣтны для него. Пропасть не устрашила младшаго брата. Онъ пошелъ дальше искать чудовище. Прошедши нѣсколько времени, путникъ замѣтилъ вдали селеніе. Такъ какъ вступить туда днемъ было опасно, то онъ дождался ночи. Въ полночь царевичъ подошелъ уже къ селу, но тутъ

на дорогѣ онъ примѣтилъ стражу, поэтому остановился и сталъ думать,— какъ пройти, чтобы его не замѣтили. Наконецъ, онъ удостовѣрился, что стерегущіе спятъ глубокимъ сномъ, и тогда онъ благополучно забрался въ селеніе. Идя по селу, царевичъ увидалъ вблизи дороги родникъ и тамъ остановился для ночлега. Когда разсвѣтало, вдругъ показалась дѣвица, идущая съ серебряннымъ сосудомъ къ роднику за водой. Она была очень красива, поэтому царевичъ заинтересовался ею. Съ своей стороны и дѣвица обратила на него все свое вниманіе и хотѣла поближе поглядѣть на красавца, сидѣвшаго у родника. Когда она набрала въ сосудъ воды, царскій сынъ сказалъ ей: «дай мнѣ попить воды»! Дѣвица съ радостью напоила его водой, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала: «Я очень жалѣю тебя! ты, какъ видно, чужестранецъ. Какимъ образомъ попалъ сюда? Здѣсь царствуетъ отецъ мой, трехголовый великанъ. Если онъ узнаетъ, что ты находишься недалеко отъ него, то непремѣнно съѣстъ тебя. Поэтому лучше бѣги поскорѣе отсюда и скройся!»—«Я хочу видѣть твоего отца, великана. Иди и скажи ему, что спрашиваютъ его; а если не скажешь, тогда я самъ пойду за тобою и явлюсь къ нему!» отвѣтилъ царевичъ. Дѣвица удивилась храбрости незнакомца. Она не хотѣла открыть отцу о нахожденіи его въ селѣ, но убоялась и утаить объ этомъ. Замокъ трехголоваго великана стоялъ вблизи родника. Занесши сосудъ съ водою въ комнату, дѣвица сказала отцу: «здѣсь у родника какой-то чужестранецъ спрашиваетъ тебя!»—«Кто это осмѣлился потревожить меня?» аакричалъ великанъ и выбѣжалъ изъ дома на дворъ. Въ это время царевичъ въ полномъ вооруженіи стоялъ уже у воротъ замка. Увидѣвъ великана, вышедшаго изъ дома, онъ зашелъ во дворъ и остановился. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда? драться что-ли хочешь со мною; вѣдь я съѣмъ тебя!» громогласно сказалъ великанъ незнакомцу.—«Я не пришелъ драться съ тобою, но, если ты желаешь состязаться со мною, то знай, что я тебя не боюсь и съѣсть меня тебѣ не позволю!» отвѣтилъ царевичъ.—«Какъ, ты еще надѣешься на себя?» закричалъ великанъ и бросился на пришельца. Страшная борьба завязалась между ними. Великанъ поднялъ царевича на воздухъ и хотѣлъ ударить его объ землю, но тотъ оказался такимъ ловкимъ и сильнымъ, что устоялъ на ногахъ; затѣмъ вырвался изъ рукъ чудовища и пустилъ въ него стрѣлу изъ лука. Получивъ рану, великанъ разсвирѣпѣлъ и опять напалъ на царевича: но послѣдній такъ сильно размахнулся булавой въ чудовище, что три головы разомъ слетѣли съ него. Убивъ врага, побѣдитель подошелъ къ красавицѣ, дочери чудовища, взялъ её за руку и сказалъ, что она будетъ увезена имъ домой. Затѣмъ, онъ открылъ ей свое происхожденіе, цѣль своего путешествія и проч. Красавица обрадовалась обѣщанію царевича. Она указала ему отцовское сокровище, гдѣ въ числѣ драгоцѣнностей нашлась золотая клѣтка, въ которой сидѣлъ пѣтухъ съ золотыми перьями. Послѣ осмотра сокровищницы великана царевичъ отправился далѣе искать девятиголоваго великана, сказавъ красавицѣ, чтобы она ждала его безотлучно въ продолженіе одного мѣсяца. Перешедши нѣсколько горъ и лѣсовъ, безстрашный путникъ опять увидалъ селеніе, въ которое зашелъ также ночью хитростью. И здѣсь онъ остановился на ночлегъ у родника. Рано утромъ и тутъ пришла

одна дѣвица за водой, но она красотою превосходила дочь трехголоваго великана, убитаго царскимъ сыномъ. Съ своей стороны царевичъ и её плѣнилъ своимъ прекраснымъ видомъ. Эта красавица такъ же, какъ и первая, начала высказывать свое сожалѣніе предъ нимъ. Она говорила ему: «отецъ мой шестиголовый великанъ. Во всемъ великанскомъ царствѣ онъ по могуществу занимаетъ второе мѣсто. Отъ страха передъ нимъ сюда ни одинъ чужеземецъ не осмѣливается заходить. Если ты хочешь спастись, встань и бѣги поскорѣе, а то онъ непремѣнно съѣстъ тебя!» Царевичъ не испугался и шестиголоваго великана. Онъ завязалъ борьбу и съ нимъ, но при этомъ чуть было не поплатился: шестиголовый великанъ схватилъ его и такъ ударилъ объ землю, что онъ до колѣнъ влѣзъ въ неё. Находясь въ опасности, царевичъ собралъ всѣ свои силы, выпрыгнулъ изъ земли и нанесъ врагу ударъ булавой; затѣмъ пустилъ въ него стрѣлу изъ лука и тотъ съ ужаснымъ ревомъ грохнулся объ землю. Послѣ этого побѣдитель завладѣлъ красавицей и сокровищемъ великана. Въ числѣ драгоцѣнностей шестиголоваго чудовища нашлась золотая клѣтка, въ которой былъ заключенъ павлинъ съ золотыми перьями. «Храни эту вещь въ цѣлости и жди меня около трехъ недѣль!» сказалъ царевичъ красавицѣ и отправился далѣе искать похитителя чудныхъ яблокъ. Прошедши незначительное пространство, онъ вдругъ опять увидѣлъ одно большое селеніе, посреди котораго стоялъ высокій замокъ. «Навѣрно тамъ живетъ девятиголовый великанъ, врагъ нашего сада», сказалъ про себя царевичъ. Когда совершенно стемнѣло, онъ опять хитростью забрался и въ это поселеніе. Вблизи замка тоже былъ родникъ, гдѣ путникъ нашъ и остановился отдыхать. Рано утромъ и къ этому роднику шла какая-то дѣвица за водой, одѣтая въ шелковое платье, вышитое золотыми позументами; для воды же она имѣла съ собою золотой сосудъ. Царевичъ былъ пораженъ ея красотою. Она превосходила обѣихъ красавицъ, видѣнныхъ имъ раньше въ великанскихъ замкахъ. Дѣвица также была очарована красотою незнакомца. Царевичъ такъ подѣйствовалъ на нее своимъ плѣнительнымъ видомъ, что она позабыла черпать воду изъ родника и все глядѣла на него. Когда же красавица опомнилась и почерпнула воду, царевичъ сказалъ ей: «дай мнѣ пить!» Она съ радостью отдала ему сосудъ съ водою, но при этомъ жалостно сказала: «какъ ты не боишься быть здѣсь? какимъ образомъ забрался сюда? Вонъ въ томъ замкѣ живетъ девятиголовый великанъ, отецъ мой. Онъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми великанами. Отъ страха передъ нимъ здѣсь не можетъ показаться не только человѣкъ, но даже и птица небесная. Иди поскорѣе и бѣги, а то сегодня-же будешь съѣденъ. Будь другой вмѣсто тебя, я бы открыла объ немъ отцу-великану, но тебя я жалѣю!»—«Я хочу видѣть отца твоего. Когда ты пойдешь, скажи ему, что его спрашиваютъ!» отвѣтилъ царевичъ.—«Нѣтъ, я боюсь тревожить отца: онъ недавно пришелъ раненный, и сердитый лежитъ въ постели!» сказала дѣвица и ушла. Услышавъ слова: «раненный пришелъ», царевичъ тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Онъ послѣдовалъ за красавицей и остановился у воротъ замка. Какъ только дѣвица вошла въ домъ и поставила сосудъ, великанъ громогласно закричалъ ей: «запахъ человѣка я чую, запахъ человѣка! о дочь, скажи, кто

осмѣлился придти сюда?» Дѣвица вышла на дворъ и, увидѣвъ царевича, стоявшаго у воротъ, махнула ему рукой, чтобы онъ убѣжалъ; но тотъ напротивъ зашелъ въ самый дворъ. Тогда дочь не могла уже скрыть чуднаго человѣка и объявила отцу: «здѣсь у воротъ какой-то человѣкъ спрашиваетъ тебя!» Узнавъ о приходѣ человѣка, чудовище вскочило съ ложа, выбѣжало на дворъ и бросилось на пришельца. Завязалась жестокая борьба. Девятиголовый великанъ схватилъ незваннаго гостя и такъ его ударилъ объ землю, что тотъ до пояса погрузился въ неё. Находясь въ крайней опасности, царевичъ моментально выпрыгнулъ изъ земли и нанесъ противнику ударъ булавой; затѣмъ отскочилъ отъ него на нѣкоторое разстояніе и пустилъ въ него изъ лука стрѣлу. Великанъ закружился и съ ужаснымъ ревомъ упалъ на землю навсегда. Послѣ этого побѣдитель-царевичъ вздохнулъ, наконецъ, свободно. Зашедши въ замокъ, онъ взялъ красавицу за руку и сказалъ ей: «теперь ты моя, а я твой!» Затѣмъ герой открылъ предъ ней свое происхожденіе, цѣль своего прибытія, разсказалъ ей о братьяхъ, ожидающихъ его на скалистой границѣ великанскаго царства, объ истребленіи имъ еще двухъ великановъ—трехголоваго и шестиголоваго, о дочеряхъ ихъ, прибавивъ тутъ, что тѣхъ дѣвицъ онъ желаетъ отдать въ невѣсты старшимъ братьямъ и что она будетъ принадлежать ему, и т. д. Красавица обрадовалась, что нашла такого красиваго и непобѣдимаго жениха. Когда она указала ему отцовскую сокровищницу, то въ ней найдены были чудныя яблоки. Онѣ лежали еще не тронутыми. Царевичъ былъ въ восторгѣ, что нашелъ ихъ: цѣль его труднаго похода, наконецъ, вполнѣ осуществилась. Изъ числа дорогихъ вещей девятиголоваго великана ему понравилась золотая клѣтка, въ которой сидѣлъ золотой соловей, удивлявшій слушателей восхитительнымъ пѣніемъ. По окончаніи осмотра великанскаго сокровища красавица показала царевичу собственныя вещи. Въ числѣ ихъ были ея золотые башмаки, разукрашенные разно, цвѣтными дорогими камнями. Эти башмаки царскій сынъ взялъ у нея и положилъ въ свою походную сумку, которая висѣла на немъ. Онъ сдѣлалъ это въ знакъ того, что дѣвица эта его невѣста. Такъ какъ до окончанія мѣсячнаго срока, даннаго младшимъ братомъ старшимъ, оставалось всего нѣсколько дней, то онъ, достигши своей цѣли, поторопился въ обратный путь къ братьямъ. Взявъ чудныя яблоки, красавицу—невѣсту, золотую клѣтку съ соловьемъ и другія драгоцѣнности, царевичъ возвратился въ замокъ убитаго имъ шестиголоваго великана. Отсюда онъ увезъ другую красавицу, клѣтку съ золотымъ павлиномъ и другія дорогія вещи и прибылъ къ дочери трехголоваго великана. Присоединивъ здѣсь къ своей добычѣ третью красавицу, клѣтку съ золотымъ пѣтухомъ и много золота и серебра, царевичъ, наконецъ, направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ дожидались братья. До окончанія мѣсяца не доставало всего трехъ дней. Царевичи думали, что младшій ихъ братъ погибъ въ странѣ великановъ, поэтому хотѣли было уйти домой, но рѣшили подождать и эти три дня, до конца мѣсяца. Вотъ и три дня проходило, а царевича не было видно. Братья встали и уже направились было въ обратный путь, какъ вдругъ увидѣли они, что со скалъ сыплется золото и серебро. «Братъ вернулся, братъ!» воскликнули царевичи. Они не обма-

нулись: младшій царевичъ дѣйствительно благополучно прибылъ къ утесамъ, и, чтобы дать объ этомъ знать братьямъ, онъ сталъ сыпать на нихъ золото и серебро. Вотъ и письмо упало отъ него внизъ. Братья подняли его прочли и все узнали. Теперь они начали уже поддерживать лѣстницу. Спуститься по ней всѣмъ вмѣстѣ было опасно, а потому путники рѣшили сойти поодиночкѣ. Сначала сошла дочь трехголоваго великана, предназначенная въ невѣсты старшему царевичу. За нею спустилась дочь шестиголоваго великана,— невѣста втораго брата. На вершинѣ скалъ остались только двое—герой-царевичъ и красавица, его невѣста. Они начали разсуждать между собою,—кому изъ нихъ раньше спуститься по лѣстницѣ. Царевичъ желаетъ, чтобы она прежде него пошла внизъ, а красавица--чтобы онъ сошелъ раньше. «Почему послѣ, а не прежде ты хочешь идти?» спросилъ женихъ невѣсту.—«Если я сойду прежде, то братья твои, послѣ того какъ я спущусь, сбросятъ лѣстницу со скалы и оставятъ тебя здѣсь. Это они сдѣлаютъ изъ-за зависти къ твоимъ подвигамъ А когда пойдутъ къ отцу со всѣмъ твоимъ достояніемъ, станутъ хвалиться предъ нимъ, что все это они пріобрѣли, а тебя будто убилъ великанъ!» отвѣтила красавица.—«Нѣтъ, братья мои не таковы. Они никогда не погубятъ меня!» сказалъ царевичъ и просилъ, чтобы она спустилась. Дѣлать было нечего. Невѣста повиновалась жениху, но какъ только она сошла съ лѣстницы на землю, братья дѣйствительно сбросили эту лѣстницу со скалы и оставили царевича на высотахъ, въ царствѣ великановъ. Послѣ этого они ушли назадъ домой, запретивъ красавицамъ разсказывать кому-либо объ ихъ поступкѣ съ младшимъ братомъ, во избѣжаніе смерти. Когда-же сыновья прибыли къ отцу-государю, они поднесли ему чудныя яблоки его сада, золотыя клѣтки съ златоперыми птицами, представили ему красавицъ и въ концѣ концовъ прибавили, что младшій его сынъ погибъ въ борьбѣ съ чудовищемъ, а все это пріобрѣли они сами. Царь обрадовался было при видѣ двухъ сыновей, возвратившихся съ опаснаго похода съ полнѣйшимъ успѣхомъ, но вѣсть о гибели любимаго младшаго сына поразила старца великою печалью. Обливаясь горькими слезами, онъ приказалъ наложить трауръ на дворецъ и на все свое царство въ продолженіе одного мѣсяца. По снятіи же мѣсячнаго траура съ царства ожидалась свадьба братьевъ-царевичей на красавицахъ. Дочь девятиголоваго великана скорбѣла о потерѣ жениха, младшаго царевича. Она не хотѣла быть женою старшаго царевича, хотя открыть объ этомъ не осмѣливалась.

Въ то время, когда государь со всѣмъ своимъ дворцомъ оплакивалъ смерть младшаго сына, а старшій царевичъ готовился жениться на невѣстѣ послѣдняго, младшій царевичъ, оставленный на вершинахъ скалъ, домогался какимъ-либо образомъ спуститься внизъ. Убитый горемъ, онъ пока зашелъ въ одинъ лѣсъ и началъ искать дикіе плоды, чтобы утолить свой голодъ. Бродя по тропиночкамъ лѣснымъ цѣлый день, царевичъ неожиданно замѣтилъ между деревьями хижину. Заглянувъ туда, видитъ онъ, сидитъ какая-то старуха и прядетъ шерсть. «Бабушка, накорми меня!» сказалъ ей царскій сынъ. Старуха въ испугѣ посмотрѣла на него и недоумѣвала: «откуда могъ попасть тутъ странникъ, да и то—чужеземецъ? и что это за дивный чело-

вѣкъ?» — «Садись впереди хаты, сударь, и, что есть у меня, то принесу тебѣ!» отвѣтила старуха и, вставъ, принесла неожиданному гостю кусокъ хлѣба. Когда царевичъ съѣлъ хлѣбца, онъ открылъ старухѣ свое несчастіе и сталъ жалостно просить: «бабушка! научи меня средству, какъ спуститься съ отвѣсныхъ скалъ внизъ?» — «Я такъ и подумала сынъ мой, что ты чужестранецъ, попавшійся въ царствѣ великановъ. Горе тебѣ! нѣтъ никакой дороги спуститься отсюда»; отвѣтила старуха. Услышавъ это, царевичъ глубоко вздохнулъ и поникъ головой. Тогда женщина обратилась къ нему и какъ бы не хотя промолвила: «впрочемъ, есть одна дорога, по которой можно спуститься со скалъ, но она такъ опасна и страшна, что лучше объ ней тебѣ неговорить!» — «Бабушка! ради Бога, открой мнѣ эту дорогу: все равно, я долженъ или умереть здѣсь, или спуститься внизъ!» отвѣтилъ царевичъ. — «Хорошо, скажу я тебѣ, но только послѣ не пеняй на меня!» сказала старуха. Затѣмъ, она вышла изъ хижины на дворъ и начала указывать царевичу: «вонъ, видишь длинное ущелье въ горахъ? Въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается это ущелье стоитъ величественный чинаръ, а на немъ гнѣздо какой-то громаднѣйшей хищной птицы. Эта птица ежегодно выводитъ птенцовъ, но, какъ только они подрастаютъ и пора имъ летѣть, является одинъ драконъ и пожираетъ ихъ. Если ты убьешь дракона, птица узнаетъ объ этомъ, то она, въ благодарность за избавленіе ея дѣтенышей отъ врага, чего ты ни попросишь у нея, все сдѣлаетъ. Вотъ единственное средство, которымъ можешь осуществить свое задушевное желаніе. Но знай, продолжала старуха, что отъ страха передъ той птицей и драконом даже великаны иногда бояться приблизиться къ чинару». Царевичъ поблагодарилъ старуху и задумчиво направился къ ущелью. Долго бродя по горамъ, онъ, наконецъ, увидалъ чинаръ съ гнѣздомъ. Приблизившись къ этому дереву, царевичъ скрылся между деревьями, при этомъ сталъ наблюдать за гнѣздомъ. Вдругъ онъ увидалъ дракона, который собирался подняться на чинаръ. Матери-птицы не было около гнѣзда. Драконъ приблизился къ птенцамъ, но не успѣлъ еще розинуть рта, чтобы проглотить кого либо изъ нихъ, какъ царевичъ пустилъ въ него стрѣлу. Ударъ былъ нанесенъ страшному животному въ голову и такъ сильно, что онъ съ ревомъ и трескомъ упалъ на землю. Когда стрѣлокъ убѣдился, что драконъ на вѣки растянулъ ноги, онъ отрѣзалъ отъ его трупа нѣсколько кусковъ мяса, полѣзъ на чинаръ и сталъ кормить ими птенцовъ. Въ это время большая птица возвращалась къ своему гнѣзду. Увидѣвъ издали человѣка у своихъ птенцовъ, она съ быстротою молніи устремилась на него, чтобы разстерзать его. Но, какъ только приблизилась къ чинару, птенцы начали кричать: «маменька, маменька! не тронь этого человѣка: онъ убилъ нашего врага—дракона, который сейчасъ хотѣлъ насъ съѣсть!» Услышавъ эти слова, мать-птица вмигъ остановилась; затѣмъ, когда удостовѣрилась въ убіеніи дракона, она поклонилась своему благодѣтелю-человѣку и сказала ему: «возложи на меня какую хочешь обязанность—и я исполню тебѣ! — «Возьми и низведи меня съ отвѣсныхъ скалъ, изъ царства великанскаго; больше ничего отъ тебя я не желаю!» сказалъ царевичъ. — «Хорошо! ступай, принеси три корыта печенаго хлѣба и три бурдюка воды и завтра рано утромъ приходи сюда!»

отвѣтила птица. Царевичъ тотчасъ возвратился въ хижину старухи. Онъ отдалъ этой женщинѣ нѣсколько кусковъ золота, и она испекла ему три корыта хлѣба и принесла три бурдюка воды. Къ разсвѣту царевичъ былъ у птицы съ хлѣбомъ и водою. Птица, увидѣвъ благодѣтеля, пришедшаго къ ней, сѣла на землю, распростерла крылья свои и сказала: «сударь! на одно мое крыло положи хлѣбы, а на другое—бурдюки съ водою, самъ же садись на мою спину и крѣпко обхвати своими руками мою шею!» Когда все это было исполнено царевичемъ, птица поднялась на воздухъ и, летя по небосклону, прибыла къ отвѣснымъ скаламъ, на границу великанскаго царства. Тутъ, на вершинѣ утесовъ, она опять сѣла и сказала сидѣвшему на ея спинѣ человѣку: «держись покрѣпче: мы уже стоимъ на скалахъ и должны летѣть внизъ. На воздушномъ пути, когда я скажу тебѣ,—«дай мнѣ ѣсть!—ты возьми одно корыто хлѣба и брось передо мною. Также поступи съ бурдюками, когда потребую: дай мнѣ пить воды!» Послѣ этого птица полетѣла съ вершинъ скалъ внизъ. Долго она летѣла—летѣла и вдругъ закричала: «дай ѣсть!» и царевичъ отдалъ ей одно корыто хлѣба.—«Дай пить!» сказала птица и получила бурдюкъ воды. Скалистыя горы были такъ высоки, что птица во время своего полета сверху внизъ три раза просила дать ей ѣсть и пить, и каждый разъ получала по одному корыту хлѣба и бурдюку воды. Вотъ небесные путники стали приближаться уже къ землѣ. Въ это время птица въ четвертый разъ закричала: «дай мнѣ ѣсть!» Царевичъ ничего больше не имѣлъ, что ей отдать; но изъ-за любви къ ней за помощь, которую она оказала ему, онъ отрѣзалъ на своей ногѣ икру и бросилъ ее передъ нею. Та словила мясо и съѣла, однако-жъ тотчасъ угадала, что благодѣтель накормилъ ее собственнымъ мясомъ. Наконецъ, птица окончила воздушное путешествіе съ царевичемъ и сѣла на землю. «Вотъ низвела я тебя внизъ. Теперь иди своей дорогой!» сказала птица своему благодѣтелю. Но послѣдній, стѣсняясь птицы, что онъ вслѣдствіе раны на ногѣ будетъ хромать, не двигался съ мѣста. Царевичъ возразилъ ей: «полети сначала ты, а я послѣ пойду!»—«Нѣтъ, если ты уважаешь меня, сначала самъ ступай!» отвѣтила птица. Онъ всталъ и пошелъ, но началъ хромать. Тогда птица опередила путника и сказала ему: «за то, что ты не пожалѣлъ ради меня своего тѣла, накормивъ меня икрою собственной ноги, я должна оказать тебѣ великое благодѣяніе!» Она достала изо рта своего кусочекъ оставшагося мяса ноги царевича, помазала имъ его рану и тотчасъ исцѣлила ее совершенно; затѣмъ вынула изъ своего крыла одно перо и, отдавши его путнику, сказала: «возьми это перо съ собою. Если гдѣ-нибудь на дорогѣ будетъ угрожать тебѣ какая-либо опасность, то потри перомъ этимъ любую вещь, и я во мгновеніе ока прилечу къ тебѣ и избавлю тебя отъ грозящей гибели». Послѣ этого птица простилась со своимъ благодѣтелемъ и улетѣла къ своимъ птенцамъ. «Прощай, прощай!» воскликнулъ ей царевичъ и отправился своей дорогой. Прошедши половину пути отъ границы великанской земли до родной страны, онъ близь лѣсистыхъ горъ увидѣлъ ручей и тамъ остановился ночевать. Солнце было уже на закатѣ. Выпивъ воды изъ ручья и немножко отдохнувъ, путникъ подумалъ: «можетъ быть, ночью, когда я буду спать, придутъ къ ручью на водопой какіе-нибудь

звѣри и великаны и нападутъ на меня!»—чтобы обезопасить себя, онъ счелъ лучшимъ переночевать на деревѣ. Путникъ дѣйствительно всталъ и направился къ одному дубу, стоявшему вблизи него; но онъ не приготовился еще залѣзть туда, какъ вдругъ неподалеку отъ себя примѣтилъ множество барсовъ, которые со сверкающими глазами и разинутыми ртами бѣжали прямо на него. Царевичъ моментально очутился на верхушкѣ дуба; но къ несчастію, когда онъ подымался на дерево, оторвался отъ него лукъ и выпала изъ руки булава. Барсы, приблизившись къ дубу, остановились. Не видя больше человѣка, на землѣ звѣри начали нюхать оружье, лежащее у корня дерева, а затѣмъ подошли къ ручью и стали пить воду. Напившись воды, барсы тотчасъ возвратились къ дубу и легли возлѣ него въ ожиданіи хозяина оружія. Скоро настала ночь, и луна взошла. Царевичъ съ вершины дерева ясно различалъ предметы, находящіеся внизу, вокругъ дуба и ручья. Барсы не двигались съ мѣста; оружіе лежало подъ дубомъ неподвижно. Путникъ нашъ не зналъ, что ему дѣлать. А между тѣмъ, ночь уже склонялась къ разсвѣту и нужно было отправиться въ дорогу. Вотъ, звѣзды совершенно скрылись на небесклонѣ, а барсы все еще не оставляютъ дуба. Двигаться путнику съ мѣста было крайне опасно. Вдругъ еще другая настала опасность для него и уже приблизилась: съ вершины дерева царевичъ увидѣлъ трехъ великановъ на разстояніе полета стрѣлы. Великаны шли прямо къ дубу: видно было,—они замѣтили на деревѣ маленькаго человѣка и подходили къ нему, чтобы съѣсть его. Обреченный на гибель, царевичъ произнесъ про себя: «Боже, что мнѣ дѣлать!» Какъ только онъ промолвилъ эти слова, тотчасъ припомнилъ перо, полученное имъ отъ большой птицы на случай опасности въ дорогѣ. Онъ моментально досталъ его изъ сумки и началъ тереть имъ вѣтвь дерева. Птица вмигъ появилась на дубѣ, около своего благодѣтеля. Увидѣвъ барсовъ и идущихъ великановъ, она удостовѣрилась, что дѣйствительно царевичъ не могъ миновать гибели и не даромъ онъ потребовалъ ее. «Садись на меня и полетимъ!» сказала ему птица.—«Я лишился оружья; оно лежитъ у ствола дуба»; тихонько отвѣтилъ ей царскій сынъ. Птица слетѣла съ дерева внизъ, подняла когтями лукъ и булаву и принесла ихъ къ нему. Царевичъ обрадовался и ободрился, когда получилъ свое оружіе. Послѣ этого птица посадила его на свою спину и, узнавъ отъ него дорогу, полетѣла впередъ. Она прошла громадное разстояніе отъ великановъ и барсовъ и тамъ сѣла на землю. Тутъ путникъ оставилъ птицу и отправился своей дорогой пѣшкомъ, славя и благодаря творца вселенной. На другой день царевичъ прибылъ въ родной городъ. Онъ не пошелъ прямо во дворецъ къ отцу-государю, а остановился пока у одного придворнаго сапожника. У этого человѣка герой-путникъ узналъ все, что ему теперь нужно было,—о приходѣ старшихъ братьевъ со всею его добычею, о наложеніи государемъ на дворецъ и на все царство мѣсячнаго траура по случаю гибели младшаго сына, о намѣреніи старшаго царевича жениться на красавицѣ, дочери девятиголоваго великана и,—что свадьба будетъ во дворцѣ черезъ три дня, и т. д. Освѣдомившись обо всемъ, царевичъ всталъ и хотѣлъ отправиться къ отцу-царю; но въ это время къ придворному сапожнику пришелъ царскій чиновникъ и приказалъ ему, чтобы баш-

маки для невѣстъ царевичей завтра были готовы. Услышавъ это, сынъ царя досталъ изъ своей сумки золотые башмаки, отдалъ ихъ чиновнику и сказалъ: «возьми эти башмаки и отнеси невѣстѣ старшаго царевича: они какъ разъ для нея заготовлены. Чиновникъ такъ и сдѣлалъ. Онъ отдалъ золотые башмаки дочери девятиголоваго великана. Какъ только красавица увидѣла ихъ, тотчасъ узнала, что это ея собственность, данная ею своему прежнему жениху на храненіе еще въ замкѣ отца своего. Она, никому не открывая объ этомъ, приказала чиновнику привести къ ней того человѣка, отъ кого получилъ онъ эти башмаки. Чиновникъ пошелъ за нимъ; но въ это время царевичъ-путникъ самъ явился во дворецъ. Визири и другіе сановники узнали царскаго сына, поэтому въ туже минуту позволили ему войти къ государю. Всѣ ожидали, что во дворцѣ произойдетъ что-то небывалое. Когда царевичъ вступилъ въ покои своего отца, его увидѣла красавица-невѣста. Она упала въ обморокъ. Произошла суматоха. Явились придворные врачи. Дѣвица очнулась. Вставши на ноги, невѣста бросилась на шею пришедшаго своего жениха. Прибыли царь и царица—отецъ и мать. Неожиданно увидѣвъ своего потеряннаго сына, и они бросились къ нему на шею и облили его слезами радости. Старшихъ царевичей не было дома: они были на охотѣ за оленями. Когда всѣ успокоились, царевичъ разсказалъ отцу и матери всю свою исторію со дня своей отлучки изъ дома до обратнаго прибытія. Съ своей стороны царь и царица тоже передали сыну все то, что случилось во дворцѣ и царствѣ во время его отсутствія. За безчеловѣчный поступокъ съ братомъ младшимъ сыномъ, государь хотѣлъ наказать старшихъ царевичей позорною казнью; но младшій царевичъ припалъ къ ногамъ его и сталъ умолять, чтобы онъ облегчилъ имъ судьбу. Отецъ принялъ предстательство сына за братьевъ. Онъ наказалъ сыновей только тѣмъ, что лишилъ ихъ наслѣдственнаго права на царскій престолъ и сослалъ въ далекій уголъ своего государства. Тамъ они получили незначительное помѣстіе и стали жить отдѣльно отъ отцовской семьи. Послѣ того какъ старшіе братья были удалены изъ дворца, младшій царевичъ пожелалъ вѣнчаться на своей невѣстѣ, дочери девятиголоваго великана. Но до своего бракосочетанія съ нею онъ испросилъ у отца своего для братьевъ еще другую милость. Именно, имъ позволено было жениться на другихъ великанскихъ красавицахъ,—старшему брату—на дочери трехголоваго великана, а второму—на дочери шестиголоваго. Наконецъ, царевичъ вѣнчался на своей невѣстѣ-красавицѣ. Во дворцѣ устроили самую веселую и пышную свадьбу. На пиръ были приглашены и богатые и бѣдные со всѣхъ концовъ міра. Всѣ гости были угощены самыми лучшими яствами и напитками. По окончаніи пиршества всѣ приглашенные на свадьбу возвратились домой съ подарками.

На этой свадьбѣ былъ и я, а въ подарокъ получилъ два чудныхъ яблока. Одно изъ нихъ взялъ для себя, другое же оставилъ читателю.

Тарасій Иваницкій.

2. Турецкая сказка о 3 братьяхъ—царевичахъ.

Въ древнее время былъ одинъ царь, у него было три сына. У этого царя былъ одинъ прекрасный садъ; въ немъ были всякихъ сортовъ плоды, цвѣты и растенія; это былъ прекрасный отмѣнный садъ. Только въ этотъ садъ повадился ходить одинъ демонъ (девъ)[1] Всякій годъ, какъ только созрѣвали плоды, онъ являлся и сколько-бы ни было деревьевъ, онъ съѣдалъ ихъ плоды и уходилъ. Изъ-за этого демона никто не могъ входить въ садъ; царь, сильно опечаленный этимъ, даже заболѣлъ однажды. Пришелъ къ отцу старшій сынъ и говоритъ ему: «душа моя, о чемъ ты печалишься? изъ-за чего ты заболѣлъ? скажи, посмотримъ, быть можетъ найдемъ для твоей печали какое-нибудь исцѣленіе»! Отецъ отвѣчалъ: »душа моя сынокъ, развѣ ты не видишь: въ этотъ самый нашъ садъ повадился ходить демонъ, вотъ изъ-за чего я печалюсь»! Сынъ сказалъ: «папа, дай ты мнѣ одну стрѣлу и одинъ лукъ,—я убью его»! Когда отецъ сказалъ: «успокойся, сынъ мой, берегись,—отъ него тебѣ приключится какая-нибудь напасть!», сынъ не медля ни минуты произноситъ: «что будетъ, то будетъ, а я убью его»! Отецъ даетъ своему сыну одну стрѣлу, сынъ беретъ ее, и идетъ прямо въ садъ и прячется за одно дерево. Спустя нѣкоторое время съ противоположной стороны въ садъ входитъ демонъ, изрыгая изо рта огонь. Огонь демона слегка коснулся царевича, и царевичъ, говоря: «о Господи, я горю, горю!» свалился съ ногъ и упалъ въ обморокъ. Взяли его и унесли. Средній братъ идетъ къ своему отцу и говоритъ: «папа, о чемъ ты горюешь? отчего ты захворалъ»? Отецъ сказалъ черезъ нѣсколько времени: «я сказалъ о своемъ горѣ старшему твоему брату, чего-же онъ добился? и чего ты добьешься»? Сынъ опять ласкается и пристаетъ, говоря: «дорогой папа, и мнѣ скажи, можетъ быть, я найду средство для твоего горя»! Отецъ отвѣчалъ: «душа моя, сынокъ, моя болѣзнь происходитъ изъ-за этого демона, приходящаго въ садъ»! Сынъ сказалъ: «папа, я убью его»! Отецъ замѣтилъ ему: «сынъ мой, тебѣ не убить его,—напротивъ къ тебѣ отъ него придетъ какая-нибудь непріятность, подожди-ка немного»! Сынъ сказалъ опять: «и я разъ схожу и сражусь, чтобы убить его! дай ты мнѣ одну стрѣлу»! Отецъ видитъ, что нѣтъ исхода, и, говоря: «ладно, ступай, и ты иди и помѣряйся силами!», даетъ ему одну стрѣлу. Юноша идетъ и прячется въ саду подъ однимъ деревомъ. Немного спустя опять въ садъ входитъ, изрыгая огонь демонъ. Огонь его касается юноши, и этотъ, крича: «бѣда, бѣда, горю!» свалился и палъ въ обморокъ. И его взяли и унесли.

На другой день идетъ младшій братъ и онъ спрашиваетъ отца о его болѣзни. Отецъ гонитъ его, говоря: «и ты пришелъ ко мнѣ, какъ будто можешь что нибудь-сдѣлать»! Юноша сказалъ: «о папа, для твоего горя они не могли найти никакого исцѣленія, но я найду»! Говоря это, онъ ласкается и пристаетъ (къ своему отцу). Отецъ и ему сообщаетъ о демонѣ такъ же,

---

[1]) ديو (перс.)—демонъ, нечистый духъ.

какъ говорилъ тѣмъ (братьямъ). И онъ, попросивъ стрѣлу, сказалъ: «я убью его!»—«Ладно, ступай, иди и ты! посмотримъ»! Юноша сейчасъ-же беретъ стрѣлу и идетъ въ садъ. И онъ прячется за одно дерево. Затѣмъ демонъ вошелъ въ садъ, и (юноша) кое-какъ пустилъ стрѣлу. Демонъ падаетъ на мѣстѣ, затѣмъ соскакиваетъ и уходитъ назадъ. Юноша приходитъ и говоритъ своему отцу: «вотъ папа, я ударилъ того демона, но онъ не пропалъ. Я пойду и убью его»! Отецъ говоритъ: «сынъ мой, зачѣмъ это? иди сюда и не уходи, потому что ты погибнешь, и потомъ моя скорбь усилится еще больше»! И сколько наставленій онъ ни говорилъ, юноша, не слушаясь ихъ, говоритъ: «конечно, я пойду»! Приходятъ и братья и говорятъ: «папа, и мы пойдемъ! мы втроемъ сходимъ и убьемъ того демона»! Царь говоритъ: «ну, идите, только возвращайтесь поскорѣе»! И они надѣваютъ на ноги желѣзные башмаки, берутъ стрѣлы и идутъ по кровавымъ слѣдамъ, которые оставлены демономъ.

Идутъ—идутъ и видятъ, на краю одного колодца осталось кровавое пятно. Они догадываются, что демонъ скрылся внутри этого колодца. Старшій братъ говоритъ: «я привяжу къ поясницѣ веревку и спущусь по ней»! Тѣ братья привязали къ его поясницѣ веревку и стали спускать его. Онъ нѣкоторое время все спускался внизъ и потомъ закричалъ: «горю—горю!», и его сейчасъ-же вытащили наверхъ. Затѣмъ стали спускать средняго брата, и онъ, спустившись немного внизъ, закричалъ: «горю—горю»! И его вытащили. Младшій братъ говоритъ: «спустите меня, и, когда я закричу: «горю—горю!», вы спустите меня еще дальше!» Тѣ привязали къ его поясницѣ веревку и спускаютъ его въ колодецъ. Юноша начинаетъ кричать: «горю, горю!», а они, не обращая вниманія на его крики, спускаютъ его все дальше и дальше. Наконецъ, не стало хватать веревки, а онъ все еще не добрался до дна колодца. Тогда они стали говорить юношѣ, находящемуся въ колодцѣ, что веревка уже кончилась. Онъ закричалъ: «бросьте веревку»! Они бросили веревку, и юноша, катясь кубаремъ, съ грохотомъ упалъ на одну эстраду. Оттуда онъ видитъ, — дверь въ какую-то комнату; онъ отворяетъ дверь, входитъ въ нее и видитъ 3 дѣвицъ, занимающихся тканьемъ. Эти дѣвицы говорятъ: «здравствуй, братецъ! откуда ты явился сюда? это—домъ демона. Недавно онъ пришелъ раненый. Каждый день онъ приходитъ къ намъ и смотритъ на насъ. Онъ придетъ сейчасъ, увидитъ тебя здѣсь, убьетъ и насъ и тебя»! Юноша прячется за спинами дѣвицъ. Спустя нѣкоторое время демонъ открываетъ дверь комнаты и входитъ. (Юноша) опять пускаетъ стрѣлу, демонъ падаетъ и говоритъ: «если ты мужчина, то ударь еще разъ«! Юноша сказалъ: «меня мать родила однажды (почему и я пустилъ стрѣлу одинъ разъ)!», и демонъ испустилъ духъ. Затѣмъ (юноша) кричитъ вверхъ. (Братья) надвязываютъ веревку. (Юноша) привязываетъ старшую изъ дѣвицъ и говоритъ: «бери (ее), старшій братъ мой,—эта принадлежитъ тебѣ!» Тѣ потянули веревку и затѣмъ опять сцустили ее. (Юноша) привязываетъ среднюю дѣвицу и говоритъ: «бери (ее), средній братъ,—эта принадлежитъ тебѣ!» И ее вытянули наверхъ. Теперь младшая дѣвица начинаетъ плакать. Юноша спрашиваетъ: «зачѣмъ ты плачешь?» Дѣвица отвѣчаетъ: «я—красивѣе всѣхъ ихъ,—

братья твои, разгорячившись изъ-за меня, вмѣсто того, чтобы поднять тебя, перерѣжутъ веревку, и послѣ того, какъ они перерѣжутъ, ты полетишь кубаремъ внизъ. Тогда выйдутъ 2 овцы, изъ которыхъ одна бѣлая, а другая черная. Если ты ухватишься за бѣлую овцу, то выйдешь на верхъ; если-же ухватишься за черную овцу, то попадешь съ нею подъ 7 слоевъ земли. Вотъ изъ-за чего я плачу!» Юноша и эту дѣвицу привязываетъ къ веревкѣ и говоритъ: «возьмите, братья,—эта принадлежитъ мнѣ!» И ее вытягиваютъ наверхъ и видятъ, что эта дѣвица—красивѣе предыдущихъ. «Вонъ ты какой негодный,—самую красивую отобралъ для себя!» сказали они и опустили веревку (за юношей). Юноша привязалъ себя къ веревкѣ. Они и его потянули наверхъ, а, когда онъ добрался до половины колодца, они перерѣзали веревку пополамъ.

Юноша, полетѣвши кубаремъ, долетѣлъ до дна, и, какъ говорила дѣвица, вышли 2 овцы, одна бѣлая и другая черная. Юноша хотѣлъ—было ухватиться за бѣлую, но очутился на спинѣ черной овцы и попалъ подъ 7 слоевъ земли. Спустя нѣкоторое время онъ видитъ, стоитъ какой-то большой городъ. Сѣлъ онъ, немного отдохнулъ, затѣмъ всталъ и пошелъ; идя, онъ видитъ, на верхушкѣ одного высокаго дерева — гнѣздо птицы, внутри его бѣгаютъ птенцы, а вокругъ дерева обвилась и поднимается какая-то змѣя, намѣреваясь поѣсть птенцовъ. Юноша тотчасъ-же извлекъ свой мечъ и убилъ змѣю, потомъ легъ подъ дерево и заснулъ. Та змѣя имѣла обыкновеніе каждый годъ съѣдать птенцовъ, находившихся на деревѣ. Черезъ нѣкоторое время прилетаетъ мать птенцовъ, это была изумрудная птица фениксъ [1]). Увидѣвши юношу, сейчасъ-же хотѣла убить его, но птенцы разсказали своей матери, какъ юноша убилъ змѣю и спасъ этимъ ихъ отъ смерти. Тогда птица не тронула юноши. Въ это время мѣсто, гдѣ лежалъ юноша, было освящено солнцемъ. Птица распустила крылья и защитила ими юношу отъ солнца Черезъ нѣкоторое время просыпается юноша и видитъ, какая-то большая птица распустила свои крылья и защищаетъ его ими отъ солнца. Затѣмъ юноша вскочилъ, чтобы идти. Птица говоритъ юношѣ: «возьми эти 2 пера и, когда стрясется надъ твоею головою какая-нибудь бѣда, ударь однимъ перомъ о другое, и я явлюсь къ тебѣ на помощь!» Юноша взялъ оба пера и идетъ.

Спустя нѣкоторое время онъ входитъ въ городъ и видитъ, у дверей дворца шумитъ много народа. Юноша идетъ и смотритъ на нихъ, они шумно говорятъ о демонѣ. Юноша сейчасъ-же говоритъ: «я убилъ этого демона!» Берутъ его и ведутъ прямо къ царю. Царь говоритъ этому мальчику: «сынъ мой, это ты убилъ демона?»—«Да, я убилъ, государь мой!» говоритъ мальчикъ. Демонъ имѣлъ обыкновеніе лежать въ рѣкѣ, которая текла по тому государству, и всякій человѣкъ, который испивалъ изъ нея, умиралъ, и царь говоритъ поэтому: «я облагодѣтельствую того, кто умертвилъ этого демона!»

---

[1]) عنقا (араб.), سيمرغ (перс.).

Когда пропалъ демонъ, (люди) увидѣли, что по тому государству стало течь воды много. Они догадались, что демонъ умеръ; вотъ почему собралось тамъ немного всякого люда. Теперь царь говоритъ юношѣ: «сынъ мой, проси у меня, чего бы ни захотѣлъ просить!» — «Я желаю одного, какъ-бы благополучно выбраться наверхъ!» Царь говоритъ: «очень хорошо, но, чтобы сдѣлать это, у насъ здѣсь есть одна птица, только трудно ее теперь найти!» Юноша повернулся спиною, досталъ изъ-за нея перья, ударилъ однимъ перомъ о другое, и птица явилась передъ окномъ. Юноша говоритъ: «эта-ли самая птица?» Царь отвѣчаетъ: «да!» Птицу приглсили во дворъ. Царь говоритъ: «эй птица, доставь-ка этого мальчика наверхъ!» Зарѣзали 40 штукъ барановъ и мѣхи наполнили водою, мѣхи повѣсили на одинъ бокъ птицы и овецъ на на другой бокъ, а юношу посадили на спину ея. «Когда я во время полета скажу «гакъ», ты дай мнѣ мяса, и, когда скажу «гикъ», ты дай воды!» Они сдѣлали такъ, какъ велѣла птица, посадили ей на спину юношу и птица полетѣла. Когда она говоритъ «гакъ», юноша даетъ мяса и, когда говоритъ «гикъ», юноша даетъ воды. Летитъ она и летитъ, остается еще летѣть, а мясо кончается. Птица сказала «гакъ», и юноша отрѣзалъ икры одной ноги и сунулъ въ ротъ птицѣ, но птица поняла, что это—человѣчье мясо, и не ѣстъ его. а бережетъ во рту. Наконецъ, они выбрались наверхъ, и юноша спустился. Птица говоритъ: «ну, ступай, отправляйся!», но юноша сидитъ и не можетъ идти, такъ какъ отрѣзаны у него ножныя икры. Онъ говоритъ: «нѣтъ, ты ступай, а я пойду послѣ!» Птица говоритъ: «ахъ, ты негодный, ты отрѣзалъ свои икра и далъ ихъ мнѣ; можетъ быть, ты потому не можешь идти?» Юноша отвѣчаетъ: «что-же было дѣлать? мясо кончилось, и я поступилъ такъ!» Затѣмъ птица вынула изо рта мясо, сплюнула, приклеила ихъ къ голенямъ юноши и видитъ, что вышло хорошо. Юноша поднялся и идетъ, и птица отправляетъ въ свое мѣсто. Вернемся къ этому юношѣ.

Входитъ онъ въ городъ, беретъ одну грязную скотскую кишку, надѣваетъ ее на голову и превращается въ паршиваго юношу. Ходитъ онъ туда и сюда, заходитъ въ каждую лавку и говоритъ: «здравствуйте, не возьмете-ли меня въ услуженіе?» Но его гонятъ. Наконецъ, онъ идетъ въ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерскую, поступаетъ тамъ къ одному въ услуженіе. Этого парня употребляютъ туда и сюда на всякія работы. Перейдемъ къ давнишнимъ.

Два брата берутъ 3 дѣвицъ и идутъ прямо къ своему отцу. «Гдѣ-же вашъ младшій братъ?» спрашиваетъ царь, а они отвѣчаютъ: «мы убили демона, достали этихъ дѣвицъ, и, когда шли сюда, онъ отсталъ отъ насъ, говоря, что придетъ сейчасъ-же. Не знаемъ, куда онъ дѣвался, онъ еще не пришелъ!» Отецъ немного поплакалъ и попечалился. «Какъ-бы то ни было, если онъ—здоровъ, придетъ!» сказалъ онъ. Двухъ дѣвицъ сосватали въ жены тѣмъ двумъ братьямъ и начали праздновать свадьбу. Для украшенія ихъ комнатъ была сдѣлана изъ алмаза одна вѣтка. Чтобы была и другая вѣтка подобная ей, понесли ее къ литейщикамъ и стали спрашивать у содержателей мастерскихъ: «кто сдѣлаетъ вѣтку, подобную этой?» Эти говорили: «мы не можемъ сдѣлать.» Наконецъ, пришли въ мастерскую вышеупомянутаго

паршиваго юноши. Когда спросили у его хозяина, то и онъ сказалъ: «я не могу сдѣлать!» Паршивый юноша сказалъ: «хозяинъ, я сдѣлаю!» Хозяинъ спросилъ: «что ты говоришь, паршивый юноша? какъ ты сдѣлаешь ее?»— «Хозяинъ, ей Богу, сдѣлаю!» Хозяинъ говоритъ: «смотрите, онъ плачетъ!» Этотъ паршивый юноша говоритъ: «что онъ можетъ ее сдѣлать!» Они (т. е. заказчики) говорятъ паршивому юношѣ: «тебѣ дается сроку 40 дней. Если въ эти 40 дней сможешь сдѣлать, дѣлай, если-же не сможешь сдѣлать, то отрубимъ тебѣ голову (*букв.* шею)!» Паршивый юноша говоритъ: «очень хорошо! до истеченія 40 дней и я сдѣлаю эту (вѣтвь)!» Даютъ ту вѣтвь юношѣ, говорятъ: «ты сдѣлай подобную этой!» и уходятъ. Паршивый юноша говоритъ своему хозяину: «я посмотрю за мастерскою, ты иди,—въ 40 дней я сдѣлаю эту вѣтку!» Хозяинъ встаетъ и идетъ къ себѣ домо . Паршивый юноша запираетъ мастерскую, идетъ, беретъ 2 куля орѣхъ, приноситъ въ мастерскую, садится на куль, беретъ въ руки одинъ молотокъ и начинаетъ производить щелкъ, истребляя орѣхи. Всякій думаетъ, что паршивый юноша дѣлаетъ вѣтку.

Однажды возвращается его хозяинъ и, осмотрѣвши свою мастерскую, говоритъ: «ну что, паршивый юноша? можешь-ли ты дѣлать?»—«Что ты, что ты, какъ мнѣ не сдѣлать? не только такую, но и лучше могу сдѣлать!»— «Ну, ну, паршивый юноша, поскорѣе,—срокъ тотъ уже подошелъ. Сегодня старшій сынъ царя будетъ играть, показывая искусство бросанія дротика [1]). Не пойдешь-ли погулять?» Паршивый юноша говоритъ: «моя голова съ роду паршива, — люди безъ дѣла будутъ бить и гнать меня въ шею! что̀ нужно мнѣ тамъ?» Хозяинъ уходитъ. Паршивый юноша тотчасъ-же ударяетъ однимъ перомъ о другое, прилетаетъ птица, и юноша говоритъ: «теперь ты мигомъ доставь мнѣ одну рыжую лошадь и одну перемѣну краснаго платья»! Птица сейчасъ-же доставила. Юноша снимаетъ съ головы нечистыя кишки, надѣваетъ то платье и садится на лошадь, ѣдетъ прямо на площадь, гдѣ играютъ дротиками, и видитъ: столпилось много народу, старшій сынъ царя сидитъ верхомъ на лошади, ѣздитъ кругомъ по площади и ищетъ себѣ равнаго. Тотчасъ же паршивый юноша гонитъ свою лошадь, въѣзжаетъ на площадь, нигдѣ не останавливаясь; всѣ смутились. Онъ ударяетъ старшаго сына царя одинъ разъ, такъ что умъ вылетаетъ изъ головы этого юноши, и онъ падаетъ съ лошади на землю. Потомъ (паршивый юноша) снова гонитъ свою лошадь и ѣдетъ (домой), сейчасъ же раздѣвается, складываетъ свои одежды на спину лошади, ударяетъ лошадь разъ кнутомъ, и она уходитъ. Опять юноша надѣваетъ на голову кишки и начинаетъ истреблять орѣхи, разбивая ихъ. Немного погодя возвращается хозяинъ и говоритъ: «эй, паршивый юноша, жаль, что ты не ходилъ: сегодня на площадь, гдѣ бросаютъ дротики, пріѣхалъ одинъ прекрасный юноша на рыжей лошади и въ красномъ одѣяніи. Какъ ни ударялъ его старшій сынъ царя, но чуть

---

[1]) جريد—дротикъ, палочка.

не убили его самого, сбивши съ лошади». Паршивый юноша говоритъ: «вотъ ты видѣлъ, хозяинъ? развѣ я не говорилъ тебѣ, что, если-бы я пошелъ, то и меня побили-бы безъ дѣла по головѣ и прогнали-бы въ шею?» Хозяинъ выходитъ (изъ мастерской) и уходитъ.

Наступаетъ слѣдующій день. «Паршивый юноша, сегодня будетъ играть дротикомъ средній сынъ (царя). Ну, если хочешь, пойдемъ!» Юноша отвѣчаетъ: «хозяинъ, боюсь, какъ-бы не случился понапрасну скандалъ, подобный вчерашнему, и какъ-бы послѣ не стряслась надъ моею головою какая-нибудь бѣда! что̀ мнѣ тамъ нужно? я не пойду и своего дѣла не брошу!» Хозяинъ его опять уходитъ. Юноша сейчасъ-же ударяетъ однимъ перомъ о другое. Прилетаетъ птица, и юноша говоритъ: «доставь мнѣ одну бѣлую лошадь и одну бѣлую одежду!» Она сейчасъ-же доставляетъ. Онъ надѣваетъ ее, садится на лошадь, ѣдетъ прямо на площадь, гдѣ играютъ дротикомъ, и видитъ: подобно тому, какъ было въ первый разъ, средній сынъ царя сидитъ верхомъ на лошади и разъѣзжаетъ. Сейчасъ-же тотъ (паршивый юноша) гонитъ лошадь и въѣзжаетъ на площадь; послѣ одной схватки онъ сваливаетъ (царевича) подъ лошадь. Затѣмъ немедленно гонитъ оттуда лошадь и уѣзжаетъ, снимаетъ тѣ одежды, складываетъ ихъ на спину лошади, ударяетъ ее разъ кнутомъ, и она уходитъ. Онъ опять надѣваетъ сейчасъ-же кишки и садится опять истреблять орѣхи. Немного спустя приходитъ хозяинъ и говоритъ: «ну, паршивый юноша, чего — чего сегодня не было! если бы ты пришелъ, то увидѣлъ-бы: пріѣхалъ опять какой-то юноша на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ, послѣ одной схватки онъ свалилъ средняго сына царя подъ лошадь и чуть-чуть не убилъ его». «Вотъ ты видѣлъ, хозяинъ! развѣ я не говорилъ тебѣ (объ этомъ)?» Хозяинъ уходитъ.

Затѣмъ наступаетъ 40 день и время полученія вѣтви. Юноша ударяетъ однимъ перомъ о другое, и является птица. Онъ говоритъ: «я желаю получить отъ тебя вѣтвь, подобную этой!» Птица сейчасъ-же доставляетъ ихъ. Юноша кладетъ вѣтвь въ чашу и стпираетъ мастерскую. Немного спустя видятъ, что паршивый юноша уже сдѣлалъ вѣтвь. Приходятъ оттуда и отсюда и видятъ (это). Всякій приходящій спрашиваетъ: «паршивый юноша, ты ли сдѣлалъ эту вѣтвь?»—«Да, я сдѣлалъ!» говоритъ онъ. Черезъ нѣкоторое время царь посылаетъ людей, люди приходятъ и видятъ что вѣтвь уже сдѣлана. «Дай, посмотримъ, паршивый юноша, вѣтвь!» говорятъ они. Онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, я понесу самъ, вамъ не дамъ!» Они препираются, говоря: «мы понесемъ!» Паршивый юноша вытащилъ вѣтвь и говоритъ: «теперь я перебью васъ, а!» Они отвѣчаютъ: «нѣтъ, паршивый юноша, не перебивай, не перебивай насъ!» Паршивый юноша беретъ вѣтви и идетъ съ ними прямо во дворецъ. Не дойдя еще до дверей дворца, тѣ люди говорятъ: «что̀-же, давай, мы понесемъ!»—«А, я перебью васъ!» го оритъ онъ. Они отвѣчаютъ: «не убивай, не убивай насъ!» Входятъ они во дворецъ, поднимаются по лѣстницѣ, являются къ покоямъ царя и говорятъ: «давай лучше, внутрь понесемъ мы, а ты подожди здѣсь!» Онъ не сказалъ ни то, ни сё, и они подняли шумъ. Черезъ нѣкоторое время царь услышалъ это и спрашиваетъ: «что̀ это такое?» Они доложили о происшедшемъ. Царь сказалъ: «отдайте,

пусть несетъ!» Паршивый юноша беретъ вѣтви и входитъ съ ними. Царь спрашиваетъ: «сынъ мой, ты-ли сдѣлалъ это?» Онъ отвѣчаетъ: «да, государь мой, я сдѣлалъ!» — «Проси у меня, чего хочешь!» Паршивый юноша говоритъ: «есть у меня одинъ залогъ, хранящійся у васъ, — я прошу его!» Онъ спрашиваетъ: «какой это твой залогъ?» Паршивый юноша говоритъ: «въ вашемъ гаремѣ есть одна дѣвица, она принадлежитъ мнѣ!» Царь спрашиваетъ: «что это значитъ? какимъ образомъ эта дѣвица можетъ принадлежать тебѣ?» Тотъ отвѣчаетъ: «да, на спинѣ у нея есть одинъ мой знакъ! посмотрите, если его нѣтъ, то она не-моя, если есть, то она—моя!» Немного спустя видятъ, что на спинѣ той дѣвицы отпечаталась пятерня его. Когда онъ внутри колодца убилъ демона, то выпачкалъ руку въ крови демона и приложилъ ее къ спинѣ дѣвицы. Царь увидѣлъ это и понялъ, что это—его собственный сынъ: «дитя мое! гдѣ ты былъ до сего времени? я думалъ, что ты уже умеръ!» Юноша разсказалъ ему обо всѣхъ дѣлахъ своихъ братьевъ и доложилъ обо всѣхъ несчастіяхъ, случившихся съ нимъ. Затѣмъ царь призвалъ другихъ своихъ сыновей и спросилъ ихъ объ этомъ. Увидѣвши младшаго брата, они начали вилять туда и сюда. Царь казнилъ ихъ обоихъ, а тѣхъ 3 дѣвицъ выдалъ за-мужъ за этого младшаго сына и свадьбу праздновалъ 40 дней и 40 ночей.

«Они достигли своей цѣли, и мы взойдемъ на крышу, сдѣланную изъ черепицы». (Слова разсказчика).

Н. Катановъ.

3. Сагайская сказка о 3 братьяхъ-богатыряхъ.

Былъ въ одномъ городѣ нѣкій Кара-Канъ (черный царь), жена его была Кара-Ненжи (черный жемчугъ). Была у нихъ дочь. Въ томъ городѣ былъ также король, у этого короля былъ сынъ. Дочь Кара-Кана была въ любовныхъ сношеніяхъ съ сыномъ короля, слѣдствіемъ чего была ея беременность. Родители замѣтили, что дочь ихъ забеременила. Стали собираться люди и обсуждать ея виновность. «Уведите ее внутрь густаго лѣса и пустите, выколовши ей глаза»! сказали судьи. Повели ее въ лѣсъ 2 солдата, которымъ судьи сказали: «если не выколете ей глаза, то снесемъ вамъ головы»! Солдаты пошли и, придя въ густой лѣсъ, хотѣли-было выколоть дѣвицѣ глаза, но она сказала: «нѣтъ, не выкалывайте! что вы получите за то, что выколете мнѣ глаза? а я дамъ вамъ денегъ! если вы выколете мнѣ глаза, то за это ничего не получите»! Дѣвица дала имъ денегъ и они крѣпко привязали ей руки къ спинѣ, крѣпко завязали ей платкомъ глаза и отправились въ обратный путь. Когда они шли, имъ встрѣтилась одна маленькая собака. Когда она приблизилась, они поймали ее и вынули изъ орбитъ ея глаза. Принесли они эти глаза и передали ихъ Кара-Кану. Родители дѣвицы посмотрѣли на эти глаза и, думая, что это—глаза ихъ дочери, сказали: «у нея проклятой и глаза то собачьи! должно быть, у злыхъ людей глаза всегда подобны собачьимъ»! Итакъ, они остались жить тутъ.

Дочь ихъ, оставшаяся въ густомъ лѣсу, высвободила изъ веревокъ свои руки, развязала платокъ и пошла, куда глаза глядятъ. Наткнулась она на дорогу, и пошла по ней. Прошла она долго-ли, кототко-ли, и лѣсъ сталъ рѣдѣть. Глядитъ, стоитъ какая-то изба. Вошла она въ нее,—оказалось, что это—маленькій черыреугольный домикъ. Въ немъ никого нѣтъ, но кушанья всякаго рода въ изобиліи. Просидѣла она до вечера и приготовилась уже спать. Она заболѣла и стала родить. Родила одного мальчика. Появившись только-что на свѣтъ, онъ выскочилъ на улицу и захлопнулъ за собою дверь избы. Мать осталась въ избѣ и кое-какъ выбралась на улицу, но мальчика тамъ не было. Вернулась въ избу и опять легла. Въ полночь она родила еще одного мальчика. И этотъ, только-что родившись, выскочилъ на улицу и мгновенно исчезъ, такъ что мать не знала, куда онъ дѣвался: улетѣлъ ли на небо, или провалился сквозь землю. Передъ зарею она родила еще одного мальчика. И этотъ выскочилъ на улицу и убѣжалъ неизвѣстно куда. Родивши 3 мальчиковъ, мать продолжала лежать больная. Прошла одна ночь, прошла другая, прошла и третья. Наступаетъ вечеръ. Она лежитъ и слышитъ, гремитъ громъ и воетъ вѣтеръ. Прислушивается она, и слышитъ, что это не громъ гремитъ, а летитъ конь, и не вѣтеръ воетъ, а дышетъ тотъ-же конь. Она посмотрѣла, и видитъ ѣдетъ добрый богатырь. Пріѣхалъ онъ и вошелъ въ избу. Это, оказалось, былъ сынъ, котораго она родила сначала. «Ты и теперь еще жива»! сказалъ онъ. Пріѣхалъ онъ на бѣло-сивомъ конѣ: «нѣтъ-ли чего-нибудь поѣсть, мама»?—«Есть»! сказала мать. Онъ поѣлъ и легъ спать. Въ полночь опять послышался конскій топотъ и затѣмъ какъ будто кто-то пріѣхалъ. Вошелъ онъ въ избу. Оказалось, это былъ второй сынъ. Онъ поздоровался съ матерью и сказалъ: «ты и теперь еще жива! кто это здѣсь спитъ»?—«Это—твой родной братъ»!—«Оказывается, у меня есть братъ! нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть?»—«Есть»! сказала мать. Поѣлъ онъ и легъ возлѣ брата спать. Передъ зарею опять послышался конскій топотъ. Кто-то пріѣхалъ, привязалъ коня и вошелъ въ избу. Это былъ третій, самый младшій сынъ. «Оказывается, ты еще жива»!—«Какъ-же умереть, если нѣтъ смерти»?—«Что это за добрые богатыри, которые здѣсь спятъ»?—«Это—твои родные братья»!—«Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть,—я отъ самаго рожденія ничего не ѣлъ? я поспалъ-бы немногс,—отъ самаго рожденія ни разу не спалъ»! Поѣлъ онъ и легъ спать. Спятъ всѣ 3 брата. Мать вышла на улицу и посмотрѣла ихъ лошадей. Всѣ онѣ были сивыя. Посмотрѣвши ихъ, вернулась въ избу. Не можетъ она дождаться, когда проснутся ея сыновья. Проспали они 9 дней. Сначала проснулся старшій братъ, потомъ средній и наконецъ младшій. Встали они и умылись. Поѣли они самыхъ лучшихъ кушаній, какія были, и попили самаго крѣпкаго вина. Своей матери они говорятъ: «дай намъ имена и прозвища»!—«Если нужно, дамъ вамъ ихъ, потому что народъ не можетъ вамъ дать ихъ?» Затѣмъ она назвала старшаго брата Улугъ-Иргекъ (большой палецъ), средняго брата она назвала Кичигъ-Иргекъ (малый палецъ), а младшаго назвала Иванъ-Сарчыкъ, говоря: «да будетъ ему имя Иванъ-Сарчикъ, богатырь, не поддающійся ни пятерымъ, ни шестерымъ»! Теперь всѣ они собираются вернуться къ себѣ

на родину, въ землю Кара-Кана. Отправились они домой и уже стали подъѣзжать къ городу. «У кого-бы намъ остановиться»! сказали они другъ другу, и остановились въ одной худенькой избушкѣ, стоявшей на краю города. Городскіе жители стали говорить другъ другу: «пріѣхали 3 могучіе богатыря, вмѣстѣ съ ними и мать ихъ»! О пріѣздѣ такихъ богатырей услышалъ и царь. Царь этотъ послалъ за ними солдатъ съ требованіемъ явиться къ нему. «Нельзя ослушаться царя,—надо идти»! говорятъ 3 богатыря и ѣдутъ. Мать вмѣстѣ съ ними. Ѣдутъ они по улицамъ. Кони ихъ ступаютъ такъ сильно, что на сухомъ мѣстѣ ноги ихъ погружаются въ землю до колѣнъ. Городскіе жители, исправляя за ними только дорогу, не имѣютъ свободнаго времени. Теперь они явились къ царю вмѣстѣ со своею матерью. Явились, увидѣли его и сказали привѣтствіе. Царь говоритъ имъ: «Вы люди, объѣзжающіе всю землю! Въ этомъ городѣ нѣтъ богатырей, которые бы васъ превзошли. На этой землѣ нѣтъ ничего, чего бы вы не знали. У меня потерялись 3 дочери. Знаете ли вы объ этомъ»? — «Не знаемъ»! говоритъ старшій изъ братьевъ. Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Я знаю»!—«Можешь ли ты привести сюда этихъ дѣвицъ»!—«Привезу»! отвѣчаетъ онъ. Царь спрашиваетъ у Ивана Сарчыка: «Гдѣ онѣ, если знаешь«?—«По срединѣ земли есть золотая скала, скала такая, что немного не доходитъ до неба. Наверху той скалы такъ же, какъ и на этой землѣ. Тѣ дѣвицы тамъ, въ рукахъ семиглаваго, крылатаго чернаго змѣя. Такъ какъ на верхъ этой скалы взобраться трудно, то вели сдѣлать желѣзную лѣстницу. Ты вели своимъ кузнецамъ сдѣлать 10,000 ступеней. Безъ лѣстницы подняться трудно»! Царь выслушалъ и тотчасъ же велѣлъ сдѣлать все. Теперь становится затруднительнымъ доставить ту лѣстницу къ основанію золотой скалы. Ту лѣстницу взвалили на коня Улугъ Иргека. Ѣдутъ 3 брата. Доѣзжаютъ до основанія золотой скалы. Имъ Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «У основанія золотой скалы есть караульщикъ. Онъ свиститъ такъ сильно, что умерщвляетъ человѣка на разстояніи одной версты. Примите это во вниманіе»! Не доѣзжаютъ одной версты, какъ караульщикъ свиснулъ. Конь Улугъ Иргека упалъ внизъ головою, а уши оглохли. Средній братъ говоритъ: «Ту лѣстницу я взвалю на своего коня, потому что твой конь падаетъ внизъ головой»! Кичигъ Иргекъ взвалилъ, ѣдетъ. Теперь осталось только полъ-версты. Тотъ караульщикъ опять свиснулъ. Конь Кичигъ Иргека тоже упалъ внизъ головою. Иванъ Сарчыкъ сказалъ: «Я взвалю ту лѣстницу»! Взвалилъ, поѣхали. Тотъ караульщикъ опять свиснулъ. Иванъ Сарчикъ не горюетъ, говоря: «Можешь не только свистѣть, но и кричать»! Теперь они доѣхали и поздоровались съ караульщикомъ. Тотъ караульщикъ говоритъ: «Куда пріѣхали Вы, Иванъ Сарчыкъ»? Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Ты, каналья, зачѣмъ мучишь насъ, свистя? Я заставлю тебя пить твою же кровь и ѣсть твое же тѣло! Ты карауль здѣсь моихъ братьевъ: Кичигъ Иргека и Улугъ Иргека, я самъ хочу подняться сюда, на верхъ золотой скалы»! Лѣстницу Иванъ Сарчыкъ поставилъ одинъ. Караульщикъ говоритъ: «Слѣды людей, отправившихся туда, есть; но нѣтъ слѣдовъ оттуда пришедшихъ»! Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Такое, какъ я, одно яйцо гдѣ не протухало? Ты карауль только получше моихъ братьевъ»! Иванъ Сарчыкъ поднялся. Когда

поднялся, тамъ такъже, какъ и на этой землѣ. Встрѣчается ему трава, обвитая красною мѣдью. Идетъ онъ дальше. Увидѣлъ онъ мѣдный домъ и мѣдный амбаръ. Идетъ онъ туда, къ мѣдному дому. Вошелъ онъ быстро въ него Въ томъ домѣ ходитъ одна дѣвица. «Кто хозяинъ этого дома?»—«Крылатый, семиглавый черный змѣй»! отвѣчаетъ она.—«Куда онъ отправился»?—«Ловить звѣрей и птицъ»!—«Скоро-ли онъ вернется»?—«Вернется онъ скоро. Когда онъ вернется сюда, тогда будетъ вѣтеръ. Передъ борьбою съ богатыремъ у него будетъ 20 бочекъ вина: 10 бочекъ онъ заставитъ выпить тебя, а другія 10 самъ выпьетъ. Отверстіе бочекъ, которыя онъ будетъ пить самъ, будетъ вверху. Если онъ выпьетъ изъ нихъ, то прибавится у него сила. Отверстіе бочекъ, которыя придется пить тебѣ, будетъ внизу. Если выпить ихъ, то сила убываетъ. Если ты выпьешь ихъ снизу, то убавится у тебя половина силы»! Теперь Иванъ Сарчыкъ идетъ къ бочкамъ. Бочки, которыя онъ будетъ пить, онъ повернулъ отверстіемъ вверхъ; бочки же, которыя придется пить змѣю, онъ повернулъ отверстіемъ внизъ. Теперь онъ пошелъ и сталъ въ домѣ поджидать того змѣя. Поднялся вѣтеръ. Та дѣвица говоритъ: «теперь онъ возвращается»! Черезъ нѣкоторое время онъ какъ будто прилетѣлъ на улицѣ и спустился на землю съ грохотомъ. Сказавши «Фу! слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра»!, змѣй быстро вошелъ въ домъ. Онъ поздоровался и сказалъ: «Ты жаворонокъ со свободною шеею! зачѣмъ пришелъ сюда? Скажи скорѣе, что тебѣ надо, такъ какъ я хочу сожрать тебя»! Иванъ Сарчыкъ отвѣчаетъ: «Чтобы сожрать меня, я тебѣ не вареное мясо, изрѣзанное на куски»! Послѣ этого говоритъ крылатый, семиглавый черный змѣй: «Передъ борьбою съ богатыремъ мы выпьемъ 20 бочекъ вина»!—«Ладно, ладно! мнѣ это и нужно!» говоритъ Сарчыкъ. Пойдя, они пьютъ 20 бочекъ; все выпили. Теперь они идутъ драться на горный хребетъ. Пришли. Разстоянія между ними 100 саженъ. Крылатый черный змѣй говоритъ: «Ты ли нападешь сначала, или я нападу?—«Какъ пришедшій изъ солнечнаго міра, я начну»! отвѣчаетъ Иванъ Сарчыкъ.—«Ладно, ладно, — безразлично»!—Попробую я освободить свой крученый, витой кнутъ»! сказалъ Иванъ Сарчыкъ и, собравши кнутъ вдевятеро, потомъ выпустилъ по направленію къ змѣю. 3 головы змѣя онъ тутъ же пересѣкъ; змѣй остался только о 4 головахъ. Змѣй говоритъ: «Ахъ, становится жарко! пойдемъ и выпьемъ по одной бочкѣ!»—«Нашъ народъ, живущій въ солнечномъ мірѣ, выпивши вина, не дерется, пьетъ только въ самомъ началѣ»! Черный змѣй говоритъ: «теперь выжидай моего нападенія»! Онъ свилъ свой хвостъ вдевятеро и пустилъ его по направленію къ Ивану Сарчыку. Хвостъ шлёпнулся о лобъ. Иванъ Сарчыкъ упалъ. Теперь онъ едва сталъ на ноги и очнулся. Находившаяся въ домѣ дѣвица, принеся молока, напоила имъ Ивана Сарчыка. Сталъ онъ въ 1000 разъ красивѣе прежняго. Теперь говоритъ Иванъ Сарчыкъ: «выжидай моего нападенія!» Собравши вдевятеро, онъ пустилъ свой кнутъ. У чернаго змѣя оторвались 2 головы. «Ахъ ты, становится жарко»! говоритъ змѣй, «пойдемъ и выпьемъ по одной бочкѣ вина»!—«Пришедшіе изъ солнечнаго міра не дерутся, выпивши вина! пьютъ его передъ схваткою»! Змѣй говоритъ: «Теперь выжди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ

вдевятеро, змѣй выпустилъ его. Хвостъ шлепнулся о лобъ Ивана Сарчыка. Сарчыкъ даже не пошевелился. Сарчыкъ говоритъ: «Теперь подожди моего нападенія»! Свой крученый, витой кнутъ сложилъ вдевятеро и пустилъ; оторвались и оставшія 2 головы. Змѣй черный умеръ. Находившаяся въ домѣ дѣвица бѣжитъ по направленію къ Ивану Сарчыку, говоря: «Я—твоя, а ты—мой»! Теперь, ведя другъ друга за руки, они идутъ къ мѣдному дому. Этотъ парень Иванъ Сарчыкъ ночуетъ тамъ, спя вмѣстѣ съ дѣвицею. Эта дѣвица была старшая дочь царя. Встали утромъ. Вставши, Иванъ Сарчыкъ идетъ дальше. Когда шелъ, лежитъ земля, поросшая такою травою, вокругъ которой обвилось серебро. Проходитъ онъ дальше. Стоятъ серебряный домъ и серебряный амбаръ. Подойдя къ серебряному дому, онъ вошелъ въ него одинъ, оставивши давешнюю дѣвицу въ мѣдномъ домѣ. Когда онъ вошелъ въ серебряный домъ, тамъ ходитъ одна дѣвица. Это была средняя дочь царя. Хозяинъ этого дома также отправился ловить звѣрей и птицъ. «Скоро ли онъ вернется»?—«Если поднимется сильный вѣтеръ, то значитъ возвращается змѣй. Змѣевъ всего 3 брата. Когда онъ возвратится и схватится съ тобою, то вы выпьете 20 бочекъ вина, изъ которыхъ 10 дастъ выпить тебѣ, а 10 выпьетъ самъ. Отверстіе того, что онъ будетъ пить самъ,—вверху. Если выпить изъ этого, то прибавится сила. Отверстіе того, что придется пить тебѣ,—внизу. Если ты выпьешь этого, то сила уменьшится». Выслушавъ это, онъ идетъ къ бочкамъ. Что придется пить змѣю, онъ перевернулъ внизъ отверстіемъ; что придется пить самому, онъ повернулъ вверхъ отверстіемъ. Перевернувши, онъ идетъ въ домъ. Какъ только онъ вошелъ, поднялся сильный вѣтеръ. Та дѣвица—стряпка (кухарка) говоритъ: «Теперь онъ летитъ»! Не прошло много времени, какъ на улицу бросился крылатый, десятиглавый черный змѣй. «Слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра»! Сказавши это, онъ быстро вошелъ, поздоровался. «Куда ты пришелъ, Иванъ Сарчыкъ»?—«Я пришелъ помѣриться съ тобою силою»!—«Передъ испытаніемъ силы мы обыкновенно выпиваемъ 20 бочекъ вина»! Ведя другъ друга, они идутъ пить. Придя, выпили все черезъ край. Теперь идутъ къ горному хребту. Разстоянія между ними полъ-версты. Черный змѣй спрашиваетъ: «Я начну, или ты начнешь»?—«Какъ человѣкъ, пришедшій изъ солнечнаго міра, начну я первый»! Крученый, витой свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и, выпустивъ, оторвалъ змѣю 5 головъ. «Становится жарко! пойдемъ и выпьемъ вина по одной бочкѣ»! говоритъ змѣй.—«Мы люди изъ солнечнаго міра, выпивши вина, не деремся»! говоритъ Сарчыкъ. Змѣй говоритъ: «теперь подожди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ вдевятеро, онъ пустилъ его по направленію къ Сарчыку. Хвостъ шлепнулся, ударившись о лобъ Сарчыка. Сарчыкъ палъ въ обморокъ и очнулся. Та дѣвица прибѣжала и дала выпить молока. Онъ сталъ въ 1000 разъ красивѣе прежняго и говоритъ: «Теперь выжидай моего нападенія»! Витой свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и выпустилъ. Пять головъ отлетѣли всѣ, и тотъ змѣй испустилъ духъ. Изъ дома прибѣжала та дѣвица, говоря: «Я—твоя, а ты—мой»! Пойдя къ дому, они ведутъ другъ друга за руки и ночуютъ тамъ. Переночевавъ, Иванъ Сарчыкъ утромъ идетъ дальше, а дѣвица осталась въ серебряномъ домѣ. Когда

поднялся, тамъ такъже, какъ и на этой землѣ. Встрѣчается ему трава, обвитая красною мѣдью. Идетъ онъ дальше. Увидѣлъ онъ мѣдный домъ и мѣдный амбаръ. Идетъ онъ туда, къ мѣдному дому. Вошелъ онъ быстро въ него Въ томъ домѣ ходитъ одна дѣвица. «Кто хозяинъ этого дома?»—«Крылатый, семиглавый черный змѣй»! отвѣчаетъ она.—«Куда онъ отправился»?—«Ловить звѣрей и птицъ»!—«Скоро-ли онъ вернется»?—«Вернется онъ скоро. Когда онъ вернется сюда, тогда будетъ вѣтеръ. Передъ борьбою съ богатыремъ у него будетъ 20 бочекъ вина: 10 бочекъ онъ заставитъ выпить тебя, а другія 10 самъ выпьетъ. Отверстіе бочекъ, которыя онъ будетъ пить самъ, будетъ вверху. Если онъ выпьетъ изъ нихъ, то прибавится у него сила. Отверстіе бочекъ, которыя придется пить тебѣ, будетъ внизу. Если выпить ихъ, то сила убываетъ. Если ты выпьешь ихъ снизу, то убавится у тебя половина силы»! Теперь Иванъ Сарчыкъ идетъ къ бочкамъ. Бочки, которыя онъ будетъ пить, онъ повернулъ отверстіемъ вверхъ; бочки же, которыя придется пить змѣю, онъ повернулъ отверстіемъ внизъ. Теперь онъ пошелъ и сталъ въ домѣ поджидать того змѣя. Поднялся вѣтеръ. Та дѣвица говоритъ: «теперь онъ возвращается»! Черезъ нѣкоторое время онъ какъ будто прилетѣлъ на улицѣ и спустился на землю съ грохотомъ. Сказавши «Фу! слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра»!, змѣй быстро вошелъ въ домъ. Онъ поздоровался и сказалъ: «Ты жаворонокъ со свободною шеею! зачѣмъ пришелъ сюда? Скажи скорѣе, что тебѣ надо, такъ какъ я хочу сожрать тебя»! Иванъ Сарчыкъ отвѣчаетъ: «Чтобы сожрать меня, я тебѣ не вареное мясо, изрѣзанное на куски»! Послѣ этого говоритъ крылатый, семиглавый черный змѣй: «Передъ борьбою съ богатыремъ мы выпьемъ 20 бочекъ вина»!—«Ладно, ладно! мнѣ это и нужно!» говоритъ Сарчыкъ. Пойдя, они пьютъ 20 бочекъ; все выпили. Теперь они идутъ драться на горный хребетъ. Пришли. Разстоянія между ними 100 саженъ. Крылатый черный змѣй говоритъ: «Ты ли нападешь сначала, или я нападу?—«Какъ пришедшій изъ солнечнаго міра, я начну»! отвѣчаетъ Иванъ Сарчыкъ.—«Ладно, ладно, — безразлично»!—Попробую я освободить свой крученый, витой кнутъ»! сказалъ Иванъ Сарчыкъ и, собравши кнутъ вдевятеро, потомъ выпустилъ по направленію къ змѣю. 3 головы змѣя онъ тутъ же пересѣкъ; змѣй остался только о 4 головахъ. Змѣй говоритъ: «Ахъ, становится жарко! пойдемъ и выпьемъ по одной бочкѣ!»—«Нашъ народъ, живущій въ солнечномъ мірѣ, выпивши вина, не дерется, пьетъ только въ самомъ началѣ»! Черный змѣй говоритъ: «теперь выжидай моего нападенія»! Онъ свилъ свой хвостъ вдевятеро и пустилъ его по направленію къ Ивану Сарчыку. Хвостъ шлёпнулся о лобъ. Иванъ Сарчыкъ упалъ. Теперь онъ едва сталъ на ноги и очнулся. Находившаяся въ домѣ дѣвица, принеся молока, напоила имъ Ивана Сарчыка. Сталъ онъ въ 1000 разъ красивѣе прежняго. Теперь говоритъ Иванъ Сарчыкъ: «выжидай моего нападенія!» Собравши вдевятеро, онъ пустилъ свой кнутъ. У чернаго змѣя оторвались 2 головы. «Ахъ ты, становится жарко»! говоритъ змѣй, «пойдемъ и выпьемъ по одной бочкѣ вина»!—«Пришедшіе изъ солнечнаго міра не дерутся, выпивши вина! пьютъ его передъ схваткою»! Змѣй говоритъ: «Теперь выжди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ

вдевятеро, змѣй выпустилъ его. Хвостъ шлепнулся о лобъ Ивана Сарчыка. Сарчыкъ даже не пошевелился. Сарчыкъ говоритъ: «Теперь подожди моего нападенія»! Свой крученый, витой кнутъ сложилъ вдевятеро и пустилъ; оторвались и оставшія 2 головы. Змѣй черный умеръ. Находившаяся въ домѣ дѣвица бѣжитъ по направленію къ Ивану Сарчыку, говоря: «Я—твоя, а ты—мой»! Теперь, ведя другъ друга за руки, они идутъ къ мѣдному дому. Этотъ парень Иванъ Сарчыкъ ночуетъ тамъ, спя вмѣстѣ съ дѣвицею. Эта дѣвица была старшая дочь царя. Встали утромъ. Вставши, Иванъ Сарчыкъ идетъ дальше. Когда шелъ, лежитъ земля, поросшая такою травою, вокругъ которой обвилось серебро. Проходитъ онъ дальше. Стоятъ серебряный домъ и серебряный амбаръ. Подойдя къ серебряному дому, онъ вошелъ въ него одинъ, оставивши давешнюю дѣвицу въ мѣдномъ домѣ. Когда онъ вошелъ въ серебряный домъ, тамъ ходитъ одна дѣвица. Это была средняя дочь царя. Хозяинъ этого дома также отправился ловить звѣрей и птицъ. «Скоро ли онъ вернется»?—«Если поднимется сильный вѣтеръ, то значитъ возвращается змѣй. Змѣевъ всего 3 брата. Когда онъ возвратится и схватится съ тобою, то вы выпьете 20 бочекъ вина, изъ которыхъ 10 дастъ выпить тебѣ, а 10 выпьетъ самъ. Отверстіе того, что онъ будетъ пить самъ,—вверху. Если выпить изъ этого, то прибавится сила. Отверстіе того, что придется пить тебѣ,—внизу. Если ты выпьешь этого, то сила уменьшится». Выслушавъ это, онъ идетъ къ бочкамъ. Что придется пить змѣю, онъ перевернулъ внизъ отверстіемъ; что придется пить самому, онъ повернулъ вверхъ отверстіемъ. Перевернувши, онъ идетъ въ домъ. Какъ только онъ вошелъ, поднялся сильный вѣтеръ. Та дѣвица—стряпка (кухарка) говоритъ: «Теперь онъ летитъ»! Не прошло много времени, какъ на улицу бросился крылатый, десятиглавый черный змѣй. «Слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра»! Сказавши это, онъ быстро вошелъ, поздоровался. «Куда ты пришелъ, Иванъ Сарчыкъ»?—«Я пришелъ помѣриться съ тобою силою»!—«Передъ испытаніемъ силы мы обыкновенно выпиваемъ 20 бочекъ вина»! Ведя другъ друга, они идутъ пить. Придя, выпили все черезъ край. Теперь идутъ къ горному хребту. Разстоянія между ними полъ-версты. Черный змѣй спрашиваетъ: «Я начну, или ты начнешь»?—«Какъ человѣкъ, пришедшій изъ солнечнаго міра, начну я первый»! Крученый, витой свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и, выпустивъ, оторвалъ змѣю 5 головъ. «Становится жарко! пойдемъ и выпьемъ вина по одной бочкѣ»! говоритъ змѣй.—«Мы люди изъ солнечнаго міра, выпивши вина, не деремся»! говоритъ Сарчыкъ. Змѣй говоритъ: «теперь подожди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ вдевятеро, онъ пустилъ его по направленію къ Сарчыку. Хвостъ шлепнулся, ударившись о лобъ Сарчыка. Сарчыкъ палъ въ обморокъ и очнулся. Та дѣвица прибѣжала и дала выпить молока. Онъ сталъ въ 1000 разъ красивѣе прежняго и говоритъ: «Теперь выжидай моего нападенія»! Витой свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и выпустилъ. Пять головъ отлетѣли всѣ, и тотъ змѣй испустилъ духъ. Изъ дома прибѣжала та дѣвица, говоря: «Я—твоя, а ты—мой»! Пойдя къ дому, они ведутъ другъ друга за руки и ночуютъ тамъ. Переночевавъ, Иванъ Сарчыкъ утромъ идетъ дальше, а дѣвица осталась въ серебряномъ домѣ. Когда

онъ пошелъ далѣе, растетъ трава, обвитая золотомъ. Еще дальше стоитъ золотой домъ, за нимъ золотой амбаръ. Пошелъ туда и вошелъ. Когда онъ вошелъ, хозяиномъ дома также оказался змѣй. Его не было дома, такъ какъ онъ улетѣлъ ловить звѣрей и птицъ. Дѣвица говоритъ: «Онъ, прилетѣвши и захотѣвши драться съ тобой, выставитъ 40 бочекъ, изъ которыхъ 20 будешь пить ты, а 20 выпьетъ онъ самъ. Отверстіе того, что будетъ пить змѣй, будетъ вверху. Если онъ выпьетъ изъ того, прибавится у него сила. Отверстіе того, что будешь пить ты, будетъ внизу. Если ты выпьешь изъ того, убавится у тебя сила»! Идетъ онъ къ тѣмъ бочкамъ. Бочки, которыя придется пить змѣю, онъ повернулъ внизъ отверстіемъ. Теперь онъ пришелъ въ домъ и спрашиваетъ: «Скоро ли онъ прилетитъ»?—«Поднимется сильный вихрь, когда онъ будетъ возвращаться». Не прошло много времени, поднялся сильный вихрь. Вихрь тотъ прошелъ, и змѣй прилетѣлъ. На улицѣ змѣй гремитъ, говоря: «Слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра» Затѣмъ змѣй быстро вошелъ въ домъ. Головъ у него 12. Самъ онъ былъ черный змѣй. Онъ поздоровался. «Куда ты пришелъ, Иванъ Сарчыкъ»?—«Я пришелъ помѣриться съ тобою силою»!—«Если хочешь помѣриться силою, то выпьемъ 40 бочекъ вина»!—«Ладно, ладно»! говоритъ Иванъ Сарчыкъ,—«я хожу въ сильномъ похмѣльѣ»! Они пошли и все выпили. Вышли они на горный хребетъ. Разстоянія между ними 2 версты. Змѣй спрашиваетъ: «Ты ли начнешь, или начну я»?—«Какъ человѣкъ, пришедшій изъ солнечнаго міра, начну я»! Онъ, собравши вдевятеро свой крученый, витой кнутъ, выпустилъ его и оторвалъ змѣю 2 головы. «Пойдемъ, выпьемъ вина, такъ какъ становится жарко»! говоритъ змѣй.—«Люди изъ солнечнаго міра не дерутся, выпивши вина»! Теперь подожди моего нападенія»! сказалъ змѣй и, свивши свой хвостъ вдевятеро, выпустилъ его и перерубилъ противъ сердца середину руки Ивана Сарчыка. Павши въ безчувствіе, онъ черезъ нѣкоторое время пришелъ въ себя. Дѣвица, сидѣвшая въ золотомъ домѣ, пришла съ большимъ платкомъ, перевязала имъ руку Ивана Сарчыка. Взявши бѣлаго молока отъ бѣлой коровы, она напоила его. Теперь Иванъ Сарчыкъ сталъ красавцемъ, и сила у него какъ будто прибавилась. «Теперь подожди моего нападенія»! говоритъ онъ змѣю. Витой, крученый свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и выпустилъ. Кнутъ разлетѣлся и оторвалъ змѣю 5 головъ. Змѣй остался теперь только о 5 головахъ. «Ахти, становится жарко, Иванъ Сарчыкъ! пойдемъ и выпьемъ одну бочку вина»!—«Какъ люди, живущіе въ солнечномъ мірѣ, мы не деремся, выпивши вина»! Змѣй говоритъ: «Теперь подожди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ вдевятеро, змѣй выпустилъ его по направленію къ Ивану Сарчыку. Хвостъ ударился о грудь его. Сарчыкъ упалъ на землю. Та дѣвица прибѣжала и опять напоила его молокомъ. Сарчыкъ говоритъ: «Теперь подожди моего нападенія»! Онъ сложилъ вдевятеро свой кнутъ, сдѣланный изъ крученыхъ ремней, и пустилъ его. Пять головъ отлетѣли всѣ сразу, и змѣй пропалъ. Та дѣвица бѣжитъ и, подскакивая, говоритъ: «Ты-мой, а я-твоя»! Она смѣется и радуется. Теперь они идутъ въ домъ. Ночевали. Утромъ собираются идти домой. Выйдя изъ того дома, Иванъ Сарчыкъ идетъ и оглядывается на тотъ домъ. Дѣвица спраши-

ваетъ: «нравятся ли тебѣ домъ и амбаръ»?—«Хоть они и нравятся, но глаза мои насмотрѣлись на нихъ! Какъ ихъ взять съ собою»? Та дѣвица отвѣчаетъ: «Я возьму ихъ»! Вытащила она изъ кармана бѣлый платокъ и помахала имъ туда и сюда. Домъ и амбаръ вошли въ платокъ. Дѣвица свернула свой платокъ. Теперь идутъ они къ средней сестрѣ. Придя, они вошли и ночевали. Утромъ они собираются идти втроемъ. Идутъ. Идя, тотъ парень опять оглядывается на серебряный домъ. «Не любуешься ли ты»? спрашиваетъ средняя сестра.—«Хотя и любуюсь, но глаза мои насмотрѣлись»!—«Я найду средство унести ихъ»! Сказала она и, вытащивъ изъ кармана бѣлый платокъ, развернула его. Домъ и амбаръ вошли въ него, и она свернула платокъ. Идутъ къ мѣдному дому. Вошли и, войдя, ночевали. Теперь они вчетверомъ. Утромъ они идутъ. Этотъ парень Иванъ Сарчыкъ оглядывается, любуясь домомъ. «Нравятся ли тебѣ этотъ домъ и амбаръ»? Спрашиваетъ старшая изъ сестеръ.—«Хоть они и нравятся, но глаза мои насмотрѣлись на нихъ! Какъ ихъ унести съ собою»? Вытащивъ изъ кармана бѣлый платокъ, она помахала имъ туда и сюда и, собравши въ него, свернула. Теперь они идутъ вчетверомъ; идутъ они по направленію къ тому мѣсту золотой скалы, гдѣ поставлена лѣстница. Пришли къ тому мѣсту, гдѣ надо спускаться. Сарчыкъ хочетъ спустить прежде всего старшую сестру. Не желая спускаться вмѣстѣ. они рѣшили спускаться по одному. Сарчыкъ спустилъ старшую сестру. Парни (молодцы), находившіеся на землѣ: Улугъ Иргекъ, Кичигъ Иргекъ и караульщикъ, отбиваютъ другъ у друга старшую сестру. Парень, умерщвлявшій своимъ свистомъ людей, сталъ между ними начальникомъ и взялъ старшую сестру себѣ. Сарчыкъ спустилъ среднюю сестру. Средняя сестра спустилась. Когда она спустилась, ее также отнимаютъ другъ у друга. Караульщикъ беретъ ее себѣ, а давешнюю старшую сестру отдаетъ Улугъ Иргеку. Караульщикъ, ставши хозяиномъ, распоряжался по своей волѣ. Теперь Сарчыкъ спустилъ младшую сестру. Когда она спустилась, караульщикъ снялъ лѣстницу. Иванъ Сарчыкъ лишился возможности спуститься и онъ остался здѣсь, на верху золотой скалы. Подобно небу онъ гремитъ тамъ и подобно барсу реветъ. Караульщикъ взялъ самую младшую сестру самъ, старшую отдалъ Улугъ Иргеку, а среднюю сестру—Кичигъ-Иргеку. Караульщикъ заставляетъ тѣхъ двухъ братьевъ молиться Богу и поклясться, спрашивая: «Будете ли меня называть Иваномъ Сарчыкомъ? Если только будете такъ называть, лижите землю! Если не будете, то я умерщвлю васъ своимъ свистомъ»!—«Мы будемъ говорить, что этихъ дѣвицъ привезъ Иванъ Сарчыкъ»! Они ѣдутъ къ царю. Царь спрашиваетъ: «Кто привезъ моихъ дочерей»?—«Привезъ Иванъ Сарчыкъ съ золотой скалы»!—«Ты ли привезъ, Иванъ Сарчыкъ»?—«Караульщикъ отвѣчаетъ: «Да, я привезъ»! Царь, ведя ложнаго Ивана Сарчыка за руки, приводитъ его въ глубь горницъ и угощаетъ его тамъ лучшимъ изъ кушаній и крѣпчайшимъ изъ винъ. Пусть они остаются здѣсь, а я (разскашикъ) отправлюсь на верхъ золотой скалы. Истинный Иванъ Сарчыкъ ходитъ понапрасну, не находя средства спуститься. Онъ отправился къ давешнему мѣдному дому и пошелъ дальше. Пришелъ къ серебряному дому и пошелъ дальше. Пришелъ онъ къ золотому дому и пошелъ дальше. Стоитъ большой

золотой домъ. Идетъ онъ по направленію къ тому дому. Подойдя, онъ вошелъ въ него. Когда онъ вошелъ, тамъ сидитъ вѣдьма (соб. женщина безъ тѣла)[1]). Онъ увидѣлъ, что у нея глазъ нѣтъ. «Какъ ты лишилась своихъ глазъ, старушка»?—«Сыновья лишили меня глазъ изъ-за своей злости»?—«Гдѣ твои сыновья»—«Какъ пойдешь отсюда, у одного есть золотой домъ и золотой амбаръ; пойдешь дальше, у другаго есть серебряный домъ и серебряный амбаръ; пойдешь еще дальше, у третьяго есть домъ и амбаръ изъ красной мѣди. Это-мои сыновья»! Истинный Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Я не знаю этихъ людей! Можешь ли спустить меня съ этой земли, старушка»? Если бы были у меня глаза, то я спустила бы. Почему же и не спустить? Принеси мнѣ лѣкарства для исцѣленія глазъ»!—«Гдѣ это лѣкарство»?—«Пойдешь отсюда, будетъ вода—горный потокъ. На немъ будетъ водопадъ. Лекарство подъ этимъ водопадомъ, въ двухъ бутылкахъ». Иванъ Сарчыкъ отправился. Идетъ онъ по направленію къ указанному мѣсту. Когда онъ шелъ по голой степи, стоитъ желѣзный дворъ. Идетъ онъ возлѣ того двора. Когда онъ проходилъ мимо, внутри двора стоитъ сивый конь. Проходитъ мимо того сиваго коня. Тотъ конь кричитъ, говоря: «Иванъ Сарчыкъ иди сюда, сюда»! Поворачиваетъ онъ къ тому сивому коню. Разломавъ желѣзную изгородь, онъ входитъ внутрь двора. Войдя и подойдя близко, онъ осматриваетъ коня. Конь былъ высокій. На спинѣ его было нагружено 100 пудовъ мелкихъ камней и песку. Тотъ сивый конь говоритъ человѣчьимъ голосомъ: «Сними съ меня этотъ грузъ, дойдетъ до тебя за это какое-нибудь добро отъ меня»! Онъ спихнулъ весь грузъ и вывелъ коня изъ желѣзнаго двора. Сивый конь говоритъ: «Постой, послѣ поговоримъ! Наполню я брюхо проголодавшееся и покормлю тѣло оттощавшее! Поѣмъ травы на горѣ Сюбюръ[2]) и попью воды изъ молочнаго озера»! Онъ опустилъ коня, и конь убѣжалъ. Прошло много ли, мало ли времени, конь сюда же прибѣжалъ. «Не слушай словъ вѣдьмы»! говоритъ конь, «здѣсь есть мастеръ! Ты закажи этому мастеру сдѣлать желѣзныя скобы на руки и на ноги вѣдьмы»! Теперь онъ дѣлаетъ заказъ. Тотъ конь говоритъ дальше: «Заставь мастера расплавить чугунъ»! Сказалъ онъ это послѣ того, какъ желѣзныя скобы были готовы. Плавитъ мастеръ чугунъ. «Ты пригвозди желѣзными скобами вѣдьмины ноги и руки къ полу»! говоритъ сивый конь. «Зачѣмъ ты такъ прибиваешь»? скажетъ вѣдьма, а ты отвѣчай ей: «хочу полѣчить тебѣ глаза»! и вылей расплавленный чугунъ ей на глаза. Если ты такъ не поступишь, то нѣтъ болѣе средствъ убить ее. Не поддавайся ея обману»! Иванъ Сарчыкъ отправился къ вѣдьмѣ; придя, сказалъ ей: «Ложись на спину»! И сталъ приковывать ее къ полу желѣзными скобами. Вѣдьма та спрашиваетъ: «Зачѣмъ такъ приковываешь, дитя мое»?—«Я хочу вылечить тебѣ глаза»! Онъ приковалъ ее и такъ оставилъ. Теперь онъ влилъ ей на глаза расплавленный чугунъ.

---

[1]) Кӯкатъ.

[2]) Гора Сюбюръ (по-монг. [illegible]) по понятіямъ буддистовъ находится въ подземномъ царствѣ и служитъ обиталищемъ боговъ.

Голосъ вѣдьмы не похожъ на человѣческій голосъ. Кричитъ она сильно. Вѣдьма бьется и трясется. Бьется она такъ сильно, что трясется весь домъ и чуть-чуть не разваливается. Вѣдьма испустила духъ. Сивый конь говоритъ Ивану Сарчыку: «Теперь спущу тебя съ золотой скалы»! и сказалъ: «Садись на меня»! Онъ сѣлъ. Конь мчится такъ сильно, что если сказать «летитъ»,—нѣтъ размахиванія крыльями; если сказать «бѣжитъ»—нѣтъ перебиранія ногами. Прошло мало ли, много ли времени, тотъ сивый конь говоритъ: «посмотри, посмотри глазами»! Когда онъ посмотрѣлъ, они спустились уже на землю. Прибылъ онъ къ царю. Слѣзъ съ коня и идетъ къ царю. Превратилъ онъ себя въ плѣшиваго парня, одѣтаго въ армякъ. Пойдя, вошелъ къ царю. Когда онъ вошелъ, царь устраиваетъ свадьбу: младшую сестру онъ отдаетъ за ложнаго Сарчыка. Посмотрѣлъ онъ на ложнаго Сарчыка, который ходилъ въ царскомъ одѣяніи. Упомянутому сейчасъ плѣшивому парню подносятъ вина, говоря: «Ты пришелъ какъ разъ на пиръ»!—«Я не пью вина изъ чашки! Поднесите мнѣ вина, наливъ его въ желѣзное ведро»!—«Когда принесли ему въ желѣзномъ ведрѣ, онъ все вытянулъ. Вытянувъ все, онъ опьянѣлъ и упалъ на спину. Опьянѣвши, онъ лежитъ, обнажившись, на спинѣ. Бѣлый платокъ младшей изъ сестеръ оказался перевязаннымъ вокругъ руки дѣйствительнаго Сарчыка. Та дѣвица узнала свой платокъ. Три сестры, увидѣвши свой платокъ, узнаютъ его и говорятъ своему отцу: «Вотъ нашъ платокъ, мы узнаемъ его! Вотъ настоящій Сарчыкъ, спустившій насъ съ золотой скалы»! Младшая сестра говоритъ: «Когда онъ дрался съ двѣнадцатиглавымъ крылатымъ змѣемъ, змѣй ранилъ ему руку, которую я и перевязала»! Царь повѣрилъ теперь своимъ дочерямъ. Умерщвляющаго людей своимъ свистомъ караульщика царь вывелъ за руки на улицу и сказалъ солдатамъ: «Перерубите ему шею»! Они послушались и исполнили: увели его и отрубили ему шею. Давешній плѣшивый парень теперь рекомендуетъ себя, и царь отдаетъ за него свою младшую дочь, говоря: «Будь вмѣсто меня царемъ»! Среднюю дочь онь выдалъ за Кичигъ Иргека, а старшую за Улугъ Иргека. Тѣ дѣвицы сдѣлали теперь посредствомъ платковъ: золотой домъ съ амбаромъ, серебряный домъ съ амбаромъ и мѣдный домъ съ амбаромъ. Теперь остались они тамъ жить.

Н. Катановъ.

4. Логученская сказка о 3 братьяхъ-богатыряхъ.

Начинается повѣствованіе, слѣдуетъ слушать. Въ древнее время былъ одинъ бѣдный человѣкъ, имѣвшій трехъ сыновей. У этихъ людей была единственная кобыла, переходившая къ нимъ изъ рода въ родъ. Эта кобыла каждую ночь рождала по золотому жеребенку. Всякій разъ, когда она рождала золотаго жеребенка, не извѣстно откуда являлось какое-то существо и, не показываясь на глаза людямъ, похищало (этого жеребенка). По прошествіи нѣкотораго времени каждый изъ этихъ сыновей сдѣлался большимъ. Самаго

младшаго сына звали Ярту-башъ богатыремъ[1]) (богатырь съ половинною головою). Они ходили въ школу. Когда самый младшій достигъ семилѣтняго возраста, то самый старшій братъ сказалъ однажды самому младшему: «Ты сегодня не ходи въ школу, потому что отецъ говоритъ: «Если мы отнимемъ изъ золотыхъ жеребятъ хоть одного, то ни намъ не израсходавать, когда возмужаютъ эти 3 сына, ни внукамъ». Должно быть, въ нашемъ домѣ есть что-нибудь особенное. Ты, братецъ, до возвращенія нашего изъ школы спроси сегодня у нашего отца, сидя и играя подлѣ него, все по правдѣ, такъ какъ ты меньше всѣхъ насъ. Ты спроси его какъ слѣдуетъ, что происходитъ въ нашемъ домѣ!» Упомянутый мальчикъ, не пошедши сегодня въ школу, сказалъ, когда прошло достаточно времени, своей матери: «О мама! испеки мнѣ горячаго хлѣба!» (Потомъ) мать испекла ему на душникѣ (джамбиль) горячій (паровой) хлѣбецъ Мальчикъ взобрался на крышу и усѣлся у дымника дома. Когда хлѣбъ испекся, то мать сказала: «О дитя мое! Спустись въ домъ и ѣшь свой хлѣбъ! «Этотъ мальчикъ сказалъ: «Ой, мама! я буду ѣсть хлѣбъ тутъ и стану смотрѣть на школу! подай мнѣ (хлѣбъ) черезъ дымникъ!» Мать его взяла одинъ хлѣбъ и только-что протянула (его) черезъ дымникъ своему сыну, какъ сынъ схватилъ хлѣбъ вмѣстѣ съ рукою матери и вытащилъ (мать) на-верхъ. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Ей мама! Если сегодня ты не разскажешь мнѣ о томъ, что происходитъ въ домѣ, то я, не выпуская твоей руки, оторву ее тутъ-же прочь! Ты должна разсказать мнѣ все по правдѣ!» Мать сказала: «О, дитя мое! Въ нашемъ домѣ нѣтъ ничего особеннаго!» Мальчикъ сказалъ: «Неужели мы такъ бѣдны? Неужели у насъ въ домѣ нѣтъ ничего на расходы?» — «Есть одна племенная кобыла! Выводи ее и продай!» сказала мать. Мальчикъ спросилъ: «Какими особенностями отличается эта кобыла?» Мать отвѣчала: «Отъ этой кобылы каждую ночь рождается по золотому жеребенку! (Но) никоимъ образомъ нельзя завладѣть имъ!» Мальчикъ сказалъ: «Почему же нельзя завладѣть жеребенкомъ?» Мать отвѣчала: «Когда она рождаетъ (жеребенка), только тогда и видимъ его! Онъ остается (на нашихъ глазахъ) только на одинъ часъ, а потомъ исчезаетъ!» Мальчикъ отпустилъ затѣмъ руку матери. Спустившись затѣмъ съ крыши, онъ пошолъ въ школу къ своимъ старшимъ братьямъ. Пришедши въ школу, онъ сказалъ своимъ старшимъ братьямъ: «О, старшіе братья! Въ нашемъ домѣ, оказывается, есть что-то особенное! Если теперь, употребивши всѣ свои силы, мы поймаемъ этого вора, то впослѣдствіи, кажется, мы сдѣлаемся царями!» Старшій братъ сказалъ: «О, младшій братъ мой, что-же особеннаго есть въ нашемъ домѣ?» Этотъ Ярту-башъ сказалъ своимъ старшимъ братьямъ: «Паршивая кобыла, находящаяся въ нашемъ домѣ, оказывается, рождаетъ золотыхъ жеребятъ. Каждую ночь, какъ только рождается жеребенокъ, неизвѣстно откуда является какая-то рука и похищаетъ (его). Я подвѣсилъ свою мать къ дымнику (дома), и только тогда она разсказала мнѣ!» Упомянутые два старшіе брата, не мог-

---

[1]) يارطوباش باطور

ли просидѣть въ школѣ до вечера, вернулись домой пораньше. Эти старшіе брата пришли и спросили у своей матери: «Эй, мама! по какой причинѣ Вы не разсказывали намъ о томъ, что эта лошадь рождаетъ золотыхъ жеребятъ?» Мать отвѣчала: «О, дитя мое! Я не говорила вамъ объ этомъ потому, что вы еще малыя дѣти, и я боялась, какъ-бы вы, желая завладѣть золотымъ жеребенкомъ, не подверглись какому-нибудь несчастію!» Старшій сынъ сказалъ: «Лягши сегодня ночью подъ ясли, я стану наблюдать и отниму золотаго жеребенка!» Мать сказала: «О, дѣти мои, ни у одного изъ васъ не хватитъ (на это) силъ! Если потерпите еще нѣсколько лѣтъ, то, можетъ быть, только тогда хватитъ вашихъ силъ!» Старшій сынъ, не соглашаясь (съ этимъ), сказалъ: «Наблюдая сегодня ночью, я овладѣю нѣсколькими золотыми жеребятами!» Съ этими словами онъ взялъ въ руку саблю и, забравшись подъ ясли, сталъ (тамъ) лежать. Когда наступила половина ночи, упомянутая кобыла родила одного золотаго жеребенка. По прошествіи одного часа этотъ жеребенокъ сталъ ходить туда и сюда, перешагивая черезъ свою мать. Когда этотъ мальчикъ лежалъ и смотрѣлъ, съ неба спустилась черезъ одинъ часъ одна рука величиною съ домъ и, схвативши этого золотаго жеребенка пятернею за спину, исчезла. Старшій сынъ, лежа подъ яслями и увидѣвши явившуюся (изъ воздуха) руку, испугался и, не будучи въ состояніи высунуть изъ-подъ яслей свою голову, лишился чувствъ. Потомъ мать, желая попровѣдать своего сына, пришла и увидѣла, что (онъ) лежитъ подъ яслями, полуобмерши и не будучи въ состояніи пошевелиться. Мать заколола овцу и, побивши ея легкими объ своего сына, приготовила одинъ котелъ пищи (чтобы народъ молился) за ея сына. Когда наступила затѣмъ слѣдующая ночь, средній сынъ сказалъ: «Лягу (теперь) я, потому что мой старшій братъ ничего не могъ сдѣлать!» Съ этими словами онъ легъ (подъ ясли). Когда наступила половина ночи, явилась какая-то рука и только-что протянулась подъ ясли, какъ разорвалось (*т. е.* испугалось) сердце того юноши. Отъ испуга и этотъ (юноша) сдѣлался полумертвымъ и безчувственнымъ. Явившаяся тутъ рука схватила и этого золотаго жеребенка и исчезла съ нимъ. Потомъ, когда прошелъ одинъ часъ, мать этого юноши сказала: «Пойду и попровѣдаю его!» Когда она пришла въ стойло, сынъ ея лежитъ, испугавшись еще больше своего старшаго брата; сынъ ея лежитъ навзничь, съ вытянутыми руками. Мать, увидѣвши его, сказала: «Эти дѣти, желая завладѣть золотымъ жеребенкомъ, поступаютъ съ собою такимъ образомъ и, умерши такъ, должно быть, всѣ изведутъ себя! Я напрасно сказала объ этомъ ребятамъ!» Съ этими словами она взяла юношу, принесла его (домой); положивши его (на землю), она и его обрызгала нѣкоторымъ количествомъ крови (бывшей на легкихъ). Въ слѣдующую ночь вошелъ (въ стойло) вышеупомянутый Ярту-башъ богатырь, достигшій семилѣтняго возраста, и, взявши въ руки кинжалъ, легъ подъ ясли и сталъ смотрѣть на кобылу. Когда спустя одинъ часъ кобыла только-что успѣла родить и онъ, быстро подбѣжавши, сталъ гладить голову и глаза золотаго жеребенка, то сначала явилась неизвѣстно откуда какая-то нога, и эта нога спустилась къ яслямъ, потомъ спустилась къ спинѣ жеребенка какая-то рука и только-что стала поднимать жеребенка, какъ вышеупомянутый Ярту-башъ

богатырь ударилъ разъ этого дива [1]) (нечистаго духа), хотѣвшаго утащить золотаго жеребенка, и отсѣкъ ему одну ногу какъ разъ у бедеръ. И послѣ этого (дивъ) не отдалъ жеребенка и исчезъ съ нимъ. Упомянутый мальчикъ, ухватившись за хвостъ золотаго жеребенка, прибылъ вмѣстѣ съ этимъ дивомъ за 3 мѣсяца пути. Этотъ дивъ, прилетѣвши въ одно мѣсто, спустился въ одно отверстіе (пещеру) горы. Ярту-башъ богатырь вернулся домой, воткнувши у этого отверстія одну изъ стрѣлъ своего лука. Потомъ Ярту-башъ богатырь пришелъ домой и сказалъ своимъ братьямъ: «Эй старшіе братья! Я вернулся сюда послѣ того, какъ поставилъ знакъ у отверстія, въ которое скрылся похититель золотаго жеребенка! Не будетъ-ли хорошо, если мы отправимся теперь втроемъ и испытаемъ всѣ одинаково, что-бы тамъ ни случилось?» (Потомъ) Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Пойдемте!» и отправился съ ними (за поисками дива). Старшій братъ сказалъ: «О, младшій братъ! Къ одной ногѣ, которую ты отсѣкъ у дива въ стойлѣ, приходитъ народъ страны и въ теченіе 4 мѣсяцевъ беретъ ее (по частямъ) на лѣкарство и неможетъ выбрать всего. Сегодня съ царемъ во главѣ придетъ народъ страны и, вынесши ногу этого дива, выброситъ ее (за городъ). Каждый день приходятъ многія тысячи народа и не могутъ эту одну ногу сдвинуть даже съ мѣста. Полюбовавшись сегодня на это зрѣлище, отправимся потомъ утромъ къ отверстію (куда скрылся дивъ)!» Упомянутый Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Неужели вы оба въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не могли поднять и одной ноги? Считая себя богатырями, какъ же вы не можете поднять одной ноги и выдаете себя за богатырей? Ладно, когда утромъ соберется народъ страны съ царемъ во главѣ, я полюбуюсь на это зрѣлище и потомъ отправлюсь (въ путь)!» Съ этими словами онъ остался еще на день. Когда наступило утро слѣдующаго дня, отъ царя идутъ разнообразные люди. Между тѣмъ Ярту-башъ богатырь залѣзъ на крышу, и сталъ смотрѣть оттуда на стойло. По истеченіи нѣкотораго времени пришелъ въ зто-же мѣсто (стойло) и царь со своими людьми. Царь сказалъ: «Берите эту ногу дива! Тащите ее на улицу и бросьте,—кто хочетъ употреблять ее на лѣкарство, пусть тотъ и беретъ ее тамъ (*т. е.* на улицѣ)!» Но народъ страны пришелъ и, взявшись за эту ногу, не могъ ее сдвинуть даже съ мѣста. Упомянутый Ярту-башъ богатырь улыбнулся и сказалъ: «Васъ такое множество народа, и вы не можете вытащить одной ноги! Станьте вы подальше!» Съ этими словами Ярту-башъ богатырь схватилъ эту ногу обѣими руками и такъ швырнулъ ее, что она упала за городомъ. Потомъ царь сказалъ: «Этотъ самый мальчикъ, будучи еще семилѣтнимъ юношей, отрубилъ ногу дива на-прочь! Когда онъ будетъ большимъ мужчиною, то сдѣлается, надо думать, очень сильнымъ богатыремъ!» Съ этими словами царь отправился туда (домой). Ярту-башъ богатырь отправился потомъ со своими старшими братьями въ ту сторону, куда скрылся дивъ. Пробывши въ дорогѣ нѣсколько дней, они прибыли къ пещерѣ дива. Эти братья стали говорить другъ другу: «Который изъ насъ спустится въ это отверстіе?» Стар-

---

[1]) ديو (перс.)—демонъ.

шій братъ сказалъ: «Спустите меня,—попробую спуститься первымъ я!» Привязавши своего старшаго брата къ аркану, они спустили его въ колодецъ (пещеру). Спустя одинъ часъ этотъ старшій братъ сталъ кричать благимъ матомъ, говоря: «Вытащите меня!» Когда вытащили его наверхъ, средній братъ сказалъ: «Спущусь (теперь) я!» и потомъ спустился. Спустя одинъ часъ сталъ кричать изо всѣхъ силъ и средній братъ, говоря: «Ой пепъ-пепъ! Вытащите меня поскорѣе!» Такъ онъ сталъ вопить. Старшій и младшій братья, вытащивши потомъ средняго брата, увидѣли, что ноги и руки этого брата совершенно сгорѣли. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Спустите меня! Когда я буду говорить пепъ-пепъ, вы спустите меня еще дальше; если аркана не хватитъ, то опустите его совсѣмъ!» Съ этими словами Ярту-башъ богатырь спустился въ упомянутый колодецъ. Потомъ этотъ юноша, спустившись въ него, увидѣлъ, что тамъ есть всякаго рода садики, постоялые дворы и дома. Въ одномъ домѣ сидитъ дивъ. Упомянутый юноша вошелъ и сдѣлалъ ему привѣтствіе, говоря: «Миръ Вамъ!» Этотъ дивъ отвѣчалъ: «И Вамъ миръ, идите сюда!»

«Ваше привѣтствіе
«Одинъ пріемъ!
«И сами въ полдень
«Одинъ пріемъ!

(*т. е.* Вы сказали мнѣ привѣтствіе въ одинъ пріемъ, за это я съѣмъ Васъ въ полдень и тоже въ одинъ пріемъ). Затѣмъ этотъ дивъ сказалъ: «Эй дитя! Не ты-ли отрубилъ мнѣ одну ногу?» — «Я!» отвѣчалъ Ярту-башъ богатырь. Этотъ дивъ спросилъ: «Вступишь-ли со мною въ борьбу, или станешь стрѣляться?» Этотъ мальчикъ сталъ и сказалъ: «Что хочешь, то и буду дѣлать?» Упомянутый дивъ поднялся и боролся съ этимъ мальчикомъ 40 ночей и (40) дней; сваливши этого дива на землю, мальчикъ распоролъ ему животъ. Когда онъ, умертвивши этого дива, пришелъ въ одно мѣсто, (тутъ) стоятъ 3 дома. Когда о ъ вошелъ въ (эти) 3 дома, тамъ сидятъ 3 дѣвицы. Эти 3 дѣвицы, увидѣвши мальчика, подошли къ нему и, плача, повѣсились ему на шею. Эти дѣвицы сказали: «Всѣ мы трое—дочери трехъ царей! Насъ похитили и принесли сюда эти дивы!» Упомянутый мальчикъ сказалъ: «Какимъ образомъ можно умертвить этихъ дивовъ, которые похитили васъ?» Одна изъ дѣвицъ сказала: «У дива, который похитилъ меня, не достаетъ одного глаза, на лицѣ у него есть только одинъ глазъ. Душа его заключается въ этомъ единственномъ глазѣ. Если кто-нибудь хочетъ убить этого дива, тотъ долженъ попасть ему стрѣлою въ глазъ, и потомъ онъ умретъ!»—«Откуда онъ явится?» спросилъ (мальчикъ). Эта дѣвица отвѣчала: «Въ этомъ мѣстѣ есть одинъ мостъ. Когда ты залѣзешь подъ этотъ мостъ и станешь (тамъ) лежать, въ одно время пріѣдетъ верхомъ на золотомъ жеребенкѣ одинъ дивъ, и, когда онъ подъѣдетъ къ этому мосту, золотой жеребенокъ испугается и не захочетъ идти черезъ мостъ!» Потомъ (мальчикъ) отправился къ этому мосту, и дивъ спросилъ: «Кто ты такой? Станешь-ли ты стрѣляться, или бороться? Кто-бы ты ни былъ, выходи сюда!» Ярту-башъ богатырь вышелъ изъ-подъ моста и от-

правившись навстрѣчу диву, загородилъ ему дорогу. Потомъ онъ дрался съ этимъ дивомъ 3 ночи и (3) дня и, не могши никакъ одолѣть его, такъ прицѣлился ему прямо въ единственный глазъ стрѣлою лука, что онъ сейчасъ-же свалился съ коня и умеръ. Потомъ Ярту-башъ богатырь, сѣвши верхомъ на золотаго жеребенка, пріѣхалъ къ жилищамъ дивовъ и опять спросилъ у одной дѣвицы: «Что нужно сдѣлать, чтобы умеръ твой дивъ?» Эта дѣвица отвѣчала: «Наверху средины спины есть родимое пятно. Если этимъ родимымъ пятномъ онъ коснется земли, то сейчасъ-же умретъ!» Ярту-башъ богатырь опять забрался подъ упомянутый мостъ и сталъ тамъ лежать. Затѣмъ, когда прошелъ одинъ день, дивъ пригналъ къ этому мосту многія тысячи золотыхъ жеребятъ, сидя верхомъ на одномъ изъ нихъ. Потомъ золотые жеребята не захотѣли переходить черезъ мостъ, говоря, что отъ этого моста пахнетъ человѣческимъ существомъ. Затѣмъ этотъ дивъ сказалъ: «Что ты такое, находящееся подъ мостомъ? Станешь-ли ты стрѣляться со мною, или рубиться, или бороться? Если ты-мущина, то выходи сюда!» Ярту-башъ богатырь вышелъ и сказалъ: «Я стану поступать съ тобою, какъ только будетъ тебѣ угодно! Слѣзай со своего коня!» Дивъ спустился затѣмъ съ коня и боролся съ упомянутымъ юношей безъ всякаго отдыха въ теченіе 7 ночей и (7) дней. Потомъ пришли вышеупомянутыя 3 дѣвицы и, соединившись всѣ трое, помогли Ярту-башъ богатырю сбить дива съ ногъ. Затѣмъ, взявши золотыхъ жеребятъ, онъ опять отправился къ домамъ упомянутыхъ дивовъ Онъ опять спросилъ у одной дѣвицы: «Какъ нужно поступить съ твоимъ дивомъ, чтобы онъ умеръ?» Эта дѣвица отвѣчала: «На правой ногѣ моего дива есть родимое пятно! Если онъ упадетъ этимъ пятномъ на землю, то умретъ сейчасъ-же!» Когда Ярту-башъ богатырь залѣзъ подъ упомянутый мостъ и усѣлся, по истеченіи одного дня опять пріѣхалъ одинъ дивъ, гоня многія тысячи золотыхъ жеребятъ и сидя на одномъ изъ нихъ. Эти жеребята не осмѣлились перейти черезъ мостъ, говоря: «Пахнетъ человѣческимъ существомъ!» Упомянутый дивъ сказалъ: «Кто-бы ты ни былъ, сидящій подъ мостомъ, выходи сюда! Хочешь-ли ты стрѣляться, или рубиться?» Ярту-башъ богатырь опять выбѣжалъ. Выбѣжавши оттуда, онъ боролся съ упомянутымъ дивомъ 9 ночей и (9) дней. Тѣмъ временемъ дивъ сказалъ этому мальчику: «Эй мальчикъ! Не хочешь-ли попить вод ?» Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Если хочешь пить ты, пей, а я не хочу пить! Я посмотрю, какъ ты станешь пить!» Этому диву чрезвычайно сильно захотѣлось пить, — онъ выпилъ изъ одного озера всю воду. Ярту-башъ богатырь, приложившись ртомъ къ водѣ, выпилъ немного. Потомъ, поднявшись, они снова вступили въ борьбу. Потомъ Ярту-башъ богатырь такъ ударилъ этого дива разъ объ землю, что онъ тутъ-же растянулся. Отрѣзавши этому диву голову, онъ убилъ и ее. Потомъ пріѣхавши къ домамъ дивовъ, онъ взялъ трехъ дѣвицъ, многія тысячи золотыхъ жеребятъ и отправился къ своимъ старшимъ братьямъ. Братья его залѣзли въ одну яму и дѣлятъ между собою пустяки (*букв.* испражненіе) говоря: «Тебѣ досталось много, а мнѣ досталось мало!» Ярту-башъ богатырь, увидѣвши это, насытилъ своихъ братьевъ мясомъ и сказалъ: «О, старшіе братья мои! Я, спустившись въ этотъ колодецъ, убилъ трехъ дивовъ, отнялъ

у нихъ и золотыхъ жеребятъ и этихъ трехъ дѣвицъ, убивши ихъ дивовъ!» Старшіе братья сказали: «Вышло очень хорошо! Отправимтесь теперь домой!» Когда они съ этими словами отправились въ дорогу и пробыли въ степи нѣсколько дней, то старшіе братья сказали однажды: «Остановимтесь въ одномъ мѣстѣ и, устроивши тутъ завтракъ, поѣдимте пищи и потомъ отправимтесь!» Потомъ старшіе братья, сѣвши верхомъ на золотыхъ жеребятъ, отъѣхали подальше, и старшій братъ сказалъ среднему: «Эй, младшій братъ мой! Если этотъ Ярту-башъ, овладѣвши тремя дѣвицами и такимъ количествомъ золотыхъ жеребятъ, пріѣдетъ къ нашему отцу и скажетъ, что досталъ ихъ онъ, то неужели мы станемъ смотрѣть на это (хладнокровно)? Не будетъ-ли хорошо, если устроимъ съ нимъ что-нибудь и тутъ-же уничтожимъ его!» Посовѣтовавшись такъ, они вошли въ палатку какъ разъ въ то время, когда Ярту-башъ богатырь и три дѣвицы спали прекраснымъ сномъ. Они сказали: «Сдѣлаемъ съ нимъ что-нибудь!» и, взявши кинжалъ Ярту-башъ богатыря, привязали (кинжалъ) у дверей палатки поперекъ. Затѣмъ, когда наступила глубокая ночь, старшій братъ крикнулъ: «Ой, братецъ! Пришелъ воръ и увелъ золотыхъ жеребятъ!» Когда онъ крикнулъ такъ, Ярту-башъ богатырь всталъ полусонный и, быстро побѣжавши, направился къ двери. Наткнувшись обоими колѣнами на кинжалъ (мечъ), Ярту-башъ богатырь лишился обѣихъ ногъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь сказалъ: «О, мои старшіе братья! неужели вы такъ поступили со мною?» Съ этими словами онъ сильно зарыдалъ и сѣлъ, а два старшіе брата, взявши трехъ дѣвицъ и золотыхъ жеребятъ, поѣхали (домой). Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Эй, мои старшіе братья! Не уѣзжайте, бросивши меня такъ! Дайте мнѣ мой лукъ и стрѣлы, а изъ дѣвицъ дайте одну!» Средній братъ сказалъ: «Какъ-бы то ни было, досталъ ихъ онъ,— отдадимъ ему лукъ!» Затѣмъ старшій братъ отдалъ ему лукъ и младшую изъ дѣвицъ. Когда этотъ Ярту-башъ богатырь ѣхалъ (раньше) по степи, онъ нашелъ (тогда) одного маленькаго щененка. Потомъ Ярту-башъ остался здѣсь съ одною дѣвицею и съ однимъ щененкомъ. Братья уѣхали, взявши двухъ дѣвицъ и золотыхъ жеребятъ. Затѣмъ Ярту-башъ богатырь сталъ стрѣлять изъ лука сернъ, оленей и изюбрей, ходившихъ по степи, а упомянутый щененокъ съ одной и дѣвица съ другой стороны стали таскать (добычу). Потомъ они втроемъ стали жарить ихъ и ѣсть. Въ одинъ изъ дней (кто-то) сталъ преслѣдовать, бить и гнать съ одной стороны степи волковъ, тигровъ, медвѣдей, дикихъ коней и всѣхъ вообще дикихъ звѣрей. Изъ этихъ животныхъ, (неизвѣстно кѣмъ) гонимыхъ, Ярту-башъ богатырь, сидя, застрѣлилъ изъ лука нѣкоторое количество оленей и изюбрей. По прошествіи нѣкотораго времени (онъ увидѣлъ) бѣжитъ быстро какой-то человѣкъ, лишенный обоихъ глазъ. Человѣкъ, неимѣющій глазъ, спросилъ: «Какой ты человѣкъ, осмѣливающійся стрѣлять нашихъ животныхъ?» Ярту-башъ богатырь отвѣчалъ: «Мои старшіе братья отрубили мнѣ ноги и покинули меня, потомъ я остался съ этою дѣвицею и этимъ щененкомъ! Поэтому-то я и стрѣляю (животныхъ), чтобы ѣсть (ихъ)!» Имя этого безглазаго человѣка было Югрюкъ-батуръ [1]) (скороходъ-богатырь). Югрюкъ-батуръ сказалъ: «И мои старшіе братья

[1]) يوكروك باطور

суть такія братья, которые ослѣпили меня, и я по этой причинѣ остался въ пустынѣ одинъ. Будь ты (мнѣ) старшимъ братомъ, а я буду (тебѣ) младшимъ братомъ, и станемъ жить въ степи вмѣстѣ!» Когда прошло затѣмъ еще нѣсколько дней, съ одной стороны пришелъ и другой человѣкъ, не имѣющій обѣихъ рукъ. Этотъ человѣкъ шелъ и гналъ дикихъ животныхъ: волковъ и тигровъ, оленей и изюбрей. Югрюкъ-батуръ переловилъ и перетащилъ всѣхъ дикихъ звѣрей, которыхъ гналъ тотъ человѣкъ. Потомъ пришелъ находившійся за ними безрукій человѣкъ и сказалъ: «Кто осмѣливается перехватывать моихъ звѣрей?» Ярту-башъ богатырь и Югрюкъ-батуръ разсказали ему все, что видѣли со стороны своихъ старшихъ братьевъ. И этотъ безрукій человѣкъ сказалъ имъ двоимъ: «Буду я вамъ младшимъ братомъ! Станемте втроемъ жить въ этой пустынѣ и коротать дни!»—«Ладно!» отвѣчали тѣ, и стали потомъ втроемъ ходить на охоту. Упомянутый безрукій сталъ носить Ярту-башъ богатыря на себѣ, а Югрюкъ-батуръ ходить вмѣстѣ съ ними. Если Ярту-башъ богатырь, сидя на безрукомъ, застрѣлитъ оленя или изюбря, то Югрюкъ-батуръ бѣжитъ и ловитъ (застрѣленное животное). Однажды передъ отправленіемъ на охоту Ярту-башъ богатырь сказалъ оставшейся дѣвицѣ: «Когда мы уйдемъ на охоту и въ палатку войдетъ кошка (или курица), то не говори кошкѣ «брысь» и курицѣ «пошла вонъ»!» Съ этими словами онъ отправился на охоту. Когда они отправились на охоту и дѣвица сидѣла дома, вошла одна кошка. Эта дѣвица сказала: «Попробую сказать этой кошкѣ «брысь»! что выйдетъ изъ этого?» и крикнула «брысь!»,—эта кошка пошла и, мокнувши хвостъ въ воду, потушила огонь упомянутой дѣвицы. Эта дѣвица сказала: «Какъ теперь поступить мнѣ?» и вышла поискать огня. Когда она, разыскивая огонь, пришла въ одно мѣсто, изъ ущелья одной горы поднимается дымъ. Дѣвица, увидѣвши это, пришла къ тому мѣсту, гдѣ былъ дымъ; и (тутъ) оказался домъ семиголовой (вѣдьмы) Ялмунузъ [1]). Когда эта дѣвица вошла, старуха сказала: «Идите сюда, дочь моя! Откуда вы пришли?» Эта дѣвица отвѣчала: «Въ этой степи у меня есть три старшіе брата. Я живу вмѣстѣ съ ними. Сегодня потухъ у меня огонь, и я пришла сюда взять огонь!» Старуха сказала: «Приготовьте мнѣ 40 блюдъ пищи!», и дѣвица приготовила ей въ одинъ часъ 40 блюдъ пищи. Эта дѣвица съѣла (только) одно блюдо, а старуха съѣла все остальное. Потомъ эта дѣвица сказала: «Я возьму огня!» Старуха отвѣчала: «Подставьте свои руки!» Дѣвица подставила ей обѣ руки, и (старуха) нагребла съ головы и дала этой дѣвицѣ въ одну руку несмѣтное количество вшей, а въ другую руку гнидъ, потомъ дала ей въ зубы огонь. Эта старуха сказала: «Вы идите и разбрасывайте по обѣ стороны дороги вшей и гнидъ, находящихся у васъ въ рукахъ!» Когда эта дѣвица пошла и стала разбрасывать вшей и гнидъ, по одну сторону дороги появились бѣлые тополи, а по другую сторону-черные тополи. Потомъ, когда наступило утро слѣдующаго дня и старшіе братья были на охотѣ

---

[1]) يالمونكوز по-киргиз. جالماوز (баба-яга)

упомянутая старуха пошла по этой тополевой дорогѣ и, пришедши къ дѣвицѣ, проколола ногу этой дѣвицы и высосала всю ея кровь. Сказавши потомъ: «Ты не разсказывай обо мнѣ своимъ старшимъ братьямъ!», эта старуха пошла къ себѣ домой. Затѣмъ старуха стала приходить каждый день и высасывать кровь этой дѣвицы. Наружность этой дѣвицы стала желтѣть изо дня въ день больше и больше. Ярту-башъ богатырь спросилъ: «О, дѣвица! Почему такъ пожелтѣло твое лице? Разскажи о себѣ всю правду!» Эта дѣвица отвѣчала: «Съ той стороны пришла одна семиголовая старуха Ялмунузъ и, проколовши мою подошву, стала высасывать мою кровь!» Ярту-башъ сказалъ: «Чѣмъ приходить въ такое положеніе, не лучше-ли было-бы тебѣ сказать намъ (объ этомъ)?» Дѣвица отвѣчала: «Когда потухъ огонь и я отправилась искать огня, мнѣ встрѣтилась упомянутая семиголовая (вѣдьма) Ялмунузъ! Вотъ почему я испугалась и не говорила вамъ!» Югрюкъ-батуръ поднялся и сказалъ: «Утромъ останусь дома я,—когда придетъ семиголовая Ялмунузъ, то я убью ее!» Съ этими словами Югрюкъ-батуръ остался утромъ дома. Потомъ по прошествіи нѣкотораго времени пришла и вышеупомянутая старуха, и сказала: «О, дѣвица, отъ дому (палатки) пахнетъ человѣческимъ тѣломъ!» Дѣвица сказала: «Идите бабушка! Здѣсь нѣтъ никого!» (Потомъ) эта старуха вошла къ дѣвицѣ. Какъ только стала старуха входить, Югрюкъ-батуръ поднялся и подскочилъ къ ней. Въ это время старуха взяла съ головы одинъ волосъ и, прочитавши (чудодѣйственныя) имена (Божіи) [1]), бросила (волосъ) къ ногамъ Югрюкъ-батура; этотъ волосъ обвился вокругъ рукъ и ногъ Югрюкъ-батура, и Югрюкъ-батуръ не былъ въ состояніи даже пошевельнуться. Потомъ эта старуха высосала кровь дѣвицы и ушла. Когда наступилъ вечеръ, Ярту-башъ богатырь спросилъ у Югрюкъ-батура: «Что было сегодня?» Югрюкъ-батуръ разсказалъ ему послѣдовательно обо всемъ происходившемъ. Затѣмъ, когда наступило слѣдующее утро, Безрукій богатырь остался дома, говоря: «Я останусь сегодня дома!» Когда наступилъ полдень, упомянутая старуха опять пришла и сказала: «Миръ Вамъ!» Когда Безрукій богатырь [1]) (Чолакъ-батуръ) побѣжалъ къ ней, старуха прочитала имена (Божіи) и, взявши одинъ изъ своихъ волосовъ, бросила (къ нему), и (волосъ), превратившись въ змѣю, обвился вокругъ ногъ и рукъ Безрукаго богатыря. Опять (она) высосала кровь этой дѣвицы и ушла. Только къ вечеру Безрукій богатырь едва могъ отвязаться отъ змѣи, обвившейся вокругъ его рукъ и ногъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь спросилъ: «Какое дѣло случилось сегодня?» И Безрукій богатырь разсказалъ ему послѣдовательно обо всемъ происходившемъ. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Утромъ останусь я!» Съ этими словами Ярту-башъ богатырь утромъ остался (дома). Когда наступилъ полдень, семиголовая (вѣдьма) Ялмунузъ пришла къ дверямъ и сказала: «О,

---

[1]) اسم اعظم или اسماء الله حسنى

[2]) چولاق باطور

дочь моя, сегодня, удивительно какъ, пахнетъ худо человѣческимъ тѣломъ!»—«Идите, нѣтъ вовсе никого!» отвѣчала дѣвица. Когда старуха, входя (въ палатку), только-что произнесла: «Миръ Вамъ!», Ярту-башъ богатырь подбѣжалъ на колѣняхъ и, сказавши: «О, приказаніе святаго, приказаніе Господа!», отрубилъ 6 штукъ головъ семиголовой вѣдьмы, и въ то время, когда осталась только одна голова, эта одноголовая Ялмунузъ скрестила (въ знакъ покорности) руки и сказала: «О, Ярту-башъ богатырь, Вы, оказывается богатырь, одаренный необыкновенной силой, силачъ великій,—я желаю подчиниться Вамъ! Изъ семи моихъ головъ осталась только одна голова, чего-же теперь я могу добиться? Если я проглочу какого-нибудь человѣка, у котораго сломаны ноги и руки, или который лишился языка, или обладаетъ какимъ-нибудь тѣлеснымъ недостаткомъ, то всѣ его (поврежденные) члены выйдутъ здоровыми! Если вы оставите меня теперь живою, то когда-нибудь я пригожусь Вамъ!» Говоря это, она стояла, скрестивши руки. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Въ такомъ случаѣ идите сюда, дѣвица и щененокъ, народъ мой!» (Потомъ) всѣ трое схватили внутри палатки одноголовую Ялмунузъ; собака стала держать Ялмунузъ за ноги, и всѣ четверо сдѣлались въ это время похрабрѣе и свалили одноголовую Ялмунузъ на землю. Связавши ей назадъ ноги и руки, они крѣпко спутали ее и положили (на землю). Когда день склонился къ вечеру, Югрюкъ-батуръ поднялъ Безрукаго богатыря и быстро принесъ его. Въ эту-же ночь старшій и младшіе братья втроемъ привязали одноголовую Ялмунузъ съ головы до ногъ мокрою конопляною веревкою къ тополю, имѣющему толщины 40 аршинъ, и заставили ее поклясться 99 разъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Ты проглоти разомъ насъ троихъ и изрыгни вполнѣ здоровыми. Въ противномъ случаѣ мы убьемъ тебя, муча отрѣзываніемъ тебѣ носа и ушей!» Эта одноголовая Ялмунузъ сказала: «Ну, пусть подойдетъ одинъ изъ васъ!» Ярту-башъ богатырь и Югрюкъ-батуръ вдвоемъ взяли сначала Безрукаго богатыря и положили его въ ротъ (вѣдьмы) Ялмунузъ. Эта Ялмунузъ проглотила его какъ кусокъ хлѣба и, производя въ животѣ урчанье то въ одной, то въ другой сторонѣ, черезъ одинъ часъ выпустила Безрукаго богатыря, сдѣлавши его чистымъ какъ чалму поклоненія (т. е. какъ снялъ рукою). Превративши его въ пятнадцатилѣтняго юношу и лице уподобивши лунѣ, (она) одарила его всякаго рода силою и способностью. Потомъ они вдвоемъ положили въ ротъ (вѣдьмы) Ялмунузъ Югрюкъ-батура. Затѣмъ Ярту-башъ богатырь сказалъ Безрукому богатырю и своей женѣ: «Ялмунузъ, проглотивши меня, не выпуститъ! Когда она не станетъ выпускать меня и когда вы всѣ трое возьмете въ свои руки кинжалы, то эта Ялмунузъ вырветъ (съ корнемъ) тополь и убѣжитъ! Если она, не пожелавши выпустить меня, побѣжитъ, то ты, жена, спрячь раньше подъ полою кинжалъ и скажи: «Ой, бабушка, и я пойду съ тобою,—распутаю твоѣ ноги и руки!» Послѣ этого она остановится,—ты подбѣги и, сказавши: «Приказаніе святаго (старца), приказаніе Господа!», ударь ее разъ кинжаломъ; но она не умретъ, если будешь принаравливаться ударить ее два раза! Если, распоровши брюхо этой Ялмунузъ, не разыщете меня сейчасъ же, то будетъ худо! Нельзя довольствоваться тѣмъ, что я буду находиться внутри ея!» Такъ

онъ заказывалъ имъ двоимъ. Потомъ, спустя одинъ часъ, (вѣдьма) выпустила Югрюкъ-батура, исцѣливши всѣ его члены, превративши его въ пятнадцатилѣтняго юношу и уподобивши полнолунію. Затѣмъ всѣ трое съ великимъ трудомъ положили Ярту-башъ богатыря въ ротъ (вѣдьмы) Ялмунузъ. Проглотивши потомъ Ярту-башъ богатыря, Ялмунузъ не стала выпускать его и чрезъ одинъ часъ. Старуха сказала: «Подождите еще немножко, — это не-слѣпые глаза. Выпустить его сейчасъ-же, это не-руки. Я выпустила васъ черезъ одинъ часъ, а объ Ярту-башъ богатырѣ ради васъ троихъ надо подумать три часа Такъ какъ и собака-вашъ товарищъ, то и ради нея надо подождать одинъ! часъ! Такъ какъ и я-ваша подчиненная, и за себя надо подумать одинъ часъ!» Старуха затягивала такъ свою рѣчь потому, что Ярту-башъ богатырь за то время не могъ свариться въ ея желудкѣ. А почему старуха такъ думала? Если онъ пробудетъ въ ея желудкѣ больше времени, то онъ дескать сварится. Вотъ съ какою цѣлью она не выпускала его, а затягивала рѣчь и толковала о часахъ. Юргюкъ-батуръ сказалъ: «Эй Ялмунузъ! Если ты хочешь выпустить Ярту-башъ богатыря, то выпускай его поскорѣе! Если не хочешь его выпустить, то сейчасъ-же всѣ трое станемъ рубить тебя!» Эта Ялмунузъ вырвала (съ корнемъ) тополь и побѣжала. Дѣвица сказала ей вслѣдъ: «Эй бабушка, бабушка! Такъ какъ и я подобно вамъ слабый человѣкъ (т. е. женщина), то возьмите и меня съ собою,—распутавши ваши ноги и руки, стану служить вамъ!» Эта старуха, оглядываясь назадъ, сказала: «Бѣги скорѣе, бѣги скорѣе!» Таща съ собою тополь, она пошла потихоньку, желая спастись. Тѣмъ временемъ дѣвица догнала эту старуху и такъ ударила старуху кинжаломъ разъ по головѣ, что голова ея отъ одного удара кинжаломъ слетѣла, какъ вѣтка яблони. Потомъ эти три человѣка распороли брюхо одноголовой Ялмунузъ и всѣ трое залѣзли внутрь вмѣстѣ съ собакою. Всѣ они вчетверомъ ходили и искали внутри брюха одноголовой Ялмунузъ 3 дня. Изъ каждаго угла ея брюха стали выходить многія-многія тысячи людей. Всѣ четверо исходили всюду и, не могши найти его, исполнились удивленія, они обошли (брюхо вѣдьмы), какъ городъ, и нигдѣ не могли найти его. Тѣмъ временемъ изъ носа Ялмунузъ показалась одна бѣлая пташка, которая пробыла тутъ одинъ мѣсяцъ. Эта старуха, оказывается, не желая убивать упомянутую пташку, берегла и кормила ее какъ въ клѣткѣ, вычистивши грязь изъ подъ когтя одного изъ пальцевъ руки. Эта пташка находилась подъ четвертымъ малымъ (безымяннымъ) пальцемъ правой руки, а Ярту-башъ богатыря (вѣдьма) спрятала, оказывается, въ оконечности мизинца, между ногтемъ и тѣломъ. Упомянутая пташка, находясь въ такой клѣткѣ, оказывается видѣла, что Ярту-башъ богатырь попалъ подъ ноготь мизинца. Въ то время, когда распороли брюхо семиголовой (вѣдьмѣ) Ялмунузъ, эта пташка, освободившись изъ клѣтки и не будучи въ состояніи вылетѣть изъ брюха, летѣла и встрѣтилась съ вышеупомянутыми четверыми и, прочирикавши: «Чирикъ, чирикъ, мизинчикъ!» пролетѣла мимо нихъ. Эти вчетверомъ залѣзли подъ ноготь мизинца и нашли Ярту-башъ богатыря въ кускѣ мяса, величиною въ одинъ домъ. Всѣ члены Ярту-башъ богатыря стали здоровы, и онъ сдѣлался пятнадцатилѣтнимъ юношей, уподобившись полнолунію, только мало ос-

талось у него души. Взявши оттуда Ярту-башъ богатыря, они лѣчили его 40 дней. Когда они втроемъ ходили (разъ) на охотѣ, Югрюкъ-батуръ сказалъ: «Такъ какъ теперь глаза мои исцѣлились, то мнѣ не отдохнуть какъ слѣдуетъ, если не побѣгаю одинъ день!» (Потомъ) Югрюкъ-батуръ сказалъ Ярту-башъ богатырю и Безрукому богатырю: «Вы втроемъ ходите на охоту, а я сегодня побѣгаю сколько-нибудь и, чтобы избавиться отъ опьяненія (т. е. отъ неподвижности), посмотрю нѣсколько городовъ!» Съ этими словами онъ убѣжалъ въ одну сторону. Въ тотъ-же день, когда солнце склонилось къ западу, онъ прибѣжалъ проворно съ другой стороны. Югрюкъ-батуръ сказалъ: «Я осмотрѣлъ сегодня города, сходивши за 3 мѣсяца пути. Въ одномъ городѣ объявилось два богатыря. Этихъ двухъ богатырей ни въ борьбѣ, ни въ дракѣ не можетъ никто превзойти. Въ другомъ городѣ объявилось двѣ дѣвицы. Эти дѣвицы на разстояніи 10.000 шаговъ повѣсили одинъ ярмакъ (мѣдную монету), говоря: «Кто попадетъ въ этотъ ярмакъ, тому дадутъ обѣщаніе выйти за-мужъ!» «Вотъ какія вещи я видѣлъ сегодня!» Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Въ такомъ случаѣ намъ слѣдуетъ отправиться въ этотъ городъ!» Когда они постановили такъ идти, Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Югрюкъ-батуръ пусть ведетъ меня и мою жену, а собака и Безрукій богатырь (Чолакъ-батуръ) пусть идутъ вслѣдъ за нами!» Чолакъ-батуръ сказалъ; «Ну въ такомъ случаѣ идите и залѣзайте на меня!» Ярту-башъ богатырь пришелъ и сѣлъ Безрукому богатырю на правое плечо. Дѣвица пришла и сѣла ему на лѣвое плечо. Остальные двое пошли сзади. Югрюкъ-батуръ, пробывши въ дорогѣ около часу, прибылъ къ одной горѣ. На вершинѣ этой горы, на одномъ чинарѣ, находились дѣти (птицы) Сурмукъ [1]). Дѣти этой Сурмукъ пожиралъ драконъ [2]). Упомянутые 3 богатыря, убивши и изрубивши дракона, вырѣзали изъ его спины два ремня и, повѣсивши ремни на чинаръ, мясомъ (дракона) стали кормить дѣтей Сурмукъ. Въ одинъ изъ дней Сурмукъ вернулась съ охоты и не стала подлетать къ своему дому. Сумрукъ сказала: «О, дѣти мои, сегодня удивительно какъ пахнетъ тѣломъ человѣческаго существа!» Эти дѣти отвѣчали: «Куда дѣвались твои дѣти, которыхъ ты рождала раньше?» Сумрукъ отвѣчала: «Есть одинъ драконъ, который каждый разъ пожиралъ вашихъ старшихъ братьевъ! Вотъ почему и нѣтъ ихъ съ вами!» Эти дѣти ея сказали: «Пришли 3 богатыря и, убивши этого дракона, изъ спины его вырѣзали находящіеся вонъ тамъ 2 ремня, а мясомъ его кормили насъ!» Мать сказала (имъ) потомъ: «Гдѣ же эти люди?—«Вотъ!» отвѣчали (дѣти) и выпустили изъ-подъ крыльевъ упомянутыхъ 4 человѣкъ и показали (ихъ) своихъ матери. Потомъ Сурмукъ спросила у этихъ людей: «Какое горе есть у васъ?» эти отвѣчали: «Наше горе состоитъ въ томъ, чтобы ты доставила насъ пятерыхъ, въ томъ числѣ и собаку, въ нашу собственную страну!»—«Нѣтъ-ли у васъ еще какого-нибудь горя? Если-бы вы попросились и

---

[1]) سورموق отъ перс. سیمرغ

[2]) اژدرها (перс.)

на седьмое небо, то и тогда я исполнила-бы вашу просьбу!» сказала (Сурмукъ). Упомянутые богатыри сказали: «Если ты доставишь насъ въ нашу страну, то будетъ достаточно!» — «Въ такомъ случаѣ идите сюда!» сказала (Сумрукъ) и, посадивши всѣхъ пятерыхъ къ себѣ на спину, доставила въ одинъ часъ на самую родину Ярту-башъ богатыря. Сумрукъ сказала: «Это вашъ собственный городъ! Если случится теперь съ вами какое-нибудь несчастіе, то коснетесь вонъ этимъ самымъ перомъ моего крыла своихъ головъ и скажите: «Сдѣлай меня такимъ, сдѣлай меня сякимъ!» Когда вы, говоря это, коснетесь (имъ) своихъ головъ, то получите все, чего только ни пожелаете!» Съ этими словами Сумрукъ вырвала изъ своего крыла одно перо и вернулась на свою сторону. Ярту-башъ богатырь, коснувшись своей головы этимъ перомъ, превратился въ худаго плѣшиваго человѣка. Ярту-башъ богатырь пришелъ въ свой собственный городъ и поступилъ къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру въ ученики. Когда вышеупомянутыя 3 дѣвицы уходили, покидая степь, то у каждой изъ этихъ 3 дѣвицъ было по одному перстню. Эти 3 дѣвицы, вручая свои перстни Ярту-башъ богатырю, сказали: «Если ты никогда не разставаясь съ ними, будешь носить ихъ при себѣ, то когда-бы то ни было всѣ четверо будемъ нахооиться въ одномъ домѣ!» Съ этими словами упомянутыя дѣвицы вручили Ярту-башъ богатырю 3 перстня. Когда этотъ Ярту-башъ богатырь, превратившись въ плѣшиваго юношу, поступилъ къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру въ ученики, то носились слухи: «Въ этой странѣ есть 2 дѣвицы, не имѣющія ни отца, ни матери. Эти дѣвицы достигли уже зрѣлаго возраста. Въ одномъ мѣстѣ онѣ повѣсили на нитку ярмакъ. Разстоянія отъ него онѣ назначили 10.000 шаговъ. Онѣ говорятъ: «Мы обѣ дадимъ согласіе выйти за-мужъ за того юношу, который попадетъ въ этотъ ярмакъ изъ ружья!» Такія слова слышалъ на базарѣ плѣшивый, ученикъ золотыхъ дѣлъ мастера. Вотъ эти упомянутыя двѣ дѣвицы наложили на золотыхъ дѣлъ мастера повинность, говоря: «Ты скуй намъ пару перстней!» Не будучи въ состояніи сковать этимъ дѣвицамъ перстни, какіе хотѣлось имъ имѣть, смертной казни подверглись многіе золотыхъ дѣлъ мастера. Однажды утромъ пришелъ человѣкъ упомянутыхъ двухъ дѣвицъ и спросилъ: «Готовы-ли перстни?» — «Утромъ будутъ готовы!» отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Этотъ человѣкъ сказалъ: «Если къ завтрашнему утру ты не приготовишь перстней, то завтра же поведутъ васъ обоихъ съ женою и обезглавятъ васъ!» Золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Если къ утру я не приготовлю вамъ перстней, то пусть дѣлаютъ со мною, что только хотятъ!» Потомъ ночью когда плѣшивый лежалъ въ лавкѣ, золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ своей женѣ: «полежимъ сегодня ночью какъ слѣдуетъ, (потому что) завтра утромъ поведутъ насъ и убьютъ! Развѣ можно приготовить перстень? Такого перстня, какой онѣ задумали, я не могу сковать! Если хотятъ убить, то пусть убиваютъ!» Когда онъ лежалъ и разговаривалъ такъ со своею женою, плѣшивый юноша слышалъ (все). Потомъ этотъ плѣшивый сказалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что они разговариваютъ про тѣ (мои) перстни!» (Потомъ) онъ взялъ изъ-за пояса перстень, данный старшею дѣвицею, и взявши принадлежности работы упомянутаго золотыхъ дѣлъ мастера, поколотилъ по этому перстню

тамъ и сямъ молоточкомъ. Когда наступило слѣдующее утро, упомянутый мастеръ простился со своею женою и, сидя съ нею, сталъ плакать. Плѣшивый вошелъ и, спрашивая, сказалъ: «О мой мастеръ! Зачѣмъ Вы сидите такъ и горько плачете?» Этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ дѣлѣ? Развѣ ты не слышалъ словъ человѣка, приходившаго вчера отъ двухъ дѣвицъ? Теперь вотъ поведутъ насъ обоихъ и обезглавятъ. Всякіе мастера ковали для этихъ дѣвицъ перстни и, не могши имъ угодить, подверглись смертной казни. Развѣ есть у меня возможность сковать такой перстень? Вотъ почему мы, простившись другъ съ другомъ, и плачемъ, думая, что сейчасъ-же поведутъ насъ и умертвятъ!» Упомянутый плѣшивый сказалъ: «Ночью я сковалъ одинъ перстень. Пусть мой учитель (мастеръ) пойдетъ и посмотритъ. Если этотъ самый перстень годится, то я скую еще одинъ!» Золотыхъ дѣлъ мастеръ, увидѣвши этотъ перстень, спросилъ: «Когда ты сковалъ его?» Плѣшивый отвѣчалъ: «Услышавши рѣчь человѣка, приходившаго вчера отъ дѣвицъ, я захотѣлъ сковать его, и сковалъ (его) ночью!» Давши мастеру въ руки одинъ перстень, этотъ плѣшивый сказалъ: «Я схожу за дверь!» и быстро вышелъ. Этотъ плѣшивый бѣгомъ направился къ двумъ дѣвицамъ. Спустившись въ одну яму, этотъ плѣшивый коснулся своей головы перомъ (птицы) Сумрукъ и сказалъ: «Сдѣлай меня дряхлымъ старикомъ!» (Послѣ этого) плѣшивый превратился въ дряхлаго старика. Потомъ онъ взялъ въ руку одну палку какъ трость и, отправившись къ тому мѣсту дѣвицъ, гдѣ стрѣляли изъ ружей, ударивъ въ малый барабанъ. Черезъ одинъ часъ эти двѣ дѣвицы и весь народъ собрались въ большомъ количествѣ на то мѣсто, глѣ стрѣляли изъ ружей. Эта дѣвица сказала: «Гдѣ-же человѣкъ, ударившій въ барабанъ? Вотъ мы приготовили и ружье. Кто выстрѣлитъ и не попадетъ въ этотъ ярмакъ, для того мы приготовили хорошихъ палачей. Кто попадетъ въ этотъ ярмакъ, для тѣхъ мы приготовили себя!» Изъ среди упомянутаго народа вышелъ одинъ старый человѣкъ съ посѣдѣвшею бородою и только-что успѣлъ взять въ руку ружье, находившееся передъ упомянутыми дѣвицами, какъ пришелъ одинъ человѣкъ и, выдергивая ружье изъ руки старика, сказалъ (ему): «Умирали здѣсь и юноши, которые были моложе тебя и которые обладали острымъ зрѣніемъ. Если ты-старикъ, дожившій до нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ, то можешь-ли ты брать въ руки ружье, будучи теперь старикомъ, и не лучше-ли было-бы позаботиться о пяти или шести дняхъ остающейся жизни? Считая себя видѣвшимъ очень длинную жизнь, можешь-ли ты такъ поступать?» (Затѣмъ) пришелъ одинъ палачъ и сталъ держать надъ его головою мечъ. Упомянутыя двѣ дѣвицы сказали: «Пустите его,—пусть и этотъ старина утѣшитъ свою душу! Дайте,—пусть онъ попробуетъ выстрѣлить изъ ружья!» Потомъ дали этому дѣдушкѣ ружье. Этотъ дѣдушка сказалъ: «Эй, дѣвицы! Попадать-ли мнѣ въ нитку повѣшеннаго здѣсь ярмака, или попадать въ него самого?» Эти двѣ дѣвицы, переглядываясь другъ съ другомъ, сказали: «Этотъ старикъ произноситъ удивительныя слова! Тутъ есть что-то особенное!» На умѣ у старшей дѣвицы была совсѣмъ другая вещь, но изъ тысячи разъ она не подумала объ Ярту-башъ богатырѣ ни разу. Этотъ старикъ, прицѣлившись изъ ружья, такъ вы-

стрѣлилъ одною пулею, что ярмакъ (мѣдная монета) былъ разбитъ на нѣсколько частей. Зарядивши ружье во второй разъ, онъ попалъ и въ нитку, на которой висѣлъ ярмакъ. Потомъ этотъ старикъ сказалъ дѣвицамъ:

«Не называйте вы
«Старика старымъ,
«Потому что старость
«Бываетъ обманчива!
«Тѣ изъ людей,
«Которые—бѣдны,
«Отправляютъ
«Много повинностей!

Потомъ этотъ старикъ сказалъ: «Я не возьму васъ, не возьму и вашихъ ружей!» Съ этими словами онъ (незамѣтно) вложилъ въ дуло ружья среди народа оба перстня. Затѣмъ онъ сказалъ: «Возьми свое ружье!» и бросилъ это ружье къ подолу старшей дѣвицы. Потомъ старикъ, прицѣпивъ къ поясу свою трость, скрылся въ народѣ. Затѣмъ двѣ дѣвицы, вернувшись къ себѣ домой, стали говорить другъ другу: «Этотъ старикъ оказался удивительнымъ старымъ стрѣлкомъ! Если-бы онъ былъ молодой, то мы вышли-бы за него за мужъ обѣ!» Когда перстни, заказанные этими двумя дѣвицами золотыхъ дѣлъ мастеру, пришли имъ на память, то онѣ послали къ этому мастеру одного человѣка, говоря: «Если золотыхъ дѣлъ мастеръ перстни уже приготовилъ, то приведи его сюда! Приведи и въ томъ случаѣ, если онъ не приготовилъ ихъ!» (Потомъ) онѣ отправили человѣка. Этотъ человѣкъ пришелъ и сказалъ золотыхъ дѣлъ мастеру: «Эй, золотыхъ дѣлъ мастеръ, я пришелъ за тобою! Сковалъ-ли ты перстни, или не сковалъ, все ровно, пойдемъ со мною!» Съ этими словами пригнали золотыхъ дѣлъ мастера. Упомянутыя дѣвицы спросили у золотыхъ дѣлъ мастера: «Сковалъ-ли ты перстни?» Золотыхъ дѣлъ мастеръ отвѣчалъ: «Я сковалъ (только) одинъ перстень!» и, взявши одинъ перстень, вручилъ его дѣвицамъ. Этотъ перстень раньше былъ перстнемъ, надѣвавшимся на палецъ старшей дѣвицы. Эта дѣвица, взявши перстень въ руки, разсмотрѣла его, и ей пришло на умъ: «У меня былъ перстень, похожій на этотъ,—не похожъ лишь въ немногомъ. Мой перстень былъ литой перстень, а этотъ перстень, оказывается, кованный. При всемъ томъ онъ пришелся мнѣ какъ разъ по рукѣ. Когда-же ты скуешь другой перстень?» Золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «если дадутъ мнѣ трехдневный срокъ, то черезъ 3 дня я принесу (и второй) перстень!» Выпросивши трехдневный срокъ, онъ пошелъ (домой). Потомъ въ тотъ-же день, когда наступилъ вечеръ и младшая дѣвица стала вѣсить ружье на гвоздь, старшая дѣвица сказала: «Повѣсь ружье дуломъ внизъ!» Когда младшая дѣвица повѣсила ружье дуломъ внизъ, извнутри ружья выпало что-то въ темное мѣсто. Старшая дѣвица спросила: «Что такое выпало изъ внутри ружья? я велю Вамъ заткнуть дуло ружья, а Вы оставляете его открытымъ!» Младшая дѣвица сказала: «Извнутри ружья выпало что-то удивительно большое и тяжелое! Что это такое?» Принесши свѣтильникъ, она увидѣла, что это были два перстня. Младшая дѣвица, увидѣвши ихъ, сказала: «Тутъ случилось что-то

особенное! Извнутри ружья выпало два перстня!» Старшая дѣвица сказала: «Это, оказывается, удивительное дѣло. Изъ этого ружья выстрѣлилъ одинъ старый дѣдушка, этотъ старикъ, должно быть, Хизри [1]) (пророкъ Илія). Мы приняли на себя отвѣтственность за души многихъ людей. Вотъ почему надо думать, что это былъ Хизри!» Младшая дѣвица сказала: «О старшая сестра, посмотрите-ка эти перстни. Одинъ изъ нихъ похожъ на мой перстень. Разсмотрите-ка ихъ какъ слѣдуетъ! Не узнаете-ли ихъ!» Съ этими словами она вручила (перстни) старшей дѣвицѣ. Старшая дѣвица, увидѣвши эти два перстня, лишилась чувствъ. Придя черезъ часъ въ чувство, старшая дѣвица сказала младшей: «Какъ-же ты не можешь узнать этихъ перстней? Ты говоришь, чтобы я хорошенько разсмотрѣла эти перстни,—почему-же сама не узнаешь ихъ? Развѣ это не тѣ перстни, которые я носила на своей рукѣ? Знаешь-ли ты того человѣка, которому были даны эти перстни?» Та дѣвица, догадавшись, сказала: «Развѣ это не тѣ перстни, которые были даны нашему богатырю?» Старшая дѣвица спросила: «Если это такъ, то зачѣмъ-же ты спрашиваешь?» (Потомъ) старшая дѣвица сказала: «Откуда взялъ этотъ перстень золотыхъ дѣлъ мастеръ? Это не перстень, скованный имъ самимъ. Владѣльца перстня знаетъ этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Пусть поскорѣе пойдутъ и приведутъ этого мастера!» Съ этими словами (онѣ) отправили одного человѣка. Черезъ одинъ часъ былъ приведенъ и этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Упомянутыя двѣ дѣвицы спросили у него: «Разскажи объ этомъ перстнѣ по правдѣ,—въ противномъ случаѣ убьемъ тебя!» золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Этотъ перстень я сковалъ самъ!» Дѣвицы сказали: «Эй, мастеръ, теперь приблизился твой конецъ. Если я прошу тебя говорить поправдѣ, ты говоришь не подходящія слова! Если ты не скажешь объ этомъ перстнѣ (всю) правду, то изъ тысячи твоихъ душъ не спасется даже одна!“ Потомъ этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «У насъ былъ одинъ плѣшивый юноша. Этотъ юноша поступилъ ко мнѣ въ ученики по золотыхъ дѣлъ мастерству. Когда я вчера ночью лежалъ со своею женою и прощался съ нею, этотъ плѣшивый слышалъ все. Когда я утромъ всталъ и сѣлъ, то онъ принесъ мнѣ этотъ перстень. Я спросилъ: «Кто сковалъ этотъ перстень?» Онъ отвѣчалъ: «Я сковалъ!» Вотъ почему частью я вѣрилъ ему, частью не вѣрилъ!» Старшая дѣвица сказала: «Гдѣ-же этотъ плѣшивый, который далъ тебѣ этотъ перстень?»—«Только-что онъ ушелъ изъ дому!» отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Старшая дѣвица сказала: «Если ты не розыщешь и не приведешь этого плѣшиваго, то ты воръ. Прошло уже три года, какъ украли у меня этотъ перстень. Желая розыскать этого вора, я жестоко поступила со многими мастерами! Теперь я розыскала свой перстень. Если розыщешь мнѣ того вора, который укралъ этотъ перстень, то ты избавишься (отъ смерти)!» Такъ сказала старшая сестра. Золотыхъ дѣлъ мастеръ всталъ и сказалъ: «Ладно, разыщу!» Потомъ двѣ дѣвицы назначили къ этому золотыхъ дѣлъ мастеру двухъ человѣкъ и сказали (имъ): «Гдѣ-бы онъ ни оказался, найдите и приведите его сюда!» Съ этими словами онѣ отправили (ихъ). Въ

---

[1]) خضر

то время, когда золотыхъ дѣлъ мастеръ шелъ съ людьми (тѣхъ) дѣвицъ, въ одномъ мѣстѣ встрѣтился съ ними троими упомянутый плѣшивый, который былъ раньше старикомъ и попалъ (въ ярмакъ [1]) изъ ружья и который превратился теперь въ молодаго человѣка. Этотъ молодой человѣкъ подошелъ къ упомянутымъ людямъ и спросилъ: «Что вы разыскиваете?» Два человѣка отвѣчали: «Одинъ воръ укралъ у дѣвицы перстень, и этотъ перстень оказался у золотыхъ дѣлъ мастера. Когда у золотыхъ дѣлъ мастера спросили, откуда онъ взялъ этотъ перстень, то онъ отвѣчалъ, что взялъ его у одного плѣшиваго юноши. Мы ходимъ и не можемъ розыскать этого плѣшиваго юношу!» Встрѣтившійся имъ молодой человѣкъ сказалъ: «Этотъ человѣкъ, извѣстный подъ именемъ золотыхъ дѣлъ мастера, самъ воръ. Слѣдуетъ держать его покрѣпче самого, какъ-бы онъ не убѣжалъ. Ссылка его на плѣшиваго пустая отговорка!» Сказавши это, (плѣшивый) прошелъ мимо. Потомъ въ этотъ-же день два старшіе брата Ярту-башъ богатыря, собравши въ одно мѣсто много народу, стали говорить: «Мы оба, старшій и младшій братья, состоимъ царями этой страны. Пусть кто-нибудь поборется съ каждымъ изъ насъ двоихъ и сброситъ на землю. Кто поборетъ насъ обоихъ, того человѣка, насъ поборовшаго, мы сдѣлаемъ царемъ, и сами сдѣлаемся его слугами. Но, если онъ не поборетъ насъ, то этого человѣка мы подвергнемъ смерти. Ярту-башъ богатырь и Безрукій богатырь (Чолакъ-батуръ) стали всѣ трое вмѣстѣ. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Стоящіе здѣсь двое мои старшіе братья. Ты, Югрюкъ-батуръ, пойди и возьмись за средняго брата. Когда онъ поборетъ тебя, тогда выступлю и я!» Потомъ Югрюкъ-батуръ вышелъ на средину и сталъ смотрѣть. Средній братъ пришелъ и сказалъ: „Что ты за человѣкъ, осмѣлившійся придти и стать на срединѣ этой площади?" Югрюкъ-батуръ отвѣчалъ: „Я пришелъ и сталъ, чтобы бороться?" Средній братъ пришелъ и попробовалъ взяться за Югрюкъ-батура. Югрюкъ батуръ сказалъ: „Пробуя браться за меня, что ты хочешь дѣлать? Поборовши, ты убьешь-ли меня, или пустишь на свободу? Дѣлай, что только тебѣ угодно. Если сборю тебя я, то мнѣ отъ тебя ничего не нужно»! Въ этотъ день дѣвицы сказали: „Изъ другаго города явился одинъ человѣкъ, желающій бороться съ богатырями»! Съ этими словами они вышли смотрѣть борьбу. Потомъ эти дѣвицы сѣли съ одной стороны площади и стали смотрѣть. Югрюкъ-батуръ, поднявши средняго брата Ярту-башъ богатыря, помахалъ имъ (въ воздухѣ) и такъ хватилъ объ землю, что половина его ушла подъ землю. Потомъ Яршу-башъ богатырь сказалъ: «Если ты поборешь меня, то обезглавишь меня, или возьмешь себѣ въ услуженіе, предоставляется тебѣ самому. Если я поборю, то мнѣ не нужно многаго. Мнѣ будетъ довольно и того, если я посижу на престолѣ 3 дня. Вотъ въ чемъ заключается мое условіе»! Потомъ старшій братъ Ярту-башъ богатыря сказалъ: «Ладно, иди»! и вступилъ въ борьбу. Во время ихъ борьбы собрался весь свѣтъ. Смотрѣли и тѣ двѣ дѣвицы. Дѣвица, которую (Ярту-башъ) привелъ съ собою, была наряжена въ мужской костюмъ. Щенокъ, бывшій во время отъѣзда этихъ дѣвицъ со степи малень-

---

[1]) يارماق

кимъ, сталъ уже теперь большею собакою. Собака стала подлѣ дѣвицы, наряженной въ мужской костюмъ. Среди собравшагося здѣсь народа старшій и младшій братья дрались 3 ночи и (3) дня. Ярту-башъ богатырь помахалъ своего старшаго брата надъ головою 7 разъ и такъ хватилъ его объ землю, что тотъ погрузился въ землю до ушей. Затѣмъ Ярту-башъ богатырь опять выдернулъ своего брата изъ земли. Послѣ этого народъ страны выбралъ (*букв.* поднялъ) Ярту-башъбогатыря въ цари и принесъ его въ свой городъ. Потомъ, когда наступило слѣдующее утро, Ярту-башъ богатырь сдѣлалъ Югрюкъ-батура везиремъ (министромъ) правой руки, а Чолакъ-батура сдѣлалъ везиремъ лѣвой руки. Царь сказалъ: «Завтра я буду сидѣть со старшими и младшими людьми страны и стану держать съ ними совѣтъ. Пусть соберутся всѣ, не исключая и вдовъ и сиротъ»! Издалъ онъ такой указъ. Затѣмъ по наступленіи слѣдующаго утра собрался народъ всего свѣта. Упомянутый царь сказалъ въ эту ночь своимъ двумъ везирямъ и женѣ: «О везири, вы станьте подлѣ меня съ двухъ сторонъ,—я буду излагать разсказъ. Ты, жена, надѣнь снизу платье дѣвицы, какое было у тебя первоначально, а сверху надѣнь мужской халатъ, и стань подлѣ меня. По прошествіи нѣкотораго времени, когда разсказъ приблизится къ концу, я скажу тебѣ: «Приходи», и ты приходи поскорѣе и стань предо мной. Когда велю тебѣ снять (*букв.* положить) мужской халатъ, ты сними его и стань подлѣ двухъ дѣвицъ»! Такъ онъ училъ (своихъ людей). Потомъ, когда наступило утро слѣдующаго дня, онъ послалъ за упомянутыми двумя дѣвицами человѣка, говоря: «Пусть эти дѣвицы придутъ завтра утромъ ко мнѣ на площадь послушать (мой) разсказъ. Что касается ихъ самихъ, то пусть онѣ придутъ, надѣвши снизу дѣвичье платье и сверху мужской костюмъ. Подлѣ меня будетъ стоять одинъ человѣкъ. По прошествіи нѣкотораго времени я скажу этому своему человѣку: «Сними свой халатъ»! Пусть эти дѣвицы, смотря на того человѣка, дѣлаютъ все, что онъ будетъ дѣлать»! Такъ онъ наказывалъ (дѣвицамъ). Въ эту ночь старшая дѣвица видѣла во снѣ слѣдующее; Четыре человѣка сидятъ вмѣстѣ на одной бѣлой кочмѣ. Увидѣвшій маленькій сонъ, она проснулась. Эта дѣвица сказала: «О, младшая моя сестра, сегодня ночью я видѣла удивительный сонъ! Сегодня утромъ надо мнѣ обязательно отнести новому царю эти три перстня»! Потомъ въ то же утро эти двѣ дѣвицы нарядились въ дѣвичьи платья, снаружи надѣли мужской костюмъ и, на 3 пальца надѣвши 3 перстня, отправились къ царю. Затѣмъ, когда собрался народъ страны, новый царь сказалъ народу страны: «Говорятъ въ этой странѣ есть два царевича. Я сдѣлаю ихъ своими везирями правой руки (старшимъ, и лѣвой руки (младшимъ). Пусть они сейчасъ-же придутъ (сюда)»! Съ этими словами онъ послалъ за двумя старшими братьями человѣка. Черезъ часъ привели обоихъ старшихъ братьевъ. Потомъ двухъ дѣвицъ, нарядившихся въ мужской костюмъ, царь ввелъ внутрь (дворца) и далъ обѣимъ по одному мечу. Царь сказалъ: «Я сейчасъ выйду и стану излагать разсказъ. Когда кончится разсказъ, я скажу стоящему подлѣ меня человѣку: «Приходи»!, и вы смотрите на него. Снявши свой халатъ, онъ пройдетъ и станетъ подлѣ васъ. Это вы увидите потомъ. На этой площади находятся два человѣка. Приблизившись къ концу разсказа, я посмотрю на этихъ двухъ чело-

вѣкъ и скажу: «На комъ лежитъ этотъ грѣхъ»? Скажутъ-ли они, что грѣхъ лежитъ на нихъ, или не будутъ говорить ничего, я скажу стоящему подлѣ меня человѣку: «Пойди на средину»! Когда этотъ человѣкъ выйдетъ на средину, я скажу ему: «Сними свой халатъ»! Вы трое, снявши свои халаты, станьте въ одномъ мѣстѣ и смотрите на меня. Когда я скажу: «Рубите обѣ каждаго человѣка отдѣльно»!, вы рубите передо мною сейчасъ-же. Вотъ въ чемъ будетъ заключаться мой разсказъ»! Съ этими словами онъ далъ имъ двоимъ два меча и отправилъ (на площадь). Онѣ, взявши мечи и спрятавши ихъ подъ халаты, стали среди народа. Потомъ черезъ одинъ часъ царь отправился излагать своимъ людямъ разсказъ. Этотъ царь вышелъ и сказалъ: «Пусть ученые и мудрецы подойдутъ ко мнѣ ближе»! и (потомъ) онъ началъ разсказъ:

«О люди, слушайте! Говорятъ, что въ древности гдѣ-то у какихъ-то бѣдныхъ людей была паршивая кобыла. У этихъ людей, говорятъ, было 3 сына. Кобыла этихъ людей, говорятъ, рождала всегда золотыхъ жеребятъ. Этихъ двухъ жеребятъ похищали обыкновенно дивы (нечистые духи). Эти старшіе и младшіе братья стали совѣтываться, какъ-бы овладѣть (жеребятами), но силы у двухъ старшихъ братьевъ не хватило. Самый младшій братъ отсѣкъ одному диву ногу; (потомъ) всѣ 3 брата отправились и нашли дивовъ въ одномъ колодцѣ. Самый младшій братъ спустился и убивши внутри его трехъ дивовъ, добылъ у каждаго отдѣльно по одной дѣвицѣ, похищенной тремя дивами, добылъ многія тысячи золотыхъ жеребятъ и, желая разыскать затѣмъ своихъ старшихъ братьевъ, пошелъ искать ихъ. Старшіе его братья, проголодавшись, залѣзли, говорятъ, въ одну яму и стали дѣлить тамъ навозъ. Младшій братъ-богатырь, узнавши своихъ старшихъ братьевъ, одарилъ ихъ многими подарками и милостями и посадилъ на золотыхъ жеребятъ, говоря (про себя): «Пріѣхавши домой, я выдамъ двоихъ изъ этихъ 3 дѣвицъ за двухъ братьевъ своихъ»! Такъ онъ думалъ, ѣдучи (съ ними) домой. Эти два старшіе брата, уложивши спать своего младшаго брата, стали говорить: «Если онъ, будучи меньше всѣхъ насъ, совершилъ столько дѣлъ то неужели мы, будучи старше, сдѣлаемся его слугами»? (Потомъ) отрѣзали младшему брату-богатырю до колѣнъ ноги. Этого младшаго брата они покинули, говорятъ, (только) съ одною дѣвицею, съ однимъ лукомъ и съ одною собакою! Въ одинъ изъ дней явились къ нему: съ одной стороны степи безглазый и съ другой стороны человѣкъ, лишенный обѣихъ рукъ. Они втроемъ стали другъ другу старшими и младшими братьями —съ дѣвицею-же и съ собакою составилось ихъ пять человѣкъ. Пробывши въ этой степи нѣсколько лѣтъ, они попали въ брюхо семиголовой (вѣдьмы) Ялмунузъ и вышли оттуда благополучно). Они стали всѣ здоровы по-прежнему. Когда человѣкъ, носившій имя Ярту-башъ богатыря, прибылъ къ себѣ на родину, то (тутъ) объявилось два богатыря и двѣ дѣвицы. Было у этихъ дѣвицъ одно мѣсто, гдѣ стрѣляли изъ ружья. Онѣ привязали на нитку одинъ ярмакъ и повѣсили. Однажды какой-то старикъ пошелъ и попалъ въ этотъ ярмакъ. Потомъ въ эти-же дни упомянутыя двѣ дѣвицы сказали, что одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ долженъ былъ сковать имъ перстни, и, когда онѣ пришли къ этому масте-

ру, онъ, оказалось, сковалъ имъ одинъ золотой перстень. Старшая изъ дѣвицъ, увидѣвши этотъ перстень, поймала упомянутаго дѣлъ мастера и, приведя его, спросила: «Кто сковалъ этотъ перстень»? Золотыхъ дѣлъ мастеръ сталъ настаивать на томъ, что перстень скованъ имъ. Когда потомъ стали пытать золотыхъ дѣлъ мастера, то этотъ мастеръ пришелъ къ сознанію и сказалъ: «У меня былъ одинъ плѣшивый юноша! Онъ далъ его мнѣ»! Такъ онъ сознался. Потомъ онѣ отправили съ нимъ двухъ человѣкъ и сказали: «Если вы не разыщете этого плѣшиваго, то убьемъ васъ самихъ»! Затѣмъ къ царскимъ сыновьямъ пришли два гостя и, вступивши съ ними въ борьбу, побѣдили двухъ братьевъ и стали вмѣсто нихъ царями. Собравши народъ страны, старшій и младшій братья, старшая и младшая сестры стали четверо вмѣстѣ, и (только) тутъ среди народа обнаружилось это дѣло».

«Человѣкъ, давшій золотыхъ дѣлъ мастеру перстень, выполнившій задачу двухъ дѣвицъ, побившій двухъ юношей—братьевъ, господинъ двухъ и хозяинъ золотыхъ жеребятъ это — я!» Потомъ онъ сказалъ: «Приходи! сними халатъ»! Упомянутыя 3 дѣвицы вышли всѣ трое на средину площади и сняли свои халаты. Три сестры, повидавшись другъ съ другомъ, сейчасъ-же узнали другъ друга при народѣ. Потомъ пришелъ щенокъ,—повидавшись съ вышеупомянутыми двумя дѣвицами, заплакала и эта собака. Затѣмъ, увидѣвши ихъ, заплакалъ и весь народъ страны. Потомъ Ярту-башъ богатырь, спрашивая, сказалъ: «О мудрецы! Это дѣло правое-ли, или неправое»? Народъ отвѣчалъ: «Неправое»! Потомъ царь, смотря на двухъ старшихъ дѣвицъ, сказалъ: «Эй, что вы стоите и смотрите»? Эти двѣ дѣвицы пошли и, нанесши каждому изъ старшихъ братьевъ царя по одному удару мечемъ, отрубили имъ обоимъ головы, какъ вѣтки яблони, и убили обоихъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь, ставши великимъ царемъ, справлялъ свадьбу 40 ночей и (40) дней и взялъ 3 дѣвицъ за себя за-мужъ, Югрюкъ-батура онъ сдѣлалъ везиремъ правой руки, а Чолакъ-батура везиремъ лѣвой руки. Эти 3 женщины и 3 мужчины стали жить вшестеромъ. Въ теченіе 70 лѣтъ, будучи справедливымъ царемъ, онъ правилъ народомъ и царствомъ и, достигши своей цѣли, ушелъ изъ этого міра (*т. е.* умеръ).

Н. Катановъ.

Библіографія.

1.

روس ادبياتى كلنار (مادام دوله به دف)
طبعهٔ اولى استانبول ١٣١١

Заглавіе этой турецкой (османской) книги въ русскомъ переводѣ читается такъ: «Русская словесность. Сочиненіе «Гранатоваго Цвѣтка» (госпожи Лебедевой). Изданіе первое. Константинополь, 1311 года». Въ этой книгѣ 132 страницы in 16°. Напечатана она въ 1311=1893,4 году. Эта прекрасная книга, принадлежащая нашей соотечественницѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ Лебедевой, заключаетъ въ себѣ краткую исторію русской литературы отъ времени Петра Великаго до настоящаго (1894) года. Въ своей книгѣ авторъ, глубокій знатокъ турецкаго языка, излагаетъ въ сжатомъ видѣ, но изящнымъ слогомъ современной намъ турецкой литературы, біографическія свѣдѣнія о главнѣйшихъ писателяхъ, перечисляетъ ихъ произведенія, часто передаетъ и самое содержаніе чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ произведеній того или другаго автора. Отдѣльныя главы суть: Симеонъ Полоцкій, Антіохъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Херасковъ, Петровъ, Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій и Толстой. Больше всего отведено мѣста изъ этихъ 20 писателей 7: Ломоносову (12 стран.), Державину (8 стр.), Карамзину (15 стр.), Пушкину (26 стр.), Лермонтову (11 стр.), Гоголю (9 стр.) и Островскому (5 стр.). Перечисляя тѣ или другія произведенія русскихъ писателей, авторъ къ сожалѣнію былъ не всегда послѣдователенъ: въ одномъ случаѣ у него русскія названія сочиненій транскрибируются турецкими буквами безъ перевода, въ другомъ случаѣ являются въ одномъ турецкомъ переводѣ безъ транскрипціи, а въ иныхъ случаячъ названія сочиненій передаются какъ въ транскрипціи, такъ и въ переводѣ. Года рожденія и смерти писателей показаны вездѣ русскіе, а не мусульманскіе, что, пожалуй, будетъ не такъ удобно туркамъ, не знающимъ

русскаго лѣтосчисленія. Въ Константинополѣ легко можно было-бы достать «Таблицы» Ахмеда Мухтаръ-паши [1]), вышедшія въ свѣтъ всего только 4 года тому назадъ и, слѣдовательно, еще не составляющія библіографической рѣдкости. Съ помощью этихъ «Таблицъ» отлично можно было-бы перевести всѣ русскія даты на турецкія. Изъ европейскихъ таблицъ можно было-бы воспользоваться: нѣмецкими Ф. Вюстенфельда и Э. Мâлера, французскими Э. Лякуана, русскими М. Терентьева и другими. Собственныя имена лицъ и мѣстъ переданы вездѣ турецкими буквами вполнѣ согласно съ требованіями русской фонетики, хотя сами турки транскрибировали-бы эти имена по своему, т. е. не фонетически. Прилагательныя, входящія въ составъ сложныхъ собственныхъ именъ, поставлены вездѣ передъ собственными именами по нашему мнѣнію не вполнѣ удачно; такъ напр. Петръ Великій названъ «великій Петръ», Іоаннъ Ш—«третій Иванъ», Іоаннъ IV—«четвертый Иванъ», Екатерина Великая—«великая Катерина» [2]) и т. д. При разстановкѣ словъ авторъ руководствовался очевидно общетюркскимъ правиломъ, что опредѣленіе всегда должно предшествовать своему опредѣляемому. Въ турецкихъ учебникахъ такія прилагательныя берутся обыкновенно изъ арабскаго языка и, какъ и въ европейскихъ языкахъ, ставятся вслѣдъ за опредѣляемыми словами. Ставя прилагательное передъ существительнымъ, авторъ книги не основывался-ли на томъ, что у турецкихъ историковъ, напр. у Ахмеда Джевдетъ-паши, Петръ Великій называется «Дели Петру» [3]) (отважный Петръ), гдѣ прилагательное дѣйствительно предшествуетъ собственному имени? Не смотря на эти указанныя нами мелкія погрѣшности, которыя нисколько не уменьшаютъ достоинства самой книги, турки благодаря сочиненію О. С. Лебедевой всетаки достаточно познакомятся съ исторіей русской литературы, и появленіе такой прекрасной книги въ Турціи составитъ эпоху, ибо турки до сего времени ничего не знали о русскихъ писателяхъ.

Н. Катановъ.

2.

Маріуполь и его окрестности. Отчетъ объ учебныхъ экскурсіяхъ Маріупольской Александровской гимназіи. Изданіе почетнаго попечителя Д. Ал. Хараджаева. Маріуполь, 1892.

Въ этой толстой, въ типографскомъ отношеніи изящно изданной книгѣ заключается 461 страница главнаго текста и 55 страницъ приложеній

---

[1]) اصلاح التقويم تاليف الغازى احمد مختار پاشا ترجمه للعربيه شفيق بك منصوريكن بمصر ١٣٠٧

[2]) دردنجى ايوان - اوچونجى ايوان - بيوك پترو بيوك قاترينا.

[3]) دلى پترو

Въ текстѣ повѣствуется исторія Маріупольской гимназіи, исторія заселенія г. Маріуполя (Екатеринослой губ.) и его уѣзда греками и исторія наиболѣе извѣстныхъ училищъ, церквей и другихъ мѣстъ. Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными планами, рисунками, портретами и снимками съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ и мѣстностей. Оцѣнку первой исторической части книги, украшенной иллюстраціями, предоставляемъ спеціалистамъ; намъ-же интересна вторая этнографическая часть, озаглавленная «приложеніями». Эта вторая часть заключаетъ въ себѣ текстъ и переводъ памятниковъ народнаго творчества маріупольскихъ грековъ, говорящихъ по-татарски и вышедшихъ съ греками, говорившими на родномъ языкѣ, съ Крымскаго полуострова въ 1778 году подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита Готѳійскаго и Кафійскаго, основателя г. Маріуполя (портретъ Игнатія помѣщенъ въ началѣ книги). Изъ сказокъ приведены въ русскомъ переводѣ: сказка объ Ашикъ-гарибъ, о Теръ-оглу, о царевнѣ-обезьянѣ, о скупомъ, 10 сынѣ бѣдной вдовы и о царевичѣ Куршунъ-бекѣ. Вслѣдъ за сказками слѣдуютъ пѣсни, переложенныя Ѳ. А. Грековымъ на ноты. Такихъ пѣсенъ 10 номеровъ. Эти пѣсни помѣщаются на 5 таблицахъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ русской транскрипціи и русскомъ переводѣ 2 пѣсни и 40 пословицъ. Тексты памятниковъ народнаго творчества переданы настолько удовлетворительно, что по нимъ можно судить, какой группы тюркскимъ нарѣчіемъ говорятъ маріупольскіе греки,—именно крымско-татарскимъ. Русскій переводъ исполненъ очень близко къ оригиналу и вполнѣ точно передаетъ его содержаніе; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются маленькія неточности: такъ «Ашикъ-гарибъ» переведено «бѣдный костями» и «бѣдный музыкантъ», тогда какъ оба эти арабскія слова значатъ «влюбленный странникъ»; «А хызъ» переведено «дѣвушка» вмѣсто «о дѣвушка». Вмѣсто «ö» по по ошибкѣ напечатано «о», «ô» и «ó». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ двухъ словъ образовано одно, такъ напр.: вмѣсто «алышъ-веришъ» стоитъ «алышгверишъ», вмѣсто «гöзине топрахъ» напечатано «гознитопрахъ», вмѣсто «олса, базаръ» стоитъ «олсабазаръ». Мѣстами попадаются слова, или вовсе не переведенныя, или переведенныя не точно, такъ напр. «гель эҳимизи сарлаихъ» слѣдовало-бы перевести «приди, будемъ вдвоемъ обниматься», а не «иди-обнимемся»; «душманъ» переведено «прочіе» вмѣсто «врагъ». Не смотря на указанныя здѣсь мелочи, книга заслуживаетъ большаго вниманія, и было-бы желательно, чтобы преподаватели Маріупольской гимназіи, имѣющіе такого просвѣщеннаго руководителя, какъ Г. И. Тимошевскій, составили полное описаніе г. Маріуполя и его уѣзда въ отношеніи этнографическомъ. Заканчивая этимъ краткій обзоръ прекрасной книги «Маріуполь и его окрестности», я долженъ сказать здѣсь кстати, что о маріупольскихъ грекахъ, говорящихъ по-татарски, была уже статья Ѳ. А. Брауна на стр. 78—92 «Живой Старины», во II вып. за 1890 годъ.

Н. Катановъ.

3.

Globus, illustrierte Zeitschrift für Länder und Völkerkunde. Braunschweig.

Въ числѣ журналовъ, которые получаются Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи въ обмѣнъ на его изданія, особеннаго вниманія по своему содержанію заслуживаетъ между прочимъ иллюстрированный журналъ «Globus», издаваемый извѣстнымъ Richard Andree въ гор. Брауншвейгѣ. Этотъ журналъ, въ типографскомъ отношеніи издаваемый какъ нельзя лучше, заключаетъ въ себѣ такую массу статей по археологіи, исторіи и этнографіи, что разобрать ихъ по частямъ и по достоинству оцѣнить каждую могутъ только нѣсколько спеціалистовъ. Въ настоящей замѣткѣ я остановлюсь только на статьяхъ этнографическихъ и частью историческихъ. 1) Томъ LIX. 1891. Стр. 32 (статья) и 21 (портретъ in 4° киргиза). Статья написана по поводу портрета, сдѣланнаго русскимъ художникомъ Крыловымъ. путешествовавшимъ по Средней Азіи для производства снимковъ типовъ, Киргизы причисляются по языку къ тюркскимъ народамъ и по типу къ монголамъ. Они зовутъ себя «казакъ». Киргизами назвали ихъ русскіе. Статья подписана Th. v. Zaluski и озаглавлена Kirgisenbildniss. 2) Томъ LIX. 1891. Стр. 56—58. Статья безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Capus über die Vielweiberei in Russisch—Turkestan». Эта статья есть краткое извлеченіе изъ доклада французскаго путешественника G. Capus французскому антропологическому обществу о многоженствѣ и движеніи населенія въ Русскомъ Туркестанѣ. Изъ доклада G. Capus видно, что въ 1868 году было: въ Вѣрненскомъ уѣздѣ 70796 душъ муж. п. и 61353 жен. п., Копаль комъ у. 60199 муж. п. и 59416 жен. п., Сергіопольскомъ у. 46850 муж. п. и 43000 жен. п., Иссыкъ-кульскомъ у. 25000 муж. п. и 21000 жен. п. (55 проц. муж. п. и 45 проц. жен. п.). Женъ берутъ столько, сколько позволяетъ денежный кошелекъ. Надо замѣтить, что эти цифры для настоящаго времени особеннаго значенія не имѣютъ, потому что въ Семирѣченской области, 4 уѣзда которой перечислены выше, за послѣднее время поселилось много калмыковъ, татаръ, таранчей съ долины р. Или и крестьянъ изъ Малороссіи. 3) Томъ LIX. 1891. Стр. 81—85. Статья подъ заглавіемъ: «Totengebräuche der Iakuten, von Vasilij Priklonski. Nach der russischen Originalhandschrift von Friedr. S. Krauss». Къ этой статьѣ приложено 6 рисунковъ подъ общимъ названіемъ «Iakutische Grabstätten, nach der Natur gezeichnet von Vasilij Priklonski». Изъ этой статьи Фридриха С. Краусса узнаемъ, что у тюркскаго племени якутовъ, исповѣдывающихъ шаманство и христіанство, гробъ или закапывается въ землю, а сверху покрывается срубомъ, или ставится на столбахъ. Гробъ есть не что иное, какъ выдолбленная колода или сколоченныя доски. Изъ дерева дѣлаются изображенія умершихъ, и эти изображенія украшаются лоскутками кожи и раковинками. На это надо замѣтить, что выдолбленную колоду употребляютъ на гробъ и минусинскіе татары: сагайцы, койбалы, бельтиры и качинцы. Изображенія умершихъ изъ камня или дерева

дѣлаютъ урянхайцы Чернаго Иртыша, монголы и жители Тибета. Каменныя изображенія умершихъ принято называть каменными бабами. 4) Томъ LIX. 1891. Стр. 93. Статья за подписью Marthe и подъ заглавіемъ: «Buddhistische Heilkunde und ihr Studium in Sibirien». Эта статья написана по поводу выставки 1890 года въ Казани и ея отдѣла «Народная Медицина». Тибетская медицина знаетъ 101 основную болѣзнь. Изъ врачебныхъ средствъ извѣстны 429, которыя пріобрѣтаются въ Ургѣ, кромѣ хинина, покупаемаго въ русскихъ аптекахъ. Тибетскіе медики пользуются уваженіемъ не только у бурятъ, но и у русскихъ. Лѣкарства отпускаются обыкновенно въ видѣ порошковъ, состоящихъ часто изъ 30—60 элементовъ. 5) Томъ LIX. 1891. Стр. 364. Статья, переведенная на нѣмецкій языкъ Dr. Fr. S. Krauss въ Вѣнѣ и озаглавленная имъ: «Bronzenes Wildschaf aus einem Minussinsker Kurgane, von Vasilij Priklonski». Статья эта написана по поводу бронзоваго каменнаго барана, найденнаго 1890 г. близь Иркутска. Къ статьѣ приложенъ и рисунокъ этого бронзоваго барана (Ovis argali) въ естественную величину. Подобнаго-же барана, найденнаго въ Минусинскомъ округѣ, нарисовалъ и В. В. Радловъ (Aus Sibirien. II. Табл. 5, рис. 4 и 5). Такой баранъ есть и въ III томѣ Reise von Pallas, табл 7 (въ изданіи же Gauthier de la Peyronie табл. 32, фиг. 7 и 8). По мнѣнію археологовъ этотъ предметъ былъ принадлежностью шаманскаго культа; онъ былъ именно колоколецъ (такъ думаетъ и В. В. Радловъ, «Aus Sibirien» II, стр. 89). Такіе предметы попадаются часто въ пещерахъ Енисея и его притоковъ. На это надо замѣтить, что такіе колокольцы употребляются больше у буддійскихъ монаховъ при богослуженіи, нежели у шамановъ. Ламы звонятъ колокольцомъ всякій разъ, когда надо начинать пѣніе, а у шамановъ употребляются лишь маленькіе колокольчики и то въ видѣ добавочнаго украшенія на бубнѣ съ внутренней стороны и на шубѣ. 6) Томъ LX. 1891. Стр. 255. Статья безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Russische Expedition nach den Ruinenstädten der Mongolei». Эта статья повѣствуетъ вкратцѣ объ экспедиціи В. В. Радлова. Н. М. Ядринцева, ботаника и топографа на Орхонъ (верховья Селенги). Изъ этой статьи узнаемъ, что мѣстоположеніе главнаго города монгольскихъ хановъ Кара-Корума, описаннаго Плано Карпиніемъ въ XIII в., было долго спорнымъ. Плано Карпиній, папскій посланникъ, въ 1246 г. былъ въ Золотой Юртѣ великаго хана. Потомъ тамъ были: Andreas von Lonjumel (1149) и извѣстный посланникъ Людовика Святаго Ruysbroek (1253). Вопросъ-же о мѣстоположеніи Кара-Корума поднялъ въ 1873 году Падеринъ. 7) Томъ LXII. 1892. Стр 108. Статья, подписанная H. Hofmann, озаглавлена: «Die Tjusi oder Götzen der Minussinskischen Tataren». Эта статья появилась по поводу статьи Д. А. Клеменца, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ, томѣ XXIII, тетрадяхъ 5 и 6. Иркутскъ, 1892». «Тюсъ» у тюркскихъ народовъ то же, что и онгонъ у монгольскихъ, напр. у бурятъ. Онгоны—боготворимые духи предковъ. «Тюсъ»—изображеніе злаго духа, виновника всякихъ бѣдъ и болѣзней. Д. А. Клеменцъ насчитываетъ такихъ духовъ (божествъ) 31. Въ жертву имъ приносятся: молоко, водка, ячмень и пр. У тюрковъ шаманъ называется «камъ», между тѣмъ авторъ вышеприве-

денной статьи ошибается, думая, что «шаманъ» и «камъ» не одно и то же: «bei solchen Zeremonien ist zuweilen die Assistenz eines Schamanen, in besonders wichtigen Fällen sogar die eines Kam nöthig». Далѣе въ статьѣ говорится, что форма этихъ «тюсъ» относится къ глубокой древности. «Тюсы» дѣлаются изъ лоскутковъ кожи (лисицы, медвѣдя, лошади, козы и пр.) и прикрѣпляются къ концу палки. Д. А. Клеменцъ, обратившись къ русской азбукѣ, неправильно воспроизвелъ татарское «töc» черезъ «тюсъ», а H. Hofmann передалъ это «тюсъ» черезъ «Tjus». Жаль, что Д. А. Клеменцъ не указалъ точно, въ какихъ случаяхъ изображенія духовъ предковъ дѣлаются изъ кожи лисицы и въ какихъ изъ кожи др. животныхъ и когда приносится та или другая жертва. 8) Томъ LXIII, № 2. 1893. Стр. 35 и 36. Статья за подписью Dr. Friedrich S. Krauss въ Вѣнѣ и подъ заглавіемъ: «Der Name Stambol oder Istambol». Dr. Franz Miklosich говоритъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи «Die türkischen Elemente in den süd—ost und osteuropäischen Sprachen» (Wien, 1890), что слово Истамбулъ (Istanbol) произошло изъ греческаго εἰς τὴν πόλιν--σ τὴν πόλιν. Болгары и сербы для Константинополя имѣютъ 2 имени: Stanbol («Stambol» и «Stambul», но не «Istambol») и Carigrad (Kaiserstadt). Въ народной пѣснѣ говорится: «u stolu..... u Stambolu» въ столицѣ..... въ Стамбулѣ. Турки слово Истамбулъ взяли у болгаръ и сербовъ и прибавили къ нему «и», какъ къ слову στεφανος они прибавили «i» и сдѣлали «istifanos». Изъ εἰς τὴν πόλιν они сдѣлали-бы «istimpol», но не Stanbol. Итакъ, по мнѣнію Ф. С. Краусса, изъ болгаро-сербскаго Stanbol (Stano=Константинъ,+bol) образовалось Истамбулъ (Истанболъ). Къ этому нужно добавить, что слово «Стамбулъ» изъ греческаго εἰς τὴν πόλιν, явившагося отвѣтомъ на вопросъ: «куда ѣдешь?», производятъ и нѣкоторые мусульманскіе ученые [1]). Русскіе мусульмане вмѣсто «Стамбулъ» часто произносятъ «Исламбулъ»), т. е. городъ ислама. 9) Томъ LXIII, № 3. 1893. Стр. 50 и 51. Статья Dr. I. Goldzieher'a подъ заглавіемъ: «Die Fiktion der Blutverwandschaft bei orientalischen Völkern, Budapest». Эта замѣтка явилась по поводу статьи извѣстнаго французскаго египтолога проф. G. Maspero въ «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology» (1892. Стр. 309—312) о кровномъ и молочномъ родствѣ по корану (сура IV, стихъ 27) и мусульманскимъ законамъ и преданіямъ: Аль-Бухари, ум. 870 г. [2]), и ученика его Ат-Тирмизи, ум. 892 г. 10) Томъ LXIII, № 20. 1893. Стр. 319—324. Статья P. v. Stenin'a въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: «Die Tschuwaschen». Изъ этой статьи видимъ, что всѣхъ чувашъ въ Россіи 680.000 душъ. Живутъ они въ губерніяхъ: Казанской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Самарской, Симбирской и Саратовской. Ученые были различнаго мнѣнія о происхожденіи чувашъ, такъ напр. О. Пешель считаетъ ихъ потомками волжскихъ болгаръ,

---

[1]) Стр. 30 и 31 сочин. Чугучакскаго муллы Курбанъ-алія: كتاب تأريخ جريده جديده Казань, 1889».

[2]) كتاب النكاح—книга о бракѣ.

какого мнѣнія держится и П. С. Савельевъ; госпожа А. Фуксъ считаетъ ихъ хазарами, а В. Сбоевъ производитъ ихъ отъ буртасовъ. Первыя свѣдѣнія о чувашахъ распространились въ Россіи въ царствованіе царя Іоанна IV Грознаго (1533—1584), около 1551 года, а въ царствованіе Императрицы Елизаветы (1741—1761) чуваши приняли христіанство. Остатки язычества до сихъ поръ сохранились у чувашъ. Въ этой статьѣ помѣщены 3 довольно хорошо исполненныя картины—снимки типовъ чувашъ и амбара. Далѣе въ статьѣ есть свѣдѣнія о бытѣ и религіи чувашъ. Источниками для статьи служили: А. Фуксъ, В. Сбоевъ, Палласъ, Стенинъ, А. Земляницкій, Е. А. Маловъ, В. Магницкій, А. Егоровъ, Меньшовъ, А. И. Доброхотовъ, А. Протопоповъ.

Н. Катановъ.

4.

L' Oriente. Rivista trimestrale publicata a cura dei professori del R. Istituto Orientale in Napoli. Roma. Anno I, № 3. 1 Luglio 1894.

На стран. 178—196 іюльской книжки журнала, издаваемаго въ Неаполѣ профессорами Королевскаго Восточнаго Института черезъ каждые 3 мѣсяца, помѣщена любопытная статья оріенталиста Luigi Bonelli подъ заглавіемъ «Elementi italiani nel turco ed elementi turchi nell'italiano» (итальянскіе элементы въ турецкомъ—османскомъ языкѣ и турецкіе элементы въ итальянскомъ). Въ началѣ своей статьи, на стран. 180—182, авторъ перечисляетъ слова, заимствованныя турками изъ языковъ греческаго и французскаго, и такихъ словъ онъ насчитываетъ всего 40. Затѣмъ стр. 183—194 онъ посвящаетъ исключительно перечню словъ, взятыхъ турками изъ итальянскаго языка. Такихъ иностранныхъ словъ въ турецкомъ языкѣ оказывается всего 388. Наконецъ, на стр. 194—196 авторъ перечисляетъ турецкія слова, вошедшія въ составъ итальянскаго языка. Такихъ словъ всего 32. Большая часть словъ культурнаго значенія взяты турками изъ языковъ греческаго, французскаго и итальянскаго въ новѣйшее время. Это преимущественно термины военные, морскіе, финансовые, географическіе и частью естественно-историческіе. Какъ термины военные, усвоены турками слова: блокада, штандартъ, вооруженный отрядъ, баракъ, бастіонъ, браво и др; какъ термины морскіе: компасъ, открытое море, идти прямо, мачта, снасть, каперное судно, фрегатъ, капитанъ, пароходъ и др.; какъ термины финансовые: франкъ, грошъ, касса, лира и др.; какъ термины географическіе: противный вѣтеръ, карта, вулканъ и др. Итальянцами-же у турокъ заимствованы разнородныя слова въ родѣ слѣдующихъ: кофе, кафтанъ, кіоскъ, янычары, гяуръ (невѣрный), обезьяна, одалиска, шакалъ, мечъ, кортикъ, арсеналъ, тюрбанъ (чалма), поваръ, уланъ, шагрень, жилетъ, казна, тупоумный и др. Эти слова усвоены прибрежными жителями Италіи. Не малая доля словъ взята турками изъ венеціянскаго нарѣчія италь-

янскаго языка. Иностранныя слова въ турецкомъ языкѣ и турецкія въ иностранныхъ языкахъ были разбираемы и объясняемы многими учеными, изъ которыхъ L. Bonelli упоминаетъ слѣдующихъ: 1) Fr. Miklošitch: Die Slavischen, Magyarischen und Rumunischen Elemente im Türkischen Sprachschatze. Wien, 1889; 2) G. Meyer. Türkische Studien. Wien, 1893; 3) لغت غريبه (иностранныя слова). Стамбулъ, 1307=1889; 4) Barbier de Meynard. Dictionnaire turc-français. Paris, 1881 et suiv.; 5) Meninski. Lexicon Arabico-Persico-Turcicum. Viennae, 1780; 6) Glosario de las palabras españolas de origen oriental. Granada, 1886; 7) Samy Bey. Dictionnaire turc-français. При всемъ томъ большая часть словъ, заимствованныхъ турками изъ европейскихъ языковъ, не вошла какъ въ выше перечисленные труды, такъ и въ сочиненіе оріенталиста Ценкера «Dictionnaire turc-arabe-persan. Leipzig, 1866—1876». Ввиду всего вышеизложеннаго статья L. Bonelli заслуживаетъ большого вниманія всѣхъ оріенталистовъ, интересующихся турецкимъ языкомъ.

Н. Катановъ.

5.

Алтайскіе инородцы. Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій Алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго, изданный подъ редакціей А. А. Ивановскаго. Москва, 1893. 215 стран. Съ портретомъ В. И. Вербицкаго. Цѣна 2 рубля.

Русскіе этнографы, занимающіеся изслѣдованіемъ быта и вѣрованій сибирскихъ тюркскихъ племенъ, будутъ весьма благодарны Обществу Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящему при Московскомъ Университетѣ, за то, что это Общество, не пожалѣвши средствъ, издало всѣ статьи по этнографіи, которыя печаталъ въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ труженникъ на пользу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Томской губерніи протоіерей В. И. Вербицкій, умершій въ селѣ Улалѣ Бійскаго окр. 12 окт. 1890 г. на 63 году отъ рожденія. Этимъ самымъ изданіемъ Московское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи даетъ полную возможность познакомиться съ трудами провинціальнаго этнографа и всѣмъ русскимъ ученымъ, которые до настоящаго времени почему-либо не знали ихъ близко. Сборникъ статей В. И. Вербицкаго изданъ хорошо и довольно полно, только портретъ его вышелъ не совсѣмъ удачно. Затѣмъ относительно транскрипціи текстовъ шаманскихъ молитвъ надо замѣтить, что она вполнѣ фонетически не выдержана самимъ В. И. Вербицкимъ въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, а въ сборникѣ къ этой невыдержанной транскрипціи присоединились и многочисленныя ошибки, происшедшія

отъ недостатка въ типографіи шрифта смягченныхъ гласныхъ, твердыхъ и мягкихъ гортанныхъ и носовыхъ звуковъ. Благодаря этимъ чисто типографскимъ недостаткамъ затемняется, можно сказать, и самый смыслъ текстовъ. Хорошо, если за текстами сейчасъ-же слѣдуютъ и переводы,—тогда каждый текстъ можно возстановить сообразуясь съ переводомъ его. Что-же касается текстовъ, въ неудачной транскрипціи помѣщенныхъ на стр. 46—75, и притомъ оставленныхъ безъ перевода, то они не имѣютъ большого значенія: ни для лингвиста, ни для этнографа. И здѣсь надо винить всецѣло типографію, въ которой не оказалось фонетическаго шрифта. Очеркъ языка, сдѣланный на стр. 26—42, при недостачной выдержанности транскрипціи тоже не имѣетъ особеннаго значенія для лингвиста. Что касается неоднократныхъ нападокъ на «закорючки» тюрколога В. В. Радлова, который вполнѣ фонетически изучилъ и транскрибировалъ алтайскіе тексты русско-нѣмецкой транскрипціей, то всѣ эти нападки во-первыхъ, основаны лишь на опечаткахъ, которыя оставлены иногда безъ исправленія, во-вторыхъ, научно не обоснованы и потому едва-ли будутъ для кого-нибудь поучительны. Ввиду всего этого сборникъ, посвященный памяти В. И. Вербицкаго, можетъ имѣть значеніе лишь тою частью, которая писана по-русски и которая не имѣетъ полемическаго характера; слѣд. сборникъ будетъ полезенъ только этнографамъ, лингвистамъ-же можно рекомендовать изданные отдѣльно въ 1869 и 1884 гг. «грамматику» и «словарь», составленные В. И. Вербицкимъ болѣе научно, чѣмъ мелкія замѣтки, разбросанныя по разнымъ провинціальнымъ изданіямъ.

Н. Катановъ.

6.

L'irrigation en Asie Centrale. Etude géographique et économique par Henri Moser. Paris, 1894. 379 стр. in 8°, съ гидрологическою картою Туранской низменности и картою арыковъ Самаркандской области.

Въ этой книгѣ, составленной Henri Moser'омъ по личнымъ наблюденіямъ и измѣреніямъ и распроснымъ свѣдѣніямъ, говорится: о почвѣ и климатѣ Ценральной Азіи (стр. 5—140), объ орошеніи полей въ древности (стр. 141—178), объ орошеніи Центральной Азіи въ настоящее время (стр. 179—210), объ орошеніи въ Зеравшанскомъ округѣ (стр. 211—241), объ орошеніи въ Бухарскомъ ханствѣ (стр. 242—272) и объ орошеніи въ будущемъ (стр. 273—373). О туземцахъ Средней Азіи мы узнаемъ изъ этой книги слѣдующее. Сарты живутъ въ домахъ, битыхъ изъ глины (лёса). Изъ такого-же матеріала туземцы строятъ: конюшни, мечети, минареты, гробницы, ограды, печи и пр. Они мѣшаютъ глину съ водой и къ этой смѣси для упругости прибавляютъ рубленой соломы, или сухого навоза или просто сѣна. Кирпичи, сдѣланные

изъ такого матеріала, высушиваются на солнцѣ или обжигаются въ печи. Постройки изъ такихъ кирпичей столь прочны, говоритъ на стр. 26 Henri Moser, что онѣ удивительно выдерживаютъ всякую непогоду и могутъ существовать даже нѣсколько вѣковъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ школы и гробницы, возведенныя изъ вышеозначеннаго матеріала еще въ эпоху великаго Тимура (1337—1405). Въ Азіи не рѣдкость, если оросительные каналы имѣютъ длины 100 верстъ. Императорскій каналъ, соединяющій двѣ большія рѣки: Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзянъ (въ русскихъ учебникахъ: Гоанго и Янцекіангъ), имѣетъ 1000 верстъ длины и 250—1000 футовъ ширины. Находящіяся на этомъ каналѣ плотины имѣютъ вышины до 70 футовъ. Климатъ въ Средней Азіи континентальный, слишкомъ жаркій лѣтомъ. Хивинцы въ маѣ мѣсяцѣ, который считается началомъ лѣта, производятъ такой опытъ: на открытомъ солнечнымъ лучамъ мѣстѣ хивинцы кладутъ куриныя яица, которыя затѣмъ прекрасно поспѣваютъ, и въ теченіи дня хивинцы приготовляютъ яица такимъ образомъ раза три. Если яица всѣ 3 раза поспѣваютъ, значитъ лѣто будетъ хорошее, обѣщающее обильный урожай. По словамъ автора Миддендорфъ (умершій 16 янв. 1894 г.) провѣрилъ опытъ хивинцевъ и вычислилъ, что для сваренія одного яица на низкомъ мѣстѣ нужно времени 1 часъ при температурѣ 85°. Относительно населенія Henri Moser говоритъ, что по свѣдѣніямъ 1884 года: въ Сыръ-дарьинской области было на 8645 кв. миляхъ 448962 д. осѣдлыхъ и 653655 д. кочевыхъ, въ Ферганской области было на 1320 кв. миляхъ 538650 д. осѣдлыхъ и 137120 д. кочевыхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ на 473 кв. мил. 360586 д. осѣдлыхъ и въ Аму-дарьин. области 29465 д. осѣдлыхъ и 104160 д. кочевыхъ. Изъ хлѣбныхъ растеній, наиболѣе любимыхъ кочевниками Средней Азіи, особенно извѣстно просо, изъ котораго киргизы дѣлаютъ напитокъ, называемый буза. Затѣмъ въ пищу туземцамъ идутъ: бобы, кукуруза, кунжутъ, горохъ, чечевица и др. растенія. Изъ фруктовыхъ деревьевъ въ Средней Азіи растутъ: абрикосовое, персиковое, яблоня, грушевое, миндальное, фисташковое, вишневое, орѣховое, фиговое, гранатовое, тутовое и виноградъ. Часть этихъ деревьевъ находится въ дикомъ состояніи, часть растетъ въ садахъ туземцевъ. Винограда, воздѣлываемаго туземцами, насчитываются до 20 разныхъ сортовъ, и всѣ сорта хорошіе. Туземцы Средней Азіи не любятъ украшать свои дома цвѣтами и растеніями. Изъ цвѣтовъ туземцы любятъ только розу и гвоздику. Садъ туземца, кромѣ необходимыхъ растеній, содержитъ также исключительно для женскаго туалета растеніе Lawsonia inermis, изъ котораго добывается краска «хиннâ» [1]) для окрашиванія ногтей, и для запаха базиликъ. Ханъ хивинскій самъ занимается садоводствомъ. Дворецъ его окруженъ цвѣтниками. Хивинцы любятъ носить за ушами цвѣты. О народахъ Средней Азіи Henri Moser между прочимъ говоритъ, что таджики и сарты мягки, понятливы, терпѣли-

---

[1]) Хиннâ—حناء.

вы, трудолюбивы, но безнравсттенны, притворны, лгуны и жадны до наживы. Въ своихъ поступкахъ таджики и сарты отчасти сходятся съ евреями. Киргизовъ г. Moser считаетъ врагами сартовъ и земледѣлія. Киргизы ненавидятъ сартовъ, людей городовъ и базара, которые торгуютъ, надувая киргизовъ и обкрадывая ихъ какъ только возможно, и которые смѣются надъ ихъ простотою и мужиковатостью. Среднеазіятскіе киргизы стали понемногу заниматься земледѣліемъ съ тѣхъ поръ, какъ сильные морозы истребили стада. Туркмены по прежнему продолжаютъ жить набѣгами и разбоями, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые живутъ близь городовъ. Авторъ въ концѣ книги говоритъ, что проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, учрежденіе въ главныхъ центрахъ земледѣльческихъ школъ и хорошее управленіе страной—все это въ совокупности сдѣлаютъ Среднюю Азію богатой страной. Вотъ и все, что говоритъ о туземцахъ въ своей прекрасной книгѣ Henri Moser; что-же же касается собственно географическо-экономическаго описанія Средней Азіи, то разсмотрѣ іе его представляется спеціалистамъ. Книга издано изящно. Изъ сочиненій русскихъ авторовъ г. Henri Moser пользовался сочиненіями Мушкетова, Иностранцева, Вильда, Миддендорфа, Костенко, Радлова и Наливкина. Для Западной Европы эта книга, заключающая въ себѣ точныя свѣдѣнія о Средней Азіи, сослужитъ великую службу. Въ заключеніе нужно сказать, что нѣкоторыя туземныя слова транскрибированы не совсѣмъ правильно; такъ на стр. 38 «djidda»—растеніе джигда (вм. «djigda»), тамъ-же «ourda»—крѣпостца (вм. «orda»), стр. 52 «tougais» — кустарники (вм. «togaï's»), 78 «Hindou-kouch»—хребетъ Гинду-кухъ (вм. «Hindou-kouh» هندو کوه), 104 «bourdaï»—пшеница (вм. «bougdai)», 107 «taryl»—просо (вм. «tary»—тары) и 296 «koumirtchi»—угольщикъ (вм. «keumurtchi»). Къ книгѣ приложена недурная карта Средней Азіи въ масштабѣ 200 километровъ въ дюймѣ, длины 8 и ширины $5^1/_2$ вершковъ.

Н. Катановъ.

7.

Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области, разрѣшенные въ Общемъ Присутствіи Тургайскаго Областнаго Правленія съ участіемъ уѣздныхъ начальниковъ и свѣдущихъ лицъ изъ киргизовъ въ засѣданіяхъ съ 25-го января по 12-е февраля 1894 года. Оренбургъ, 1894. 332 стр. in 8°.

Этотъ сборникъ, изданный по распоряженію г. военнаго губернатора Тургайской области, представляетъ результатъ многихъ вопросовъ первосте-

пенной важности, обсуждавшихся на съѣздѣ въ г. Оренбургѣ съ 25 января по 12 февраля 1894 года, вопросовъ, касающихся разныхъ сторонъ административнаго управленія и экономической жизни киргизовъ. На засѣданіяхъ обсуждались между прочимъ слѣдующіе вопросы: о составленіи инструкціи волостнымъ правителямъ, о народномъ судѣ, о зданіяхъ для волостныхъ правленій, о мѣрахъ къ сокращенію переписки, о выборахъ должностныхъ лицъ и искорененіи подкуповъ, о правахъ уѣздныхъ начальниковъ, о сборахъ податей и повинностей, о съѣздахъ народныхъ судей, о земельныхъ надѣлахъ для кочевниковъ, о прекращеніи конокрадства, о взиманіи долговъ съ киргизовъ, о ссудахъ и ссудныхъ кассахъ, объ обезпеченіи народнаго продовольствія, объ общественныхъ сѣнныхъ запасахъ, объ употребленіи тамгъ вмѣстѣ съ подписями, о льготахъ отъ платежа кибиточной подати, о ростовщикахъ, объ аульныхъ школахъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ заключаются: формы бланокъ для именныхъ списковъ кибитковладѣльцевъ; форма бланокъ для баллотировочныхъ листовъ; кондиціи на содержаніе аемскихъ станцій въ области; формы бланокъ вѣдомостей дѣламъ, рѣшаемымъ народными судіями; о киргизскихъ лѣтовкахъ. Вслѣдъ за приложеніями слѣдуетъ «инструкція волостнымъ управителямъ, аульнымъ старшинамъ, волостнымъ и аульнымъ съѣздамъ Тургайской области». Въ этой «инструкціи», печатавшейся также въ «Тургайскихъ областныхъ вѣдомостяхъ» за 1894 годъ, указываются: обязанности по дѣламъ полицейскимъ, обязанности по дѣламъ казеннаго управленія, обязанности по дѣламъ общественнымъ, обязанности по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ и общимъ судебнымъ установленіямъ и народному суду, и наказъ аульнымъ съѣздамъ кибитковладѣльцевъ и волостнымъ съѣздамъ выборныхъ; затѣмъ приводятся: правила о предоставленіи въ распоряженіе правительства лицъ порочнаго поведенія, правила объ истребленіи саранчи, правила о пригульномъ скотѣ, правила объ удовлетвореніи потерпѣвшаго за потраву, правила объ охраненіи казенныхъ лѣсовъ отъ пожаровъ, правила о порядкѣ производства казенныхъ взысканій съ имущества должниковъ и правила о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ киргизовъ и киргизскихъ обществъ. Изъ этой богатой содержаніемъ книги между прочимъ узнаемъ слѣдующее. Въ устройствѣ зданій для волостныхъ правленій настоитъ великая надобность, тѣмъ болѣе, что по отсутствію волостныхъ канцелярій становится невозможнымъ наводить справки за минувшіе годы по случаю утраты дѣлъ, изъ которыхъ многія, подвергаясь вліянію воздуха и дождей при перекочевкахъ, сгниваютъ. Эти дома могли-бы послужить и образцами для построекъ киргизскихъ зимовокъ (стр. 10).—Пока киргизы не оставятъ своихъ честолюбивыхъ стремленій къ должностямъ, до тѣхъ поръ нельзя разсчитывать на полное уничтоженіе партій и подкуповъ, какъ средствъ къ достиженію должностей (стр. 21). Миролюбивые и добрые по натурѣ киргизы, подъ вліяніемъ избирательной борьбы, озлобляются и ищутъ удобныхъ случаевъ наносить своимъ противникамъ всевозможный вредъ (стр. 24).—Народный судъ киргизовъ подлежитъ надзору и ревизіи уѣздныхъ начальниковъ, которые должны блюсти общественные и частные интересы киргизовъ (стр. 31).—Въ послѣднее десятилѣтіе развитіе русской колонизаціи въ степи

замѣтно повліяло на измѣненіе условій экономическаго быта киргизовъ. Многіе киргизы стали заниматься хлѣбопашествомъ, обработывая землю сами лично или черезъ работниковъ изъ русскихъ. Въ средѣ киргивовъ замѣчается стремленіе ко многимъ заимствованіямъ отъ русскихъ и между прочимъ къ усвоенію лучшихъ пріемовъ веденія сельскаго хозяйства (стр. 36).— Въ киргизской степи до упроченія русской власти во всѣхъ дѣлахъ борьба частныхъ интересовъ регулировалась самосудомъ, выражавшимся въ формѣ баранты. Обиженные искали защиты у своего рода, который мстилъ отбарантованіемъ скота и имущества у противниковъ. Всѣ, отличавшіеся смѣлостью и удальствомъ при отбарантованіи скота и имущества, пріобрѣтали уваженіе въ народѣ и славу лихихъ батырей, увлекавшую многихъ на подобные же разбойническіе подвиги. Упроченіе русской власти въ степи и уничтожила баранту и славныхъ батырей (стр. 67).—Кражи скота въ Тургайской области все увеличиваются: въ 1888 г. было 513, въ 1889 г. было 580, въ 1890 г. было 627 и въ 1891 г. было 720 кражъ (стр. 69). Киргизы Тургайской области подъ вліяніемъ примѣра русскихъ переселенцевъ распахиваютъ нынѣ площадь въ 84464 десятины хозяйственной мѣры (=140706 казен. десятинъ). Хлѣбъ нынѣ сталъ предметомъ первой потребности, особенно для киргизовъ сѣверныхъ уѣздовъ (стр. 94).—Тамги, заимствованныя, по всей вѣроятности, отъ монголовъ, введены у киргизовъ въ концѣ XVII в., еще до принятія русскаго подданства, при ханѣ Тяукѣ, который, заботясь о введеніи порядка въ народѣ, издалъ для киргизовъ законы, основанные на древнихъ обычаяхъ, опредѣлилъ каждому роду свою кочевку и каждому же роду далъ тамги, для клейменія скота и означенія мѣстъ лѣтнихъ кочевокъ. Съ принятіемъ русскаго подданства киргизы, какъ неимѣвшіе своей письменности, стали прикладывать тамги вмѣсто подписей во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ (стр. 101). Общее Присутствіе постановило, чтобы впредь у киргизовъ въ дѣловыхъ бумагахъ, кромѣ тамги, имѣлись и подписи, такъ какъ контрольныя судебныя учрежденія не принимаютъ бумагъ, на которыхъ нѣтъ подписей, а имѣются однѣ тамги (стр. 102 и 103).—Льготами отъ платежа податей въ Тургайской области пользуются: потомки Ширгазы,—внука Абулъ-хайра, умершаго 1749 года; потомки тѣхъ лицъ, которыя были убиты въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ въ 1844 г. противъ мятежнаго султана Кенисары Касимова, и потомки султана Арслана Джантюрина (стр. 108 и 109).—Поселившіеся въ области татары, бухарцы и евреи часто вовлекаютъ киргизовъ въ раззорительныя сдѣлки, взыскивая съ нихъ громаднѣйшія суммы въ видѣ неустойки за просроченные дни (стр. 111). — Въ Тургайской области аульныхъ школъ всего 25. Эти школы по простотѣ своей вполнѣ отвѣчаютъ кочевому образу жизни киргизскаго населенія (стр. 133). Въ «инструкціи волостнымъ управителямъ, аульнымъ старшинамъ, волостнымъ и аульнымъ съѣздамъ» также не мало любопытныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ приводимъ здѣсь лишь нѣкоторыя. Волостной управитель и аульный старшина въ предѣлахъ своего вѣдомства преслѣдуютъ лицъ, которыя, обманывая легковѣренныхъ людей, станутъ выдавать себя за колдуновъ или людей, одаренныхъ чудесною силою или

святостью, и тѣмъ будутъ производить въ народѣ тревогу, уныніе, или неповиновеніе установленной законами власти (§ 16). Волостной управитель и аульный старшина неослабно наблюдаютъ за поведеніемъ и образомъ мыслей подвѣдомственнаго имъ населенія и употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ охраненію спокойстія и порядка посредствомъ благоразумныхъ внушеній (§ 18). Женщины, числящіяся кибитковладѣлицами, имѣютъ право голоса на съѣздахъ наравнѣ съ мужчинами (§ 203). Въ званіе волостнаго муллы избираются киргизы, не лишенные права голоса, имѣющіе отъ роду не менѣе 25 лѣтъ и способные къ исполненію обязанностей этого званія. Лица, получившія образованіе внѣ Имперіи, не могутъ быть избираемы муллами (§ 240). Къ книгѣ приложены разныя формы бланокъ. Этотъ обширный сборникъ, составленный при ближайшемъ участіи И. И. Крафта, редактора Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей, состоявшаго во время съѣзда въ Оренбургѣ секретаремъ совѣщанія по всѣмъ вопросамъ, заключаетъ въ себѣ не мало самыхъ новыхъ и интересныхъ свѣдѣній по части быта киргизовъ Тургайской области, и потому этотъ сборникъ смѣло можно рекомендовать какъ весьма полезную книгу всякому этнографу, интересующемуся судьбами подвластныхъ Россіи народовъ. Остается въ будущемъ пожелать отъ этого сборника одного, чтобы та часть его, которая заключаетъ въ себѣ правила и инструкціи для управленія киргизами, была переведена на чистый народный киргизскій языкъ и чтобы затѣмъ она была распространена по всей области, послѣ чего киргизы убѣдятся, что русское правительство дѣйствительно печется объ ихъ благосостояніи.

Н. Катановъ.

8.

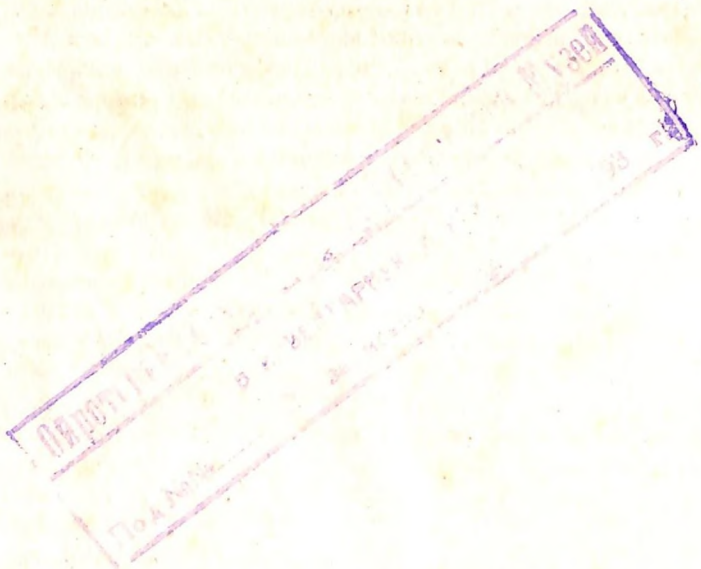
Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Ташкентъ, 1894. Цѣна 40 коп.

Эта брошюра составлена воспитанникомъ IV класса Туркестанской учительской семинаріи Худабаемъ Кустанаевымъ и издана подъ редакціей преподавателя этой-же семинаріи Н. А. Воскресенскаго. Не смотря на то, что въ этой брошюрѣ только 52 страницы, она трактуетъ обо всемъ, касающемся быта киргизъ Сыръ-дарьинской области, изъ которыхъ происходитъ самъ авторъ, довольно подробно. Во вступленіи (главѣ I) говорится о типѣ киргизъ, одеждѣ и украшеніяхъ ихъ, жилищѣ, пищѣ и утвари, кочевкахъ, гостепріимствѣ, зимовкахъ и зимнихъ развлеченіяхъ (стр. 1—22); въ главѣ II описываются свадьба и ея обряды (стр. 22—34); въ главѣ III говорится объ обрядахъ и повѣріяхъ, сопровождающихъ роды киргизокъ, о рожденіи ребенка и уходѣ за нимъ, о воспитаніи дѣтей, о школѣ и ея вредномъ вліяніи

на умственное и физическое развитіе учениковъ (стр. 35—41); въ главѣ IV говорится о больномъ, о баксахъ и способахъ леченія, о смерти киргиза и похоронныхъ обрядахъ (стр. 41—50) и, наконецъ, на стр. 50—52 дѣлается общая характеристика нравственныхъ свойствъ киргизовъ. Новѣйшихъ описаній быта среднеордынскаго и большеордынскаго киргизскаго народа мы до сихъ поръ имѣли нѣсколько, въ томъ числѣ статью В. Д. Тронова «Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ», помѣщенную на стран. 45—86 вып. II тома XVII, «Записокъ Императорскаго Русскаго Географич. Общ. по отдѣленію этнографіи», и статью И. И. Ибрагимова «Этнографическіе очерки киргизскаго народа», помѣщенную на стр. 120—152 выпуска II сборника «Русскій Туркестанъ». Теперь мы имѣемъ и третью статью, написанную гораздо обстоятельнѣе и полнѣе предыдущихъ двухъ статей киргизомъ, хорошо знающимъ бытъ своего народа. Особеннаго вниманія въ сочиненіи нашего автора заслуживаютъ подробныя описанія киргизскихъ костюмовъ и украшеній, описанія киргизскихъ свадебныхъ обычаевъ и прекрасно изложенная киргизская демонологія. О демонахъ узнаемъ между прочимъ слѣдующее: Джины—это духи, имѣющіе роковое вліяніе на людей; ихъ преслѣдуютъ ангелы своими молніеносными стрѣлами, хотя бы они скрылись въ деревьяхъ, животныхъ и людяхъ. Арвâхи—это покровительствующіе духи усопшихъ предковъ, пророковъ, святыхъ и знаменитыхъ людей; эти духи заботятся о счастіи и благополучіи людей, охраняютъ ихъ отъ опасностей, вселяютъ въ нихъ хорошіе помыслы, удаляютъ дурные. Пери—это прекрасныя, воздушныя существа, живущія между небомъ и землею, на самыхъ высокихъ горахъ, и причиняющія человѣку нѣкоторыя болѣзни. Изгнаніемъ злыхъ духовъ обыкновенно занимаются баксы, играющіе у киргизовъ роли знахарей. Баксы занимаются своимъ дѣломъ преимущественно ночью, т. е. такъ-же, какъ и шаманы восточныхъ тюркскихъ племенъ. Жаль одного, что нашъ авторъ дѣлаетъ иногда свои заключенія о баксахъ изъ единичныхъ случаевъ, которые онъ наблюдалъ. Французскій путешественникъ G. Capus въ своемъ докладѣ Французскому Антропологическому Обществу сказалъ между прочимъ, что въ Русскомъ Туркестанѣ мусульмане женъ берутъ столько, сколько имъ позволяетъ денежный кошелекъ («Globus», томъ LIX, стр. 56—58. 1891); нашъ-же авторъ Худабай Кустанаевъ говоритъ, что только богатые имѣютъ много женъ, не больше четырехъ по корану (стр. 33). Г. Кустанаевъ имѣлъ вѣроятно ввиду 3 стихъ IV главы корана, гдѣ дѣйствительно говорится только объ 1, 2, 3 и 4 женахъ; между тѣмъ въ Русскомъ и Китайскомъ Туркестанѣ встрѣчаются киргизы и татары, имѣющіе и болѣе 4 женъ. Нельзя не пожелать, что въ такой хорошей брошюрѣ, какъ сочиненіе г. Кустанаева, попадаются опечатки и ошибки, которыя даютъ неправильное понятіе о киргизскомъ языкѣ; такъ напр. видимъ: на стр. 11 «тазъ» (камень) вмѣсто «тасъ», стр. 13 «бусага» (притолока) вм. «босага», стр. 17 «кунакъ» (гость) вм. «конакъ», стр. 21 «думбра» (балалайка) вмѣсто «домбра» и «уйнакъ» (игра) вм. «ойнакъ» или «ойнау», стр. 28 «джулдасъ» (спутникъ) вм. «джолдасъ» и «курумдыкъ» (смотрины) вм. «кӧрӱмдӱкъ», стр. 29 «ачаргъ» (открывать) вм. «ашаръ» и «уйнау» (играніе) вм. «ойнау», стр. 31

«уленгъ» (пѣсня) вм. «ölöнг», стр. 32 «утау» (кибитка), вм. «отау», стр. 40 «хаджа» (господинъ) вм. «ходжа», стр. 49 «кукъ» (синій, голубой) вм. «кökъ» и «бузъ» (сѣрый) вм. «бозъ», стр. 50 «булсунъ» (да будетъ) вм. «болсунъ», стр. 27 «тугузъ» (девять) вм. «тогузъ», стр. 15 «кунъ» (день) вм. «кўнъ» и т. п. Не смотря на эти ошибки, которыя попали въ брошюру съ чисто татарской фонетикой, можно отъ души пожелать распространенія этому интересному изданію не только въ Россіи, но и на западѣ.

Н. Катановъ.



Б/о
387
153

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** Г.

(Четырнадцатый годъ изданія)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи;** II) **документы, извѣстія и замѣтки;** III) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки,** исполненные фототипіей и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книги журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	НА ГОДЪ.
Съ пересылкой и доставкой	**10** р. —
Безъ доставки и пересылки	**8** — **50** к.
За границу	**12** — —

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886 г., по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель **К. Гамалѣй** Редакторъ **В. Науменко.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ".

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ВЪ ПРОГРАММУ ГАЗЕТЫ ВХОДЯТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ:

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистики, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края.

II) Общія политическія извѣстія изъ оффиціальныхъ газетъ и изъ телеграммъ »Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края.

IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ.

V) Фельетонъ; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣстныхъ нравовъ и друія мелкія беллетристическія статьи.

VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзнодорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и театральныя свѣдѣнія, метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія.

VII) Безплатное приложеніе къ «ОРЕНБУРГСКОМУ ЛИСТКУ»:

Листокъ объявленій.

Газета **«Оренбургскій Листокъ»** выходитъ по воскресеньямъ, а **«Листокъ Объявленій»** въ будни, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна на годъ **5** рублей съ доставкою и съ пересылкою **5 руб. 20 коп.**

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты **«Оренбургскій листокъ»**, Перовская улица, домъ № 33.

Редакторъ-издатель Ив. **Евфимовскій-Мировицкій.**

III

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ XIII).

Въ 1895 году «Самарскій Вѣстникъ», имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Вожско-Камскаго раіона, будетъ издаваться ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, по утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причемъ при газетѣ, въ видѣ безплатныхъ приложеній, разрѣшены ФОТОТИПИЧЕСКІЕ — ИСПОЛНЯЕМЫЕ ВЪ СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ — ПОРТРЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ ВИДЫ ПОВОЛЖЬЯ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ И СООРУЖЕНІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Въ г. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ	5 р. —
Тоже на 1/2 года	3 » —
На одинъ мѣсяцъ	— 50 к.
Съ пересылкой въ другіе города и уѣзды на годъ . .	6 р. —
Тоже на 1/2 года	3 « 50 к.
На одинъ мѣсяцъ	— 60 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Самарѣ, Дворянская улица, домъ Петрова (бывшій Бахъ).

Редакторъ-издатель **Н. К. Реутовскій.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА".

„Сборникъ Саратовскаго Земства" имѣетъ выходить въ 1895 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года:

1. Постановленія и распоряженія Правительства.

2. Земское и городское хозяйство. Земскія извѣстія и обзоры дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій Саратовской губерніи.

3. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія по археологіи, исторіи, этнографіи, народному образованію, по физической географіи, метеорологіи, почвовѣдѣнію, экономическому быту, сельскому хозяйству, промышленности, торговлѣ, кредиту, медицинѣ, ветеринаріи и статистикѣ.

4. Мѣстная хроника. Сообщенія, отчеты и обзоры дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ.

5. Справотвыя извѣстія и объявленія.

Срокъ выхода, по мѣрѣ накопленія матеріала, не болѣе 12 разъ въ годъ.

Во время мѣстныхъ выставокъ будетъ выходить ежедневно или смотря по надобности «Листокъ Саратовской Выставки».

При журналѣ могутъ быть выпускаемы въ видѣ приложеній отдѣльныя книжки по предметамъ программы.

Содержаніе каждой книги будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Сборникъ Саратовскаго Земства". I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ программу „Сборника". IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово - Промышленная **Недѣля.** III. Экстренныя приложенія.

Редакція будетъ преслѣдовать тѣ-же задачи, что и въ прошедшемъ году, а именно, главнымъ образомъ, откроетъ свой журналъ для вопросовъ чисто земскихъ, какъ по отношенію къ земской организаціи вообще, такъ и по отношенію къ интересамъ каждаго изъ земскихъ плательщиковъ въ отдѣльности.

Въ «**Недѣлѣ**», кромѣ стороннихъ сообщеній и платныхъ объявленій будетъ особая часть: «**спросъ и предложеніе**», въ которой каждый изъ подписчиковъ имѣетъ право **безплатно** напечатать предложеніе о продажѣ имъ предметовъ и произведеній собственнаго сельскаго хозяйства, промысла,

или заводскаго производства, или сдѣлать предложеніе своего личнаго труда, или, имѣя потребность въ какихъ либо предметахъ, продуктахъ и товарахъ или послугахъ по отраслямъ, составляющимъ предметъ «Сборника», обратиться къ другимъ подписчикамъ съ запросомъ, у кого изъ нихъ или гдѣ требующееся ему можно пріобрѣсти.

Въ томъ же отдѣлѣ будутъ помѣщаться **«вопросы и отвѣты»** подписчиковъ по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу «Сборника».

Оба эти подраздѣленія отдѣла «справочныхъ свѣдѣній и объявленій» открыты спеціально для обмѣна свѣдѣній между подписчиками. Запросы отъ неподписчиковъ помѣщены не будутъ, и Редакція обязуется помѣщать отвѣты «лишь подписчиковъ», не отказываясь впрочемъ, если будетъ на то возможность, давать отвѣты и свѣдѣнія и непосредственно отъ себя.

Въ каждой книжкѣ **«Недѣли»** будетъ приложенъ отрывной листъ, обязательно на коемъ отвѣтъ или запросъ должны быть адресованы въ Редакцію. Запросы, написанные не на этомъ листкѣ или не написанные собственноручно подписчикомъ, Редакція оставляетъ за собой право не помѣщать въ «**Недѣлѣ**».

„Сборникъ“ будетъ выходить пятаго числа того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Приложеніе I-е будетъ выпускаться и разсылаться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со „Сборникомъ“, приложеніе II-е будетъ выходить изъ печати еженедѣльно по субботамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.				На ½ года.				На ½ года.				На 1 мѣс.			
	Безъ пересылки.		Съ пересылк. и доставк. въ Саратовѣ.		Безъ пересылки.		Съ пересылк. и доставк. въ Саратовѣ.		Безъ пересылки.		Съ пересылкой.		Безъ пересылки.		Съ пересылкой.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
За «Сборникъ» безъ приложеній	3	60	4	—	1	80	2	—	—	90	1	—	—	31	—	35
За I приложеніе «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства»—журналы, доклады, отчеты и проч.—къ общей цѣнѣ прибавляется	1	80	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90	1	—
За «Недѣлю»	2	70	3	—	1	35	2	—	1	10	1	20	—	45	—	50
За «Сборникъ» со всѣми приложеніями	8	—	9	—	5	40	6	—	3	60	4	—	1	35	1	50

ОТЪ РЕДАКЦІИ „СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА".

„Сборникъ Саратовскаго Земства" имѣетъ выходить въ 1895 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1890 года:

1. Постановленія и распоряженія Правительства.

2. Земское и городское хозяйство. Земскія извѣстія и обзоры дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій Саратовской губерніи.

3. Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія по археологіи, исторіи, этнографіи, народному образованію, по физической географіи, метеорологіи, почвовѣдѣнію, экономическому быту, сельскому хозяйству, промышленности, торговлѣ, кредиту, медицинѣ, ветеринаріи и статистикѣ.

4. Мѣстная хроника. Сообщенія, отчеты и обзоры дѣятельности мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ.

5. Справотвыя извѣстія и объявленія.

Срокъ выхода, по мѣрѣ накопленія матеріала, не болѣе 12 разъ въ годъ.

Во время мѣстныхъ выставокъ будетъ выходить ежедневно или смотря по надобности «Листокъ Саратовской Выставки».

При журналѣ могутъ быть выпускаемы въ видѣ приложеній отдѣльныя книжки по предметамъ программы.

Содержаніе каждой книги будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Сборникъ Саратовскаго Земства". I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. III. Монографіи и статьи по предметамъ, входящимъ въ программу „Сборника". IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово - Промышленная **Недѣля**. III. Экстренныя приложенія.

Редакція будетъ преслѣдовать тѣ-же задачи, что и въ прошедшемъ году, а именно, главнымъ образомъ, откроетъ свой журналъ для вопросовъ чисто земскихъ, какъ по отношенію къ земской организаціи вообще, такъ и по отношенію къ интересамъ каждаго изъ земскихъ плательщиковъ въ отдѣльности.

Въ «**Недѣлѣ**», кромѣ стороннихъ сообщеній и платныхъ объявленій будетъ особая часть: «**спросъ и предложеніе**», въ которой каждый изъ подписчиковъ имѣетъ право **безплатно** напечатать предложеніе о продажѣ имъ предметовъ и произведеній собственнаго сельскаго хозяйства, промысла,

или заводскаго производства, или сдѣлать предложеніе своего личнаго труда, или, имѣя потребность въ какихъ либо предметахъ, продуктахъ и товарахъ или послугахъ по отраслямъ, составляющимъ предметъ «Сборника», обратиться къ другимъ подписчикамъ съ запросомъ, у кого изъ нихъ или гдѣ требующееся ему можно пріобрѣсти.

Въ томъ же отдѣлѣ будутъ помѣщаться **«вопросы и отвѣты»** подписчиковъ по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу «Сборника».

Оба эти подраздѣленія отдѣла «справочныхъ свѣдѣній и объявленій» открыты спеціально для обмѣна свѣдѣній между подписчиками. Запросы отъ неподписчиковъ помѣщены не будутъ, и Редакція обязуется помѣщать отвѣты «лишь подписчиковъ», не отказываясь впрочемъ, если будетъ на то возможность, давать отвѣты и свѣдѣнія и непосредственно отъ себя.

Въ каждой книжкѣ **«Недѣли»** будетъ приложенъ отрывной листъ, обязательно на коемъ отвѣтъ или запросъ должны быть адресованы въ Редакцію. Запросы, написанные не на этомъ листкѣ или не написанные собственноручно подписчикомъ, Редакція оставляетъ за собой право не помѣщать въ «**Недѣлѣ**».

„Сборникъ“ будетъ выходить пятаго числа того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Приложеніе I-е будетъ выпускаться и разсылаться подписчикамъ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со „Сборникомъ“, приложеніе II-е будетъ выходить изъ печати еженедѣльно по субботамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.				На 1/2 года.				На 1/2 года.				На 1 мѣс.			
	Безъ пересылки.		Съ пересылк. и доставк. въ Саратовѣ.		Безъ пересылки.		Съ пересылк. и доставк. въ Саратовѣ.		Безъ пересылки.		Съ пересылкой.		Безъ пересылки.		Съ пересылкой.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
За «Сборникъ» безъ приложеній	3	60	4	—	1	80	2	—	—	90	1	—	—	31	—	35
За I приложеніе «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства»—журналы, доклады, отчеты и проч.—къ общей цѣнѣ прибавляется	1	80	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90	1	—
За «Недѣлю»	2	70	3	—	1	35	2	—	1	10	1	20	—	45	—	50
За «Сборникъ» со всѣми приложеніями	8	—	9	—	5	40	6	—	3	60	4	—	1	35	1	50

Цѣна экстреннымъ приложеніямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо, о чемъ будетъ публиковаться заблаговременно.

Подписка на приложенія безъ „Сборника“ не принимается и розничная продажа приложеній не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, извѣстнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодьямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый срокъ впередъ, безъ увеличенія годовой подписной цѣны.

Для Волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена:

За „Сборникъ“ безъ приложеній . . . . . 3 р.
„ „ съ I-мъ приложеніемъ . . . . . 4 р.
„ „ съ II-мъ приложеніемъ . . . . . 4 р.
„ „ со всѣми приложеніями, кромѣ экстренныхъ 5 р.

Цѣна объявленій впереди „Сборника“ по 15 к. за строку не мельче цицеро въ 60 буквъ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ „Сборника“ по 10 коп. за ту же строку. Объявленія въ приложеніяхъ по той же цѣнѣ.

При повтореніи объявленій зачительная уступка.

Адресъ Редакціи: **Саратовъ, Губернская Земская Управа.**

Отвѣтственный Редакторъ
За Предсѣдателя Губернской Земской Управы **В. Круберъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** ГОДЪ

Политическо-общественную и литературную газету

„ЕНИСЕЙ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ въ Красноярскѣ, ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) **Телеграммы,** помѣщаемыя въ текстѣ газеты, отдѣльными бюллетенями.

2) **Отдѣлъ оффиціальный,** важнѣйшія правительственныя распоряженія.

3) **Передовыя статьи**, касающіяся жизни русскихъ областей, совмѣстно съ интересами сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на востокѣ.

4) **Статьи и очерки по вопросамъ** Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири. — по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.

5) **Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи**. Городская хроника. Театръ и музыка.

6) **Политическія извѣстія**, общія и въ частности, касающіяся Азіатскихъ странъ.

7) **Корреспонденціи** изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея, соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи.

8) **Научный отдѣлъ**,—открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.

9) **Литературное обозрѣніе**,—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи.

10) **Фельетонъ**: романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія.

11) **Судебная хроника**, безъ обсужденія рѣшеній.

12) **Смѣсь**. Отвѣты редакціи.

13) **Справочный отдѣлъ**: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п.

14) **Объявленія** казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, съ доставкой и пересылкой: на годъ **7** руб., на полгода **4** руб., на четверть года **2** руб. **50** к., на одинъ мѣсяцъ **1** руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «ЕНИСЕЙ», собственный домъ, Воскресенская ул.; **въ Минусинскѣ**: въ отдѣленіи редакціи: «ЕНИСЕЙ», **въ Томскѣ**: въ отдѣленіи редакціи «ЕНИСЕЙ», Почтамтская ул., д. Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Омскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Александрова; **въ Иркутскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Петербургѣ и Москвѣ**: въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель **Е. Кудрявцевъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Ежедневныя политическія телеграммы.

Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе этого отдѣла.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, произшествія и т. п.

Судебная хроника.

Библіографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.

Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство.

Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія, корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли.

На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Сельско-хозяйственные вопросы и торговые интересы Края будутъ представляться редакціей всесторонне и полно.

Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ попрежнему будутъ помѣщаться Воскресныя бесѣды Миролюбова; кромѣ того съ цѣлью дать читателямъ легкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе, въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедосту-

ныя статьи научнаго содержанія, составленныя спеціалистами. Беллетристическія произведенія какъ нашихъ писателей, такъ переводныя — лучшихъ иностранныхъ писателей попрежнему найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ

Тиражи выигрышей, спр. отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ" принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н Ахмеровъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Е Ѳ. Буддэ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ, И А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ѳ. Гусевъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, Ивановичъ, А. П. Ивановъ, В. Ильковъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, Г. Ф. Кудрявцевъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. Н. Назарьева, Островская, Онгирскій Ленскій, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Е. Н. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ.

съ доставкой:

На годъ	7 р.
— полгода	4 р.
— 3 мѣсяца	2 р. 25 к.
— 1 мѣсяцъ	— 75 к.

безъ доставки:

На годъ	6 р. 25 к.
— полгода	3 р. 25 к.
— 3 мѣсяца	1 р. 75 к.
— 1 мѣсяцъ	— 60 к.

Для иногороднихъ подписчиковъ:

На годъ	9 р.
— полгода	5 р.
— 3 мѣсяца	2 р. 75 к.
— 1 мѣсяцъ	1 р.

лекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же.*—Описаніе клада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. И. Загоскина.*—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова.*—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова.* К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная В. Н. Татищева.—О Мишаряхъ чистоп. уѣзда. *В. А. Казаринова.*—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова* К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг.—Скиоскій слѣдъ на билярской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева.*—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Магнитскаго.* Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г.—Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Лаишевскаго у. *С. К. Рябинскаго.* — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—Къ археологіи Урала. *А. М. Зайцева.* — Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма *Н. Ѳ. Высоцкаго.*—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова.*—Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына.*—Неизданныя грамоты изъ аѳонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго.*—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свящ. *А. Д. Жилина.*—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извощикова.*—Библіограф замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещагинымъ. *В. В. Качановскаго.* — Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. *М. П. Веске.*—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго.*—Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитріева.*—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева.*—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина.*—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске.* К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній. за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова.*—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., И. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммиссіи 1767 г. *Н. Н. Ѳирсова.*—Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ѳирсова.*—Толковая икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина.*—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова.*—Прихи у Чувашъ. *В. К. Магнитскаго.*—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова.*—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинегина.* К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелидовой.*—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

Т. X. Вып. 1—6. Изъ прошлаго и настоящаго доисторической археологіи въ Европѣ: доисторическая археологія въ Скандинавіи, Германіи и Австро-Венгріи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и Англіи Мордва. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. I. Очеркъ исторіи. *И. Н. Смирнова.* Данныя о городахъ Волжско-Камской Булгаріи. Ошель и его слѣды. *П. А. Пономарева.* Оброчныя земли на Вяткѣ. *А. А. Спицина.* Слѣды древняго поселенія въ окрестностяхъ г. Спасска. А. *Обрѣзкова.* Матеріалы для археологіи Казанской губерніи. Древняя курганная могила д. Балымеръ. *А. А. Штукенберга.* Этнографическостатистическія данныя о бракахъ у чувашъ Каз. губ. *В. Н. Магницкаго.*

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дубровина и Н. Я. Башмакова.

Матеріалы для характеристики бронзоваго вѣка въ Камско-Волжскомъ краѣ. Ананьинскій могильникъ. *П. А. Пономарева.* Книги разрядныя въ офиціальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в. *К. Б. Гизенвинкеля.* Древнія поселенія Яранскаго уѣзда. *П. И. Кротова.* Формы погребенія у народовъ Восточной Россіи (Камчадаловъ, Коряковъ, Чукчей, Гольдовъ, Орочоновъ, Якутовъ, Бурятъ, Гиляковъ, Карагасъ, Качинцевъ, Бельтировъ, Тунгусовъ, Долгановъ, Самоѣдовъ, Остяковъ, Юраковъ, Лопарей, Угровъ, Киргизовъ и Калмыковъ). Хроника. Музеи Восточной Россіи: Якутскій Минусинскій, Тобольскій, Томскій, Иркутскій, Уфимскій, Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ, Общества Изслѣдователей Астраханскаго Края, Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, Музей Отечествовѣдѣнія при И. К. У. Донской въ Новочеркасскѣ, Красноярскій. Матеріалы. Мары вк Инсарскомъ уѣздѣ. *П. И. Кожевникова.* Городище въ дачѣ с. Большая Тояба. *Зайцева.*—Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII в. *А. С.*—Проводы Костромы-весны въ Самарск. губ. *С. М. С—вой.*—Изъ быта Вотяковъ Бирскаго у. *Г. А. Аптіева.* Худояровъ городокъ *М Извощикова.*—Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII в. *А. Соколова.*—Обрусѣніе западно-сибирскихъ инородцевъ. Памятники татарской старины въ дачахъ с. Сюкеева Тетюшскаго уѣзда *Е. Соловьева.* Развалины каменнаго городища близъ с. Русскаго Канадея въ Сызранскомъ у. *Ѳ. Чекалина.* Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣстности. *Т. Яковлева.* Кубашевское городище около Царевосанчурска. *П. Кротова.* Пермяцко-Корельскія параллели *В. А. Мошкова.* Программы. Программа для собиранія свѣдѣній объ обрусѣніи инородцевъ В. Россіи. *Н. Н. Смирнова.* Программа для собиранія свѣдѣній о бытѣ Мордвы. *Н. Н. Смирнова.* Приложенія. Отчетъ О. А. И. и Э. за 1891 г. Голодъ въ Московскомъ государствѣ.—Пуб. лекц. Н. Н. Ѳирсова. Ц. 5 р., отд. вып. по 1 р.

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Звѣздочка (*) указываетъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю)

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколы Съѣзда.—*Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *И. И. Срезневскаго.*—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова.*—О задачахъ корреспондентовъ археолог. съѣздовъ. *А. С. Гацискаго.*—О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *І. Р. Аспелина.*—О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *И. М. Гвоздева*—О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлян. губ.—О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Гревингка.* *Каменныя орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга.*—О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Поливанова.*—О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго.*—О древнемъ кладбищѣ у Іорданской церкви въ Кіевѣ. *В Б. Антоновича.*—О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Его же.*—О городищѣ Черниг. у *Н. А. Константиновича.*—О древнихъ могилахъ Мцхета. *В. Т. Тизенгаузена.*—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева.*—Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова.*—Курганы въ окрестн. г. Екатеринбурга Перм. губ. *М. В. Малахова.*—*О землян. насыпи недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева.*—*Извѣстные остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина.*—О пещерахъ каменн. вѣка на сред. течен. р. Днѣпра. *В. Б. Антоновича.*—О валахъ на территоріи др. Кіев. княж. *Его-же.* *О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова.*—*Городъ Булгаръ.—*С. М. Шпилевскаго.*—*Гдѣ искать потомковъ Можаръ, бив-

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

лекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его-же.*—Описаніе клада золотоордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. И. Загоскина.*—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова.*—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова.* К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная В. Н. Татищева.—О Мишаряхъ чистоп. уѣзда. *В. А. Казаринова.*—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова.* К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг.—Скиоскій слѣдъ на билярской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева.*—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Магнитскаго.* Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г.—Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Лаишевскаго у. *С. К. Рябинскаго.*—Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—Къ археологіи Урала. *А. М. Зайцева.*—Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма *Н. Ѳ. Высоцкаго.*—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова.*—Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына.*—Неизданныя грамоты изъ аоонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго.*—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свящ. *А. Д. Жилина.*—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извощикова.*—Библіографъ замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещагинымъ. *В. В. Качановскаго.*—Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. *М. П. Веске.*—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго.*—Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитріева.*—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева.*—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина.*—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске.* К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній. за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова.*—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., И. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Коммиссіи 1767 г. *Н. Н. Ѳирсова.*—Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Ѳирсова.*—Толковая икона села Царицына (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина.*—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова.*—Ирихи у Чувашъ. *В. К. Магнитскаго.*—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова.*—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинегина.* К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова.* К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г.—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелидовой.*—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

Т. X. Вып. 1—6. Изъ прошлаго и настоящаго доисторической археологіи въ Европѣ: доисторическая археологія въ Скандинавіи, Германіи и Австро-Венгріи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и Англіи Мордва. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. I. Очеркъ исторіи. *И. Н. Смирнова.* Данныя о городахъ Волжско-Камской Булгаріи. Ошель и его слѣды. *П. А. Пономарева.* Оброчныя земли на Вяткѣ. *А. А. Спицина.* Слѣды древняго поселенія въ окрестностяхъ г. Спасска. А. *Обрѣзкова.* Матеріалы для археологіи Казанской губерніи. Древняя курганная могила д. Балымеръ. *А. А. Штукенберга.* Этнографическо-статистическія данныя о бракахъ у чувашъ Каз. губ. *В. Н. Магницкаго.*

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дубровина и Н. Я. Башкакова.

Матеріалы для характеристики бронзоваго вѣка въ Камско-Волжскомъ краѣ. Ананьинскій могильникъ. *П. А. Пономарева.* Книги разрядныя въ офиціальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в. *К. Б. Газенвинкеля.* Древнія поселенія Яранскаго уѣзда. *П. И. Кротова.* Формы погребенія у народовъ Восточной Россіи (Камчадаловъ, Коряковъ, Чукчей, Гольдовъ, Орочоновъ, Якутовъ, Бурятъ, Гиляковъ, Карагасъ, Качинцевъ, Бельтировъ, Тунгусовъ, Долгановъ, Самоѣдовъ, Остяковъ, Юраковъ, Лопарей, Угровъ, Киргизовъ и Калмыковъ). Хроника. Музеи Восточной Россіи: Якутскій Минусинскій, Тобольскій, Томскій, Иркутскій, Уфимскій, Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ, Общества Изслѣдователей Астраханскаго Края, Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, Музей Отечествовѣдѣнія при И. К. У. Донской въ Новочеркасскѣ, Красноярскій. Матеріалы. Мары вк Инсарскомъ уѣздѣ. *Н. И. Кожевникова.* Городище въ дачѣ с. Большая Тояба. *Зайцева.*—Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII в. *А. С.*—Проводы Костромы-весны въ Самарск. губ. *С. М. С—вой.*—Изъ быта Вотяковъ Бирскаго у. *Г. А. Аптіева.* Худояровъ городокъ *М Извощикова.*—Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII в. *А. Соколова.*—Обрусѣніе западно-сибирскихъ инородцевъ. Памятники татарской старины въ дачахъ с. Сюкеева Тетюшскаго уѣзда *Е. Соловьева.* Развалины каменнаго городища близъ с. Русскаго Канадея въ Сызранскомъ у. *Ѳ. Чекалина.* Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣстности. *Т. Яковлева.* Кубашевское городище около Царевосанчурска. *П. Кротова.* Пермяцко-Корельскія параллели *В. А. Мошкова.* Программы. Программа для собиранія свѣдѣній объ обрусѣніи инородцевъ В. Россіи. *И. Н. Смирнова.* Программа для собиранія свѣдѣній о бытѣ Мордвы. *И. Н. Смирнова.* Приложенія. Отчетъ О. А. И. и Э. за 1891 г. Голодъ въ Московскомъ государствѣ.—Пуб. лекц. Н. Н. Ѳирсова. Ц. 5 р., отд. вып. по 1 р.

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Звѣздочка (*) указываетъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю)

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколы Съѣзда.—*Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова.*—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *И. И. Срезневскаго.*—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова.*—О задачахъ корреспондентовъ археолог. съѣздовъ. *А. С. Гацискаго.*—О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *І. Р. Аспелина.*—О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *И. М. Гвоздева*—О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлян. губ.—О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Гревингка.* *Каменныя орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга.*—О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Поливанова.*—О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго.*—О древнемъ кладбищѣ у Іорданской церкви въ Кіевѣ. *В Б. Антоновича.*—О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Его же.*—О городищѣ Черниг. у *Н. А. Константиновича.*—О древнихъ могилахъ Мцхета. *В. Т. Тизенгаузена.*—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева.*—Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова.*—Курганы въ окрестн. г. Екатеринбурга Перм. губ. *М. В. Малахова.*—*О землян. насыпи недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева.*—*Извѣстные остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина.*—О пещерахъ каменн. вѣка на сред. течен. р. Днѣпра. *В. Б. Антоновича.*—О валахъ на территоріи др. Кіев. княж. *Его-же.* *О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова.*—*Городъ Булгаръ.—*С. М. Шпилевскаго.*—*Гдѣ искать потомковъ Можаръ, бив-

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

Дѣйствительные члены, члены-сотрудники и подписчики «Извѣстій», выписывающіе изданія отъ Общества, пользуются скид. въ 30%.

нихся за русск. въ 1551 г. *А. Ѳ. Можаровскаго.*—*Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царства. *Муллы Шихабъ-уд-дина Бага-уд-динова* (перев. *В. В. Радлова* и подлинникъ). *Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. І. Зарин-скаго.*—*О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣстн. названій Каз. и смежн. губ. *И. А. Износкова.*—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамадыш. у. *Его-же.*—*О личныхъ инородческихъ именахъ. *Его-же.*—Списокъ др. инородч. именъ изъ актовъ *Н. И. Золотницкаго.*—*О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Его-же.*—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вечеслава.*—Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съѣзда. *Д. А. Корсакова.*—*О старомъ и новомъ городахъ въ Н.-Новгородѣ. *П. И. Мельникова.*—*Селитряный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. Н. Загоскина.*—*Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи. *Кн. Н. А. Кострова.*—*Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Его-же.*—Нѣкоторыя данныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по рукопис. И. Пуб. библіотеки. *А. Я. Гаркави.*—Кто были 4 тюрк. племени, разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна.*—Программа по предм. «исторія и теорія искусствъ». *П. В. Павлова.*—*О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельева.*—О монетахъ Владиміра Святого. *Д. И. Прозоровскаго.*—Объ отдѣльн. букв. на копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго. *Ю. Б. Иверсена.*—*О загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ѳ. Лихачева.*—О др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстого.* Казань. 1884. **Цѣна 3 р.**

Содержаніе II тома: О характерѣ власти варяжск. князей. *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—Слѣды церковн. братствъ въ вост. Малороссіи. *Н. А. Сребницкаго.*—О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библіотекѣ. *Н. Я. Христофорова.*—*Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. И. Маркевича.*—Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ. *В. Н. Витевскаго.*—*О народныхъ праздникахъ въ Пензенск. губ. *Н. Я. Аристова.*—*О киреметяхъ крещеныхъ Татаръ. *Н. М. Софійскаго.*—*Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамад. у. *Б. Г. Гаврилова.*—О старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ и пѣсенъ. *Л. Н. Майкова.*—Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Пуб. Библіот. содерж. народныя пѣсни. *А. Ѳ. Бычкова.*—Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную» Ю. Крижанича. *Н. М. Добротворскаго.*—О раскольничьей рукоп. конца XVII в. *И. С. Некрасова.*—«Сказаніе о Соловецк. монаст. и объ Аѳонѣ». *Н. Н. Петрова.*—О Родопскомъ открытіи. *С. Верковича.* (пер. *М. Н. Петровскаго* и подлинникъ).—О Соловецк. библіотекѣ. *И. Я. Порфирьева.*—Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Его-же.*—Объ упрекѣ мон. Нила Курлятевыхъ въ незнаніи митр. Кипріаномъ греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. *Арх. Амфилохія.*—*Гдѣ книги, писан. зырян. и перм. азбукою, составленною св. Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова.*—О вліяніи русскаго яз. на инородческіе. *Его-же.*—Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави.*—*Топографія др. города около с. Русскихъ Кирменей (Мамад. у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева.*—*О старой чувашской вѣрѣ. *Н. И. Золотницкаго.*—*Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ въ уральск. у. Оренб. губ. *В. Н. Витевскаго.*—*Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и хранящ. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ и его библіотекѣ. *Н. Ѳ. Токмакова.*—Указатель личныхъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. **Цѣна 3 рубля.** — **Атласъ** къ Трудамъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. **Ц. 2 руб.**

2) Архивъ кн. В. П. Баюшева. Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. Н. Н. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шпилевскимъ, Н. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленой выставкѣ. *Н. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. *Его-же.* К. 1890. Ц. 20 к.

7) Ананьинскій могильникъ. Н. А. Пономарева. К 1892. Ц. 25 к. (текстъ). Альбомъ фотографій см. въ объявленіи К. Т. Софонова.

Въ 1895 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Карласевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Була-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» **М. Е Евсевьева.**

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 рубль

НМРА КП ОФ8218/147
РК 1208
АС 10923
НК 1933184